

Мудрая Т.А.

ЛЮДИ, НЕЛЮДИ, АНГЕЛОИДЫ

2011

NORD VIND

Публикуется с согласия автора (Мудрая Татьяна Алексеевна).

Текст, опубликованный в настоящем издании является интеллектуальной собственностью автора и защищается ч. 4 Гражданского Кодекса РФ, ст.ст. 138, 1259 ГК РФ, ст. 146 УК РФ и гарантируется нормами ст. 44 Конституции РФ.

Исключительное право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на произведение) принадлежит автору.

Копирование и использование текста настоящего издания возможно только с письменного согласия автора. Любое несанкционированное использование текста в коммерческих целях и без согласия правообладателя запрещено и в случае нарушения преследуется по закону.

UBBN 1E0005CE0M002F1-0B80E

Мудрая Т.А.

Люди, нелюди, англоиды

© 2011, Мудрая Т.А.

chrosvita@yandex.ru

«Nord Vind»

<http://nordvind.ucoz.net>

nordvind.mail@gmail.com

2011

Оглавление

Ламентация.....	5
Стромата прекрасной эпохи.....	6
Мой Нагельфар.....	12
Леночка Фурман на тропе войны.....	13
Я пишу реферат.....	23
Волчья брачная песнь.....	38
Рыжий пес, бегущий краем моря.....	39
Охота Одина.....	45
Пресвиной отец.....	46
Жанровая сценка.....	55
Сукино отродье.....	56
Моей белой даме.....	62
Варвара — Света - Константин.....	63
Молитва сухой колючки.....	70
Эпифиты.....	71
Молитва предстояния.....	79
Черный ворон, белый снег.....	80
Древние краски.....	89
Паут.....	90
Газель.....	100
Старая мебель.....	101
La bagatelle.....	106
Раковина и зеркало.....	107
Finis.....	112

Ламентация

Где яблони в саду и лилии в пруду -
Своим мечтаньям места не найду.
Пускай вселенная дудит в свою дуду!

Пусть все вокруг плюются мне в глаза!

К земле гвоздями приколочен мир,
И нам талдычит озверелый клир,
Что он, преображенный, - наш кумир,

Что он и есть - позор! - вторые небеса.

Все свитки, что читают нам, суть ложь;
Куда ты ни поедешь, ни пойдешь -
В том красоты небесной ни на грош.

Что нам хула, друзья: то Божия роса!

Взойду на путь, чтоб прохладить скорей глаза:
Глядят в прореху облаков там небеса,
Ручьем жемчужин льется лунная роса,
И на траву ложится тихий звездный дождь...

Стромата прекрасной эпохи

Климент Александрийский прославился в веках обширной энциклопедией философских и религиозных учений своего времени, напрочь вытесненных с арены победной поступью христианства. Называлась она «Стромата», то есть «Отрывки мыслей», что ли. Зачастую эти обрывки, лоскутки, клочья мыслей, из которых невозможно было сшить даже мало-мальски стоящее деревенское одеяло или, как ныне говорят, печворк, оказались единственным источником, по которому можно было судить, скажем, о николаитах, идоложертвенниках, гнозисе (по крайней мере, до Наг-Хаммади). Не вопрос, достаточно ли объективны сведения об идеологии и жизненной практике, изложенные врагом, пусть даже и благородным. Но попытка утверждать, что описание того же предмета, сделанное яростным последователем, было бы несравнимо объективнее, - эта попытка настояна на алкоголе чистой лжи. Нет истины у врага, но нет ее и у друга.

Истина бывает лишь у тебя в голове. Но очень редко.

Мой старенький отец по большей части спит круглые сутки и видит сны невероятной красоты - обычно на тему того, что в свои цветущие годы не раз мне пересказывал.

В донбасском городке под названием Алчевск семья моего деда Романа Мудрого через забор дружила с Ворошиловыми, и году этак в пятнадцатом неукладистая ворошиловская женка не раз бегала на соседнюю улицу одалживать у хозяйственной Татьяны Аристарховны, тогда еще просто Романовой женки Татьяны, то чугунную сковороду, то ухват. Незадолго до полочки разговор бывал посерьезнее - о чем, понимаете сами. Всё это не забылось впоследствии.

Сам дед, бывший донской казак, был в большой чести у мастера горячего цеха, где работал, и получал по тем временам немалые деньги. Это позволило ему жениться на украинке-бесприданнице, купить ей чистенький домик на окраине Алчевска и как следует его обставить.

Первый хлопец от Романова семени появился в шестнадцатом. С ним связан такой семейный анекдот. Приходит юный папа домой, видит - стакан молока на окне. Выпил залпом, а потом и говорит:

- Татьяна, чего это молоко такое жидкое?

Она - ах:

- Який же ты. То ж мое цеженое, от Володькина кормления осталось!

- Значит, вот ты какой жижей моего первенца поишь. Ну-ну...

Второй их сын угодил в смутное время: бедняга Роман умер от воспаления легких - обычная напасть рабочих горячего цеха. Вышел на двор немного поостудиться - и конец...

Татьяна, хорошо уже беременная вторым сыном, отправилась в банк за мужними деньгами. Ей выдали крошечный золотой слиток, который она, по обычаю того времени и не имея карманов, засунула в лифчик меж пышных грудей. Ну, что дальше - догадайтесь. Кто-то глазастый шибко порадовался золотцу вместо нее.

Второго хлопца, то есть моего папочку, который угодил аккурат меж двух революций - февральской и октябрьской, - ей пришлось с первого же его дня поднимать своими силами.

Модистка она, по счастью, была классная, как говорят теперь, а швейная машинка «Зингер», которой в свое время осчастливил ее покойник, была ж таки маркой, не то что похабные задери-подолочки позднейших времен. Клиентки и клиенты находились даже в самое тугое для жизни и мануфактуры время.

Итак, движимое и недвижимое имущество юной вдовы к моменту свершения эпохального госпереворота составляли: беленая хата, в ней стол, на столе «Зингер» и тяжеленное зеркало из литого стекла толщиной в запястье, тульский самовар с медалями, безымянная корова молочной породы, пес с украинским именем Рябко, типичный кот-москаль по кличке Василий и двое хлопцев-погодков.

Самовар оказался гулякой: года через два его соблазнила на побег проходящая мимо цыганка. Пес был дурень, но дурень шибко положительный. Кот - неимоверная шкода. Хлопчики - хм... затрудняюсь даже выдать им достойное определение.

Именно они на пару кокнули то самое зеркало, резко схватив за край плюшевую скатерть с помпонами, достающую до пола. Именно они, отлично владея материнской швейной техникой, сшили Васеньке башмаки с длинными завязками, которые и нацепили на бешено сопротивляющееся животное. Василию понадобились два часа домашней эквилибристики, чтобы скинуть каверзную обновку со всех четырех лап. И кто, как не буйные погодки, приучил беднягу есть вишни, придерживая его за шею и силком раздвигая зубастую пасть?

Строго говоря, кот и без того был не промах. Что он имел привычку совершать утреннее умовение прямо под носом Рябко, который из последних сил пытался растянуть гремучую железную цепь, - это, собственно, древняя кошачья традиция. Что он полюбил забираться на дерево и поедать вишни, особенно незрелые, - его личная проблема.

Но он к тому же был мстителен и коварен.

Татьяна Аристарховна, которая к тому времени почетно устроилась на электростанцию, продавала еще и свое молоко, которое после утренней дойки ставила на подоконник в бутылках, заткнутых обрывком тряпки.

И вот как-то говорит она:

- Хлопцы, признавайтесь, кто молоко продажное пьет? Как ни приду с работы, так ниже затычки стоит. Таитесь еще зачем-то. Спросили бы у меня, поганцы этакие. Вот приду со службы - хоть в первый раз, но как есть обоих выдеру!

Хлопцам, хотя имевшим рыльце в совсем другом пушку, стало больно и обидно. Решили вора выследить. И что оказалось? Чуть хозяйка за порог, Васька шасть на подоконник, аккуратно опрокинет бутылку на лапу и лижет в свое удовольствие. А потом так же осторожно ставит сосуд ровно по вертикали...

Однажды Васенька притащился домой в плачевном состоянии - на трех лапах и весь из себя томный. Так что даже наши сыны громовы его пожалели - спрятали под кроватью, чтоб отлежался.

Этак через полчаса является соседка:

- Где ваш рыжий ирод?

- Кто? - спрашивают детки.

- Да кот. Он у меня в погребе фунт масла сожрал в один присест. Хотела скалкой пришибить - ушел, окаянный.

Без комментариев, как говорится...

Дальше жить стало лучше, жить стало веселей.

На утреннем пути через город привычным стало обходить трупы беженцев от голодомора.

Забравшись на высоченные терриконы, теплая компания парней запекала яйца в отработанном коксе. С территории охраняемого завода хлопцы воровали винтовки, спрятав приклад под мышкой куртки, дуло - в сапоге. После небольшой работы напильником выходили отличные обрезы со сбитой мушкой. Когда в Алчевск пришла лампочка Ильича, один приятель Романовых погодков на спор ухватился рукой за провод высокого напряжения. К счастью, его отбросило в кювет, а папая, которого вовремя предупредили, тут же примчал телегу (работал он городским золотарем) и увез сына в больничку. Треснутый череп кое-как заклепали - и порядок, можно снова работать голкипером.

Повзрослев и посолиднув, мой будущий отец Алексей, в просторечии почему-то Ленья, стал токарем, потом поступил в Мариупольский техникум. Чертежник из него вышел не хуже, чем из матери портниха, и оба эти ремесла в семье скрестились. Кальки в то время делали из батиста, настоящая ткань либо выдавалась по талонам, либо редко бывала в продаже. Сынок наострился увозить бракованные чертежи домой, мама кое-как отстирывала батист от карандаша и туши и кроила из него модные мужские рубашки с бледным «типографским» рисунком.

Как говорится, вор - находка для шпиона.

Думается, именно в этой знаковой рубаше молодой Алексей заменил на свидании с девушкой старшего на год Владимира, которому было назначено. Володьке оказалось некогда, а не пропадать же добру! Девушка заподозрила

неладное только к концу свидания. Прямо сцена из романа Дюма «Три мушкетера», где еще миледи ...

Вообще, женихались и невестились в стране угольных шахт даже в тридцатые годы часто по старинке: на вечерныцах. Собирались в большой хате, дивчины замешивали пресное тесто, а парубки тем временем ловили воробьев за стрехами. Потом дивчины «скубли» воробышков недрогнувшей рукой - попростому, сдирали с них перышки - и лепили с цельными непотрошенными тушками вареники для своих ухажеров. А так как получалось офигительно вкусно (на том, прежнем, языке просто и не выразить), то один-два вареника непременно начинали сухой мукой. Чтобы парубки не заглатывали целиком и не откусывали зараз по половине, а лопали деликатно.

Дальше по порядку в отцовом бытии шел призыв тридцать девятого в армию, курсы политработников, Дальний Восток, война с Японией, рытье под руководством оборонительных траншей, один дневальный с голодухи съел два бачка макарон с мясом, которые остались от прошлой смены, неоперабельный заворот кишок и выговор политруку, офицерская кобыла Зорька еле удрала зимой от медведя, ночевка в пургу в сугробе с поводом, намотанным на руку, свидания с хорошенькой учительской дочкой, эвакуированной в Николаевск из Саратова (в конечном счете, погнало по стране лагерную поповскую внучку), женитьба, роды, дитя женского пола.

Я.

После съема оккупации сынок Леня везет дочку показать Татьяне Арахисовне, счастливо нашедшейся в городе Ворошиловске. Это, наверное, Луганск, или нет - Луганск - это Ворошиловград, а наш родной Алчевск переименован в Ворошилов - или Климовск?

Ментальность дочки, моя ментальность - смешивается с отцовской. Построение иного мира. Роскошный петух, вспрыгнув на стол, глядит на яичницу с чувством смутной и невозвратимой потери. Котенок прячется от меня в печке - я сую в него кочергой, хочу вытащить, чтобы как следует приласкать. Баба Таня брызжет на глинобитный пол из ведра поганой метлой: чтоб не пересыхал и не трескался. Я с восторгом перенимаю обычай - только веник окунаю в ведро с хорошей питьевой водой из дальнего родника.

Меня ласково просят из дома и провожают на двор. По беленой стене хаты - вьюнки размером в мою ладошку. Я робко ее протягиваю - и слышу грозное коровье «Му-у!». Глас свыше - знак греха. Рука сама отдергивается...

Знак прощения я получаю, когда баба Таня дарит нам с папой Ленею пуховую перину роскошного малинового цвета с такими точно граммофончиками, что на бабиной хате. В поезде я на ней сплю, а дома, в Москве, из нее шьют аж два пышных одеяла: родителям и мне. Чтоб видеть теплые сны на троих.

Я отец. Володины племяши зовут меня дядей Леней, полностью Леонидом. Кончил пединститут физиком, хотели взять для разработки эйч-бамб, но чудом спасся от лучевой болезни тем, что открылся туберкулез, лечился в Риге ПАСКом, врач говорит, спасение, что не курил с армии, вся семья с того дает положительную реакцию Перке, но у меня одна проблема: как физику поступить в аспирантуру по политэкономии, железный нарком помнит обо мне, солидно помог, поступил и защитился по металлургии, железный конь под названием «Победа», вывожу семью на Кавказ, дочь Танька - зрение и слух от дальневосточной Хиросимы половинные, однако отличница, студентка, аспирантка, защитилась, родила мне девчулю от какого-то краткосрочного задохлика, уж эта здоровенькая, умница, свой парень.

Жизнь полностью состоялась.

Я дочь. Мы с мужем - деревянные буратины, нам не то что ребенка - молоток нельзя доверять. Юрко прибывал к стене розетку - вышиб картонную стену в этом месте насквозь. Что у него зрение минус десять - отцу без разницы. Пеленает в два пополуночи ребенка снова Юрко, у меня молоко сгорит, а я работаю дойной коровой, потому что первая забота отца - молодого деда - Люда-Мила, все прочие вплоть до жены и дочки (тем более - дочкина приймака)- без порядкового номера. В проводники и почтари не берут, хотя полно таких вакансий. Иди работать куда хочешь, но учти: высшее образование - это клеймо на всю оставшуюся жизнь. Свободный красный диплом. Поступила в родовой, родительский пединститут, больше никуда не брали из-за зрения, а тут врач знакомый посодействовал. На югах сидим безвылазно среди вонючей «дикий стоянки» все два родительских преподавских и моих школьных отпускных месяца, в Сочи выбираемся раз в неделю за продуктами, зато на спидометре через десять лет пятьдесят тысяч. Я так рада видеть папу живым! Из Прибалтики папка привез мне красивую овальную лейку и книжку «Терем-Теремок» на латышском. Я даже понимаю, о чем там - есть по-русски, написал Маршак. В Салтыковке под Москвой за забором живет страшная свинья с поросятами, они хрюкают. Я не русская, я украинка, наверное. Прозвали в дальневосточном роддоме «Гилячка». Родилась одиннадцати акушерских месяцев, природа старалась подогнать желтое пятно под норму. Вес четыре двести, глазки узкие, заплывшие, волос черный и жесткий, легко держу головку. На головке ни одного родничка. Прочная, как камушек.

От избытка внутренних голосов череп лопается по шву, мозжечок крикает уткой, полужидкий бульон мозгового вещества разливается вдребезги, внутренние тряпочки летят по закоулочкам.

Соединяются в новое одеяло.

Дядя Володя умер, ибо заболел лимфогранулематозом по причине наследственной работы с горячим металлом, а также того, что в войну он насильно переселял калмыков в их теперешнюю Элисту, где на бабушкином наследственном «Зингере» сшили национальный костюм белому шахматному президенту.

Нарком верной шашкой скубёт воробья, не факт, что позже ему не насыплет раскаленной мукой в физиономию.

Супружница будущего наркома заемной чугунной сковородкой бьет прямо по мудрой командармской голове.

- Ваш Ирод усатый сожрал тринадцатифунтовый брусок масла! - орет соседка.

Ленька цепляет кота безменом за шлейку:

- Так, тринадцать фунтов и в самом деле здесь. Но в таком случае - где сам царь Ирод?

Трубит по-бычьи шофар¹ Страшного Суда.

Татьяна без помех приносит золотой обол к себе в хату и тихо кладет новорожденному младенцу под язык.

Прекрасная эпоха благополучно кончается.

---

¹ древний духовой музыкальный инструмент, бараний рог

Мой Нагльфар²

Не вернется никто - только в дверь постучит чужак,
Тот, кто, верно, блуждал - в глуби кремешной могилы.
Нет сказаний о той, - что стояла, зажав в кулак
Из ряднины свой плат - но вряд слезу обронила.

Лишь полуночи свет - загорится в ответ ветрам,
Только ртутная мазь - не сглазь! - на хлябь морскую прольётся,
Из чешуй твой челнок - на шуршащий взойдет песок,
Мой любимый чужак - мой враг - вина изопьёт из колодца.

---

² В германо-скандинавской мифологии — корабль, сделанный целиком из ногтей мертвецов.

Леночка Фурман на тропе войны

Молодая женщина, чем-то похожая на розовую пышную устрицу, неторопливо шагает по невскому Проспекту, Твербулю, Броду, Променаду - где угодно и в какой угодно сезон. Ее красота явно относится к разряду вневременных: будучи однажды замеченной, она сразу начинает выпирать из всех щелей. Цветущий жир под нежной, буквально светящейся розоватой кожей, белокурые кудряшки падают на меховой воротник недлинного пальто, небрежно распахнутого спереди, так что узкий длинный шарф свисает до колен, позволяя увидеть лишь кружева белой блузки «в облипочку». Бабки таких девушек любили носить похожее сразу после войны, когда убыль боеспособного мужского населения давала себя знать с особенной силой. Джинсы того благословенного размера, примеряя который, неизбежно находишь в кармане твердый лакированный прямоугольничек с запиской от фирмы: «Дорогая леди! Если эти джинсы Вам впору, может быть, Вам стоит вообще отказаться от ношения брюк?». В нижнем течении каждая из элегантно драных штанин впадает в потертый ковбойский сапожок, но взгляд прохожего уже туда не опускается. Тело там, где оно не вполне скрыто немудреной одежкой, точно слеplено из молока и крови, глаза огромны и равнодушны, как у коровы, губы невелики и ярки. Краски исключительно и принципиально естественные.

Несмотря на полную неактуальность рубенсовского типа красоты в наше бурное время, на девушку «западают» многие. Вот двое томных бледнолицых юнцов пытаются к ней подстроиться и получают брошенную с ленцой реплику:

- Цыц, комаришки! Мою жировую прослойку вам, хилякам, и не прокусить.

- Сразу видно, киска, что ты не любишь человечество, - говорит один.

- Да люблю я его, изo всех сил люблю, только пусть оно держится от меня подальше! - парирует она с неподдельным добродушием.

Впрочем, мешают ей несильно. По тому, как она держится, как поводит глазами поверх голов, чувствуется, что она вся в поиске, неторопливом, но упорном. Да, она отлично знает, кто ей нужен. Они выделяются на фоне прочих, как красная нить, вплетенная в пеньковую веревку, словно лунное серебро, что плещется в темных волнах заросшего пруда.

Девушка продвигается едва ли не поперек основного течения - странно, ей почти не мешают плечи и зады протагонистов - и теперь оказывается в районе, где расположено большинство иностранных представительств и по вечерам тусуется народ почище.

Снова ее глаза ищут, почти незаметно для других, желанный образ горит в ее мозгу как алая звезда первой величины. И вот ее карие глаза молодой буйволицы наконец фокусируются на Нем.

Высокий, поджарый негр лет пятидесяти, явно натуральный африканец, а не афроам, возможно, из Сенегала или Кении (кикуйю, масаи? Ей важно и это.) Седая курчавая шевелюра (не дредки, ни в коем случае!), короткая борода и усы, отчасти прячущие под собой рот на удивление красивой формы. Длинные пальцы с ухоженными ногтями - как любят говорить, руки хирурга или музыканта, но у тех отроду не бывает ничего подобного. Нос чуть расплюснут, зато влажно сияющие глаза прекрасны. Кажется, что весь он, от аккуратно подстриженных кончиков волос до носков ботинок из крокодиловой кожи, не рожден смертной матерью, но был однажды и навсегда отлит в форму, которую сразу после того разбили, не желая плодить реплики.

Девушка знает, что именно такие импозантные джентльмены темных кровей легче и неосознанней всего ловятся на «роскошное белое мясо». Знает она и как повести себя, чтобы ее чары подействовали безотказно: слегка повести плечом, будто ворот щекочет шею, колыхнуть обширным задом практически незаметно для всех прочих и даже для потенциальной добычи. Сделать вид, что тебе нет дела ни до кого из смертных.

Прекрасно. Он в пути. Он понял.

В номер, который снял он, приносят ужин. Девушка, повесив свою трепаную «пальтушу» рядом с его стильным пиджаком, садится за столик, на котором одиноко возвышается бутылка темно-красного вина. Ее спутник с трудом вынул из горлышка длинную пробку, однако самого вина почти не трогает - капля на дне рюмки - и нехотя ковыряется вилкой в тарелке. Девушка не пьет вообще, отговариваясь невнятной чепухой - «вину типа подышать надо», - зато ест все подряд с азартом и увлеченностью молодого животного. Чернокожий пожирает одну ее - глазами. Незадолго до того он деликатно спросил, во сколько ему обойдется приключение, и дама без обиняков указала сумму, вдвое большую той, к какой он привык на Броде. Впрочем, он нисколько не протестует, будто деньги для него - нечто символическое. Достает из внутреннего кармана куртки пачку, перехваченную еще банковской бандеролью с цифрами, и демонстративно кладет в наружный карман ее верхней одежды.

- Как мне тебя звать? - спрашивает он. Акцент у него какой-то странный, будто во рту имеется что-то лишнее, хотя очень даже приятный.

- Леночка я. Елена Фурман.

- Леношка. Как интересно. Книга про Чапая?

- Да не, тот был Фурманов. Мы родом из Фландрии. Немецкая Слободка, слышал? В нашем роду каждая старшая дочка берет полное имя основательницы. Даже выйдя замуж оставляет за собой девичью кликуху.

Ему это вовсе неинтересно, однако девушка тут же спрашивает, явно вымогая ответ на свою откровенность:

- А ты кто?

- Я от семени великого короля Чаки, а больше тебе не нужно.

- Ой! Так ты Зулу? Чертов черный голодранец, ты прорвал британский строй!

Она проговаривает стих на языке Киплинга, ее спутник восторженно смеется:

- Это же про Судан.

- Так зато как звучит классно! И про воинскую доблесть разве вранье? Инкоози Тшака.

Ему кажется, что девушка хочет спросить его о чем-то немного опасном, самую каплю - стыдном. Но нет, пожалуй, это его обычная мнительность.

- Знаешь, я тебя буду звать «Шоколадный Папа». Мое любимое мороженое, - говорит она, расправившись с последней крошкой еды. - Нет, это вроде как тупо. Папа Шоколад. Во как! «Папа Шоколад, где оставил ты свой верный ассегай?»

Эти последние слова кажутся ему вульгарными почти до шока. Он как-то вдруг оказывается рядом с женщиной на широкой, застеленной бледно-желтым шелком кровати, Елена вслух удивляется, как умело и быстро ее любовник управляет с ее пуговками, кнопками, шнурками и zipperами, одновременно высвобождаясь из своих одежд. Мало кто из мужчин умеет делать это так изящно.

Теперь она у него на коленях, ее ноги и руки чувствуют прохладу и скользкость его плеч, боков, бедер, всей кожи, похожей на змеиную, такая большая сильная змея, похожая на реку. Змей она отроду не боится, никаких. Бабушка часто водила ее в террарий, где работала. Жаль, с ее уходом никто не даст полюбоваться вблизи несравненными красками, насладиться сухой прохладой чешуйчатой кожи...

Его поднятое оружие в самом деле точно короткое мощное копье, со стороны кажется, что ей не вместить его в себя. Однако она легко нанизывает себя на острие и начинает двигаться - вниз мягко, вверх - обхватывая его член, как тисками, тугим кольцом лонных мышц, и каждый раз он издает сквозь стиснутые губы утробный рык почти нестерпимой боли. Со стороны может показаться странным, что они не целуются, только слегка соприкасаются кончиками носов. Но вот они кончают - сливая себя в один долгий стон. Его семя в ней одновременно жжет и холодит. Кажется, что мужчина, наконец, решает поцеловать свою путанку в знак благодарности: он приближает свое лицо к ее рту, приоткрывает губы, и Елена, наконец, видит то, что хотела. Два алмазно сверкающих узких клыка на фоне крупных белоснежных зубов.

...Ранним утром, еще до рассвета, девушка просыпается в номере одна, пытается поднять голову с покрывала, соскальзывает на пол босыми ногами. Тут же ее круто поводит в сторону. Она едва успевает добежать до ванной и стать на колени, как изысканный ужин на двоих стремительным потоком вырывается из ее желудка и громко плюхает в воду на дне унитаза. В обоих висках дружно стреляет, шею опоясывает резкая боль.

- Жадность фраера сгубила, - ворчит она про себя. - Или просто токсикоз?

Потом она плетется к двери - открыта, но так ловко, что кажется запертой изнутри на вертушку. Лезет под душ и долго, с наслаждением моется. Смотрит в зеркало: засосы на шее уже пошли желтизной, однако с левой стороны красуется дряблая сине-красная гематома. Производственная травма, нечего на зеркало пенять, коли физию перекосило. Не торопясь надевает свои одежды, рассеянные по всему номеру, попутно оценивая обстановку. Ну ясен пень: попоище на столе, кьянти. что явно стоило кое-кому лихих бабок, почти целиком вытекло на скатерть, тарелки и обьедки сдвинуты в общую грудку. Покрывала, верхнее и более светлое нижнее, сбиты комком и все в кровавых пятнах, будто резали поросенка или раскупоривали девственницу. Но иных загрязнений вроде не видеть.

- Папочка Шоколад был непозволительно беспечен, - бормочет она, - в отличие от меня самой. «Чтобы протекла я, не бывало».

Девушка думает, не уворовать ли улику, чтобы сжечь, но, по-видимому, папочка знал лучше. Ее так и тянет сложить тут же, на смятых шелках, фигуру из двух скрещенных, как мечи, презервативов, пачку которых она с недавнего времени всегда носит в кармане брюк, но она решает, что это явный перебор. Знак любовного поединка и сексуальной победы тут не катит. «С большого бодуна, сзры», - тихо ворчит она, застегивая пальто. Поднимает воротник и укутывается шарфом почти до глаз. В самую последнюю минуту спохватывается и засовывает руку в карман, вытаскивая на свет божий теплую денежную буханку. «Какой благородный, побрезговал свою мурку-жмурку обобрать, - думает вслух, еще тише, чем говорила, и перепрыгивает добычу понадежней. - Хотя, может статься, он не думал меня убивать, просто крепко попользовался? Вот бы самого спросить».

Так, теперь ищем ключ от номера, если наш кровный папочка в оконце не забросил или в кармашке не унес по пьяни. Не должен бы, там набалдашник побольше, чем у него самого. Потом раз вышел один - значит, меня официально внутри оставил, не под замком же?

Ключ, по счастью, находится быстро, у нее прямо нюх на подобные вещи. На карнизе за наполовину задернутой шторой. Поворачивая кольцо на пальце, девушка спускается вниз, к портье, - невзрачная мышка, незаметная взъерошенная птаха.

Портье, принимая брелок в виде груши и выдавая открепительный талон, с удивлением говорит:

- Господин Чак заплатил за три дня вперед, сказав, что вы слегка занемогли и решили еще сколько-то побыть в номере. Нам трудно будет сейчас произвести окончательный расчет.

- Да Господь с вами, - отвечает Елена. - Оставьте в пользу голодающих африканских детишек.

На улице она вздыхает свободней. Ее губы почти машинально бормочут нечто похожее на молитву, однако тот, кто вслушался в слова, был бы невероятно удивлен ее содержанием.

«Первым делом купить беременный тест, напрасная трата денег, но уж ладно, за овуляцию куда дороже встало. А уж потом, Господи Боже мой, я буду такой умницей: стану глотать метаболики и иммунодепрессанты горстями, каждый день сжирать по этому мерзкому дорожному стейку с кровью величиной в лапоть, благо карманной зеленой капусты сделалось немеряно, и по авокадо с вареным яйцом внутри, и есть инжир для сладости дыхания, и чернику для зоркости глаз, и лук-батун для крепости костей, и смотреть только на хорошие лица, и каждый вечер перечитывать финал «Ребенка Розмари», а «Русскую красавицу» Виктора Ерофеева сдать на макулатуру. Видано ли дело - с ребенком внутри вешаться, будь он хоть от кого! Только ты дай мне еще пожить, Господи: девять месяцев, ну восемь хотя бы, ну ладно, семь и ни днем меньше, это Ты уж мне верно задолжал. Подари мстителя матери моей и мне самой!»

Молодая женщина почти никуда не выходит за пределы засыпанного снегом сада, что окружает потаенный дом в пригороде. Ест, спит, бродит под яблонями, заходит в местные лавчонки. Как, то бишь, их называют. - супер-гипермаркет. Раз в неделю отметилась, увезла все нужное в ручной колесанке - и порядок. Больше никуда ни ногой. В женскую консультацию нельзя ни в коем случае, на платное УЗИ - почти так же опасно; нужно дотянуть до самого края и уж тогда вызвать по телефону или мобильнику неотложную помощь или ментов, кажется, они сейчас не хуже забугорных копов роды умеют принять.

Женщина похожа теперь на выброшенную из солёной воды медузу, которую вот-вот расплавит дневной жар - только ее солнце жжет изнутри. Но не так уж редко оно кажется ей прохладной рыбкой посреди теплых вод, от которой кругами расходится неземное спокойствие. В такие моменты она любит дотрагиваться до старой шубки, которая была на ней в день ее главной охоты: из складок пальтуши, кажется ей, еще не выветрились остатки тогдашнего глупого счастья.

Дитя в ней растёт: малёк в аквариуме, кистепёрая рыбка в пруду, бьет хвостом, плещет лапами, играет, как зверь левиафан в окиян-море.

А вокруг стоит лес. Осенний лес. Зимний лес. Живая крепость вокруг старинного краснокаменного городка. Вокруг двухэтажных особнячков центральной площади, крепких столетних изб с белыми вырезными занавесочками, с арками над входом во внутренний двор, высоченных, как башни, старообрядческих церквей и колоколен, вокруг цепи глухих когда-то лесных монастырей, куда раньше ссылали за провинности, а теперь валом валят паломники и туристы.

За этой двойной стеной Елена чувствует себя почти в безопасности.

Нет, стена даже тройная. Потому что - дом.

Во времена царя Алексея Михайловича, который чуть приоткрыл границы своей земли, ее предок тайно купил у здешнего боярина поляну в калужских лесах (как это тогда звалось - пожалованье, держание? Странные слова) и поставил палаты: два высоких этажа над землей, три - под нею. Палаты сгорели, как усадьба поэта Блока, пришлось новые ставить, куда меньше; однако подвалы сохранились в неприкосновенности, а там было самое главное. Туда она если и спускается, чтобы пополнить запасы, то с опаской: лестницы крутые, своего света нет, приходится свечной шандал или ксеноновую лампу нести в руке.

А вот их, своих извечных недругов, Елена вовсе не боится, потому что они ей видны - на самой границе лесов горят волчьи звезды, их много, но это как карта звездного неба, развернутая проекция ближних и дальних светил. Когда звезда падает или приближается, это сразу меняет всю картину.

В роду все мужчины - купцы, землепроходцы, охотники. Стража. Елена улыбается: похоже на сицилийские семьи за границей, где тоже все начиналось с этого. Крестные отцы больших семейств. Однажды местный упырь покусился на чью-то женку, она истаяла, затем померла в родах, но сыночек вырос - диво дивное, чудо чудное, уж байстрюком-то его ввек не дразнивали. С того и пошло. Лучшая защита - нападение, лучшее упреждение - искать врага по всему широкому свету, но если тебя поманили дальние дороги...

Елена невольно сбивается на старое наречие - именно на нем слушала она в детстве эти рассказы.

Дороги забирали себе мужчин. Не всех - только тех, в ком проявлялась бродяжья, ночная кровь. Время от времени мужчины возвращались, привозя удивительные вещи на радость своим краткосрочным потомкам, частью растрачивая, но опуская самое лучшее в подвалы. Женщины искали другую добычу - семья защитников нуждалось в том, чтобы его время от времени восполнять и освежать. Они были осторожны, знали привычки Врага Рода еще лучше своих братьев, отцов и дядюшек.

Елена улыбается: как странно иметь в семье долгоживущих наравне с существующими краткий земной срок! Как печально, когда прапрадед хоронит прадеда и его правнучку и на правах младшего брата последним вынынчивает ее новорожденного потомка!

Земные звезды укрупняются, некоторые сияют как полные луны - но приблизиться не смеют. Их держит не только страх: «ветхий дед» предупреждал, что по сути своей вампиры его не ведают, тем более лучшие из них, самый желанный предмет нашей женской охоты. Вампира надо к себе пригласить. И даже если он будет настолько хитер, что опутает тебя, природную чаровницу, своими мысленными сетями, остается еще последний рубеж. Стена заклятий, которые наводили на усадьбу твои старшие, поколение за поколением, умершие и те, кто еще жив в мировом рассеянии. Диаспора дампиров, чья историческая родина - вот как раз здесь. На крохотном жиле

пяточке, куда никто не посмеет принести зло. Сюда можно прийти только с добром и ради добра, зачем-то прибавил дедусь, когда уходил навсегда.

Нет, хорошенечкая альтернатива. Если будешь скитаться - тебя затравят, если закрепиться на месте - осадят и будут стягивать петлю. Но Елене и не нужно всего времени.

Однажды, протаскив ночью в теплую уборную свой живой надувной бассейн, женщина против своей воли напрягается, и в белую чашу обильно изливается розовая, чуть пенистая жидкость. В тот же момент снизу ее пронзает боль, как будто раковину ее внутренней устрицы вскрывают специальным острым ножом. По внутренней стороне пухлого бедра ветвится струйка густой пахучей крови и всё расширяется.

Женщина в испуге понимает, что позвать на помощь уже не сможет. Она едва успевает заволочь свое огрузневшее тело в гостиную и упасть рядом с широким парадным диваном. Ребенок яростно копошится в чреве, боль от сухих схваток раздирает ее тело, как четверка привязанных к рукам и ногам ломовых жеребцов. Сознание отключается прежде, чем она может сообразить, что сегодня, час в час, истекает срок заключенного с нею безмолвного договора.

Вдруг нечто перелетает через трехметровую ограду, как шаровая молния. Тяжелая, на ночь закрытая на замки и цепи входная дверь с лязгом распаивается, но никаких шагов не слышать. Только живые стальные обручи со спины охватывают тело женщины под самой грудью, приподнимают и резко ставят на корточки, отчего схватки неимоверно усиливаются, вмиг переходя в потуги, такие бурные, что выворачивается наружу весь тонкий кишечник, вываливается на пол, и там, среди этого синевато-красного месива и материнских экскрементов, нечто живое брыкается и отчаянно верещит, прочищая крошечные легкие.

Женщина окончательно теряет всякое соображение о происходящем и впадает в счастливое беспамятство.

Снова женщина приходит в себя и с неподдельным ужасом чувствует, что лежит хоть и не на полу, а уже на диване, - но под нею вместо простыни постелена бабкина еще, антикварная скатерть из подкрахмаленной узорной камки. Сверху Елена укрыта двумя тончайшими платками из козьего пуха - в серебряное обручальное колечко, снятое с пальца, мастерица напояз продела не один из них, а оба сразу. Погром наследства предков, на этом, очевидно, не закончился: комод, в котором хранились похищенные раритеты, так и стоит раскрытый, а в воздухе пахнет воскурением древнеегипетских бальзамических смол, которое прадед привез из наполеоновского похода к пирамидам.

Она поворачивает голову, шевелится. Под ней сухо, в ней самой ничего не болит, только тело стало похоже на плотный студень, залитый в тонкую

гибкую форму. Поворачивает голову туда, где слышит некие странные тихие звуки.

Папа Шоколад во всем великолепии своей незаурядной персоны возвышается там надо всем сущим. В правой руке с длинными на-маникюренными ногтями он держит курящуюся пенковую трубку, на сгибе левой обретается нечто похожее на третью переднюю конечность, перебинтованную точно так, как показано на медицинском плакате: прямой виток, наперекрест, снова прямо и так далее до самого конца, где виднеется как бы крошечный смуглый кулачок.

- Как ты посмел... как смог прийти без разрешения? - спрашивает Елена.

- Меня позвала кровь, - Чака пожимает плечами, будто сам удивляясь несуразности того, что случилось. - Очень громко позвала.

- Что это у тебя? - спрашивает она снова.

- Моя здешняя приятельница, что здесь прибиралась после твоего поноса и которую я попросил отыскать в ваших вековых наслоениях нечто адекватное пеленкам, уверила меня, что лента шириной в мою ладонь и длиной в десять метров вполне может послужить нашей цели.

- **Сивальник!** - ее ужасу вообще нет предела. - То ж чистая сми-рительная рубаха. Она чего, и доктора Аршавского в своей глуши не читала?

Ее подсознание, однако, замечает, что за прошедшие семь месяцев господин Чак неплохо усовершенствовался в языке ее родной страны. Только уж больно архаичные периоды заворачивает.

- Крошечная зловередная стерва уродилась вся в тебя, - говорит он, флегматично посасывая чубук. - В свободном виде извивалась и вопила так, что со стен падали полки, вода в моечном корыте расплескивалась до потолка, а мою добрую знакомую еле живой увели под руки твои соседи, которые, надо думать, вначале сбежались на звон пожарного колокола. Кстати, твою плаценту пришлось отдать ей, чтобы съела в сыром виде для поправки нервов.

- Это не корыто, а крестильная купель семнадцатого века, - угрюмо поясняет она. - Когда мы всей семьей перешли в православие. Потом церковь пожгли, ну и...

- Крестильная? Так стало быть, мы эту новую Леношку посвятили в наследницы по всем правилам. Здесь же ваше родовое гнездо, э?

- Так это не сын? - наконец доходит до нее. - Дай ее мне сейчас же!

- Она, может быть, и вашего фламандского извода, но не твоя. Мое семя, мое почти невероятное творение, и теперь только мои друзья займутся ее воспитанием. Может быть, из нее и вырастет коварная убийца, хладнокровная похитительница живой крови, но уж никак не наглая воровка и записная лгунья, подобная тебе.

- Я не воровала, а забрала от тебя то, что тебе самому было без надобности. И не лгала, а просто говорила не всю правду. Разве правда была тебе нужна от меня в тот осенний вечер? Да, кстати, не дыши **своей** родной дочери в лицо табаком.

Он выпрямляется, кладет туго запеленатую куколку в ящик многострадального комода, который загодя опростали и - Елена видит - застелили непромокаемой клеенкой и мягкими тряпками.

- Может быть, я чего-то не понял, но даже человеческому младенцу полагается так называемое приданое на зубок. Ничего похожего в доме я не увидел. А как вскармливать маленького дампира, ты и подавно не знаешь. Слышала, что молоко им дают смешанным с сырой кровью скота?

- Ну да, разумеется, как масаям, - женщина сбрасывает с себя оренбургское народное творчество и садится посреди скатерти, обхватив колени руками. От Рубенса в ней мало чего осталось: широкие плечи, дивно откованные груди, на одной из которых повисла крупная нежно-розовая жемчужина, плоский, как у всех недавних родильниц, живот, крепкое бабское мясо, которое в одночасье подменило собой нежные тела земной богини, - всё заставляет вспомнить скорее величавых кустодиевских купчих.

Мужчина и женщина меряются взглядами.

- Я знаю, как вырастить дампира, - говорит она четко. - Это было нашим главным женским ремеслом. До полугода кормить молоком и давать сосать тонко нарезанное мясо. До года - кормить провернутым сырым фаршем и чуть подогретой кетовой строганиной. До четырех лет стараться добавлять побольше блюд классической японской и чукотской кухни - иначе всю жизнь будет сказываться нехватка йода и витамина С. А потом он ни в чем не будет внешне отличаться от обычных людей.

Африканец подходит ближе, покачивая в руке погасшую трубку.

- А вот ты, Чака и сын Чаки, знаешь ли ты, чем дамфир, который может свободно бродить под солнцем и есть пищу людей, более всего превосходит Пленников Ночи? Он мало живет. Иной раз до трехсот лет едва дотягивает.

- И что с того? - спрашивает он слегка угасшим голосом.

- Поэтому дампиру не нужно дожидаться особо удачного расположения звезд, чтобы размножиться. Не то что вам. Женщина-дамфир умеет вытянуть из человека - но особенно из вашего брата кровососа - любую из телесных жидкостей на выбор, причем ровно столько, сколько ей надо. У нее почти никогда не бывает осечки.

- И она не умирает, родив нашего ребенка, - медленно продолжает Чака.

- Я-то честно думала, что умру, - отвечает она. - Как из-за меня - моя мама. У нас в роду не одна я была такая отчаянная.

Трубка летит на пол и катится по нему.

- Ты хотел иметь дочь? - продолжает Елена. - Вот и бери дампира в квадрате. В кубе. В любой представимой степени.

Оба старательно держат паузу.

- Теперь ты меня убьешь? - говорит женщина.

Внезапно Чака смеется - хрипловато, завораживающе.

- Ах, Хиросима-любовь-моя, с тобой, я вижу, только атомная бомба может покончить. Прямым попаданием.

- Маленькая толстушка. Большой толстячок, - женщина мягким движением отворачивается от него, в голосе явственно слышится мурлыканье. - Может быть, нам стоит подождать этого вместе?

Настает тишина, такая полная, будто мир уже находится за пределами абсолютного нуля. Даже младенец вроде бы задержал дыхание - или, может быть, ему оно по-настоящему и не нужно?

И тут Елена из рода Фоурмен чувствует, как острые вампирьи клыки любовно вонзаются в ее мягкий загривок.

Я пишу реферат

Зимняя ночь. Темная ночь. Только пули свистят по степи. Надеюсь, не серебряные.

Я и мой верный ноутбук: мелкую мышь давить научилась, а вот на клавише одни большие пальцы умещаются. Или как там мои удалые потомки ее называют? Развернуться негде, в общем. Ну ничего: рукам тесно - зато дома просторно: детки в клетке, то есть у родичей с отцовской стороны, оттуда и в школу ходят, муж в ночной смене, как всегда, впрочем. Итак:

«Актуальность вышеизложенной работы заключается в том, что по данному вопросу практически отсутствуют опытные материалы, полевые исследования и научные разработки. Также следует заметить, что даже самые авторитетные письменные источники суть вторичны. Уверения их читателей или даже самого автора в том, что они видели живых особей исследуемого вида и даже советовались с ними: разрешат ли вышеупомянутые субъекты кому бы то ни было излагать строго засекреченную информацию об их жизни, - вполне могут оказаться чисто художественным - если не попросту беллетристическим - приемом. Большая часть источников этого рода откровенно третична и представляет собой эстетические и нравственные «упражнения на тему», не скроем, зачастую весьма ценные с последней точки зрения, но фактически соединяющие крупницы фактов с морем вымыслов, как своих, так и чужих.

Реферат состоит из следующих разделов: Вступления, Основной части и Заключения. Во **Вступлении** автор пытается оценить имеющуюся в его распоряжении литературу по степени достоверности (практически никогда не достигающей ста процентов). В разделах **Основной части** рассматриваются следующие проблемы.

1. Способ поддержания исследуемым объектом своей жизни (точнее, не-жизни или не-смерти).
2. Сильные свойства исследуемого объекта: какие из них наиболее достоверны.
3. Слабые места его же; о них сходно.
4. Каким образом человек может использовать как слабые, так и сильные стороны объекта рассмотрения, чтобы избежать опасности и даже получить с них (сторон) некоторую прибыль.
5. Как уничтожить или подчинить себе объект рассмотрения - и стоит ли вообще это делать.
6. Объект как зеркало и икона.

Заключение посвящено некоторым выводам социально-психологического, этнологического и мифологического характера».

Уф. С планом покончено. Далее можно валять как Бог на душу положит - потом выправлю стиль, если успею.

«Заявку на тему в русской литературе дал писатель Иван Тургенев, однако не называя имени объекта: очевидно, из суеверия. Как говорится, позови волка - и он в дом. В дальнейшем граф Алексей Константинович Толстой широко развернул тему на материале славянских и позднеантичных преданий. Косвенное указание на разгул подобных существ в начале прошлого века дал не кто иной, как великий поэт Александр Блок в стихотворении «Скифы», датированном 1918 годом. Сопоставим две строфы:

*«Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!»*

И ровно через восемь строк:

*«Мы любим плоть - и вкус ее, и цвет,
И душиный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, что хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?»*

Бросается в глаза, что слово «кровь» в первой строфе коррелирует с тем же словом «любовь», что и «плоть» второй приводимой строфы. Таким образом, наиболее часто цитируемые строки знаменитой революционной поэмы следовало бы, вероятно, читать так:

*«Мы любим кровь - и вкус ее, и цвет,
И душиный, смертный крови запах».*

Поэт в данном случае не почувствовал зашифрованного смысла и не внял своему же (инстинктивно выраженному) предупреждению. В результате, хотя имеющаяся в виду Европа и устояла перед нашествием «скифов», - но «хрустнул» сам поэт, безвременно и трагически погибший.

Что до наших личных предпочтений и авторитетов - их три: Полидори (секретарь лорда Байрона), без прикрас описавший своего хозяина, Брэм Стокер как признанный бородатый классик и Барбара Хэмбли как автор, которому удалось соблюсти необходимую меру и пропорцию в описаниях: не топить своих бессмертных героев в гламурном сиропе и не делать из повествования сплошной триллер. Ее героям свойственна практически вся гамма человеческих чувств - вплоть до самоотверженной и скрытной любви. Подкупает также, что вампир (sic! Первое упоминание!) по имени дон Симон Исидро ничуть не хуже и не лучше агента Его британских Величеств. Недавно у автора исследования появился и четвертый любимец (любимица): старушка Энн Райс. Но у нее куда больше романтики, чем достоверности, хотя слух о ее знакомстве с вампирами, очевидно, оправдан. У нее можно, однако, почерпнуть кое-какие важные сведения - из скрытого контекста и междустрочных интервалов.

По разделу первому основной части.

Основной промысел вампира, как известно, - пить кровь. Непременно человеческую и обязательно живую. Варианты: вместе с агонией, информацией, страстями и самой смертью, что пролетает мимо питающегося вампира как блистательный метеор. Пить досуха или частично. Иногда - от теплокровных животных, от амфибий, божьих, сексуальных маньяков и маньячек, исключительно (или исключительно, что практически то же) негодяев и потенциальных самоубийц. Кровь в данном случае выступает не только как источник жидких калорий, но и как своеобразный наркотик, порабощающий самого реципиента.

Замечание: развить в разделе третьем.

В качестве пищевого суррогата могут выступать также консервированная донорская кровь, кровь трупа (исключительно опасная штука, но, по видимому, не из-за трупного яда) и менструальная кровь. Однако если в первом случае над вампирами просто смеются, говоря, что они падки до мороженого, то в двух последних общество может опустить их ниже плинтуса - как падальщиков и «менструозников» (монструозов). Также сомнительно, что последний род деятельности может легко сотворить из женщины сексуальную рабыню ее сосуна: оргазм в первые два критических дня, когда поверхность матки представляет собой сплошную рану, часто бывает весьма и весьма болезненным.

Обычную белково-углеводную пищу вампиры просто не умеют перерабатывать, тем более энергетическую (жиры), откуда и происходит миф об их особенной красоте - именно стройной осанке и отсутствии пивного брюшка. Но и это, возможно, следовало бы также упомянуть в разделе третьем.

По разделу второму основной части.

Вампиры способны обезвреживать любую скверну, растворенную в крови: бактерии и вирусы, наркотики, яды. Есть данные, что принятием вовнутрь некоторых веществ (шоколад, куда менее достоверно - бананы, ананасы, рябчики и грибное суфле) человек может доставить вампиру особенное удовольствие, но последнее требует тщательной экспериментальной проверки.

Вурдалаки довольно успешно множат себе подобных, хотя и неполным способом: именно путем своеобразного кровавого брудершафта. Вряд ли для создания нового вампира достаточно просто занести в человека инфекцию (как говорит наиболее вульгарная их половина, тяпнуть): тогда полмира уже ходило бы в вампирской броне. К тому же это нерентабельно и создает нездоровую конкуренцию. Как говорил циник-кровосос в книге Терри Пратчетта: если Агнесса любит горький шоколад, с какой стати ей превращать шоколад в лишнюю Агнессу? (Заметим, как источник начальной информации этот автор совсем неплох, хотя использует чужие наработки.)

Кстати, имеются вполне солидные письменные источники, муссирующие именно тему повальной эпидемии вампиризма: вопрос питания «новоделов» в них решается, однако, не на самом удовлетворительном уровне.

О том, умеют ли вампиры летать, мнения расходятся. Часто за полет принимают левитацию, гигантские шаги - как на спортивном снаряде с этим именем - и тому подобное. Так как тело их очень легкое, а мышцы сильно развиты, вскарабкаться на отвесную стену и спуститься с нее, вспрыгнуть на крышу четырех- пятиэтажного дома и заодно отвалить со своего пути каменную глыбу вполне солидного размера - для них несложно. Из этого следует, естественно, вывод о необычайной силе объекта нашего изучения.

Вопрос о невидимости вампиров или обращении их в туман, как нам кажется, остаётся открытым: так же, как невероятная для человеческого глаза скорость их передвижения, это может оказаться просто фокусом в стиле ниндзя, эксплуатирующим различия в прямом и боковом зрении человека.

Следует, однако, со всей серьёзностью отнестись к так называемому дару вампирского очарования: обычно его образует совокупность гипноза, внушения и природной кровососной прелести (вечная юность, элегантность, старомодно галантные манеры). При всей своей непреодолимости этот дар, тем не менее, не являет собой ничего сверхъестественного: человек, если поднатужится, сможет и поболее того.

Пресловутое бессмертие вампиров - это не что иное, как обращение их плоти (псевдоплоти) в прочную оболочку или скорлупу для духа (?), которая с возрастом и благодаря насыщению кровью делается всё крепче и всё менее способной к изменениям. Можно утверждать, что в вампирах своеобразно исполняется упование христиан на преобразование смертной плоти в нечто иное, куда более качественное. Только вот происходит это здесь и сейчас...

В этом же русле можно говорить о потрясающей склонности вампиров регенерировать свои ткани - точнее, восстанавливать их в пределах, заданных первоначальной программой. Раны излечиваются, остриженные волосы вырастают, оторванные конечности (даже номер пятый - голова и номер шестой - специфически мужской орган для шестого же чувства) способны прирасти, если, разумеется, находятся в пределах досягаемости вампира. Особенно активно этот процесс идет в присутствии чужой (человеческой или вампирской же) крови.

Последняя - в разумных пределах, не ведущих к усыханию бессмертного донора - способна укрепить вампира до такой степени, что распятие человеческой крови станет ему попросту не нужно.

В связи с передачей крови от вампира к вампиру следует заметить, что это в какой-то мере заменяет им генетическую передачу родового опыта, которая свойственна животным, но (по крайней мере, согласно старым авторитетам) отнюдь не человеку.

По разделу третьему основной части.

Вампиров способен изобличить тот факт, что они не отражаются в зеркалах. Это, скорее всего, относится к разряду литературных вымыслов. Да, они избегают зеркал, но скорее всего по причине высочайшего самомнения. Однако, быть может, вампиры суеверны не менее людей и не хотят повторить дурной пример Горгоны Медузы, то есть нечаянно загипнотизировать себя («обратить в камень»).

Иные общеизвестные средства против вампиров, как-то: невежливость, выраженная в отсутствии формальных слов или иных знаков гостеприимства, проточная вода, священные символы, чеснок, лимоны, осиновый кол, серебро, огонь, дневной (солнечный) свет, - нуждаются каждое в отдельном рассмотрении.

Кровопийце вовсе не требуется особое приглашение для того, чтобы проникнуть в дом, новый или нет, безразлично. Исключение - вампиры старого закала, у которых правила этикета и приличия буквально записаны в крови. Но это правило в наше циническое время быстро себя изживает.

Проточная вода - явно не преграда для нашего кровососа, иначе в таких городах, как Венеция, Петербург, Астрахань, вообще в речных дельтах, посреди среднеазиатских арыков и кяризов вампиры оказывались бы в ловушке. А это не так. Разумеется, вампир не умеет ходить по воде аки посуху, будто Иисус Христос или один из героев Вадима Шефнера, но через мост и даже через мелкий брод перейдет без проблем.

Кресты, мандалы, анкхи, громовые ваджры, кинжалы пхурбу, синий глаз в треугольнике и так далее по списку... Каждый вампир, быв человеком, во что-то верил, каждый испытывает в разной степени угрызения совести - и страх перед всякого рода сакральностью объясняется не чем иным, как самовнушением. Добавить в раздел пятый: человеку использовать эту слабость для защиты и атаки - если уж совсем край не подошел - можно, но как-то даже стыдновато. Эксплуатация самых благородных чувств.

Серебро - преграда скорее для оборотней, чем для вампиров, и хотя нередко между этими двумя видами ставят знак тождества, это неверно. Да, вампир умеет ненароком создать иллюзию, что он обратился в нетопыря, сороку, волка, кота и так далее (список можно продолжать до бесконечности), но это скорее издержки дара очарования, чем реальное вампирское свойство.

Кстати, налицо логическое противоречие: если вампир - дитя ночи и, следовательно, луны, он просто обязан любить лунный металл.

Вкус лимона в натуральном виде - я имею в виду без сахара и именно кислые «лемоны», а не сладковатые «лаймы», - выносит лишь неоднократно победитель школьных конкурсов типа «слопай лимон в кожуре, не строя козьей морды». То же относится к обонянию и поглощению чеснока. Не забудем, что вампиры не нуждаются в повышении своего иммунитета, и без того практически абсолютного, и не имели нужды воспитать в себе привычку подобного рода. Также не лишним будет вспомнить, что истинный идальго (а многие

вампиры держат себя аристократами) отродясь не ест ни лука, ни чеснока, опасаясь дурного запаха изо рта и от зубов. Сошлёмся в данном случае на известную рекомендацию Дона Кихота Ламанчского, данную Санчо Пансе. Впрочем, аллергическая реакция на инородный белок - еще более простое объяснение данного феномена.

Осиновый кол в анус, афедрон, подекс или иначе задницу (общеизвестно) и нитрат серебра в вену (по Барбаре Хэмбли) - не такой уж комфортный способ смерти и для человека. Огонь способен покончить с человеком практически так же легко, как и с вампиром, хотя вампиры несколько более взрывоопасны. Всё три средства обоюдоостры (в переносном или буквальном смысле) и по этой причине не могут быть рекомендованы нетренированному бойцу.

Примечание. Развить в разделах четыре и пять.

Что до губительных свойств солнца, то это верно, особенно для вампирской молодежи, однако не вполне ясен механизм самого воздействия. Это не может быть «быстрое окисление», как в случае огня, воздействие же радиации вполне вероятно и способно объяснить как обращение в золу, так и неизбежный даже в укрытии сон, более похожий на каталепсию, оцепенение или ступор. Именно последнее обстоятельство делает вампира столь уязвимым. Как говорила многоуважаемая Барбара Хэмбли, вампир днем беззащитен прямо до смешного. Мы бы добавили: совсем как лошадь, которую любой сквознячок пришибет».

Неуправляемый полет моей мысли прерывает эсэмэска, посланная на мобильник: супруг снова задерживается.

Без комментариев.

«Если вампиры, по словам некоторых авторитетов, воспринимают человека как живой термос для крови, то и человеку ничто не мешает смотреть на вампира как на полую фарфоровую куклу, по самую завязку наполненную инородной для хозяина жидкостью, которая, однако, довольно быстро перерабатывается в основной материал корпуса и тем самым отчасти утолщает его.

Совершенно очевидным изъяном вампира являются пониженная и даже находящаяся практически на нуле сексуальность и репродуктивная способность, иными словами - похотливость и чадородие. Если по поводу первого существуют различные мнения, многие источники, напротив, обвиняют вампиров в гиперсексуализме (как гомо-, так и гетеро-), то по поводу второго все сходятся в том, что если бы вампиру было возможно иметь настоящее потомство, он не зажигал так часто одну свечу от другой. Что касается тех редчайших случаев, когда вампир (как правило, мужчина) обладает нормальной половой потенцией и способен - при счастливом стечении обстоятельств - зачать подобное себе существо, то счастье и удача здесь весьма относительны.

Обыкновенно женщина - реципиент вампирского семени рождает убийцу отцовского рода-племени, так называемого дампира, а сама гибнет. Увы.

По разделу четвертому основной части.

Ходят упорные слухи, что небольшие кровопускания, устраиваемые вампиром, способны продлить человеку жизнь (благодаря снижению внутрисосудистого давления и уничтожению склеротических бляшек) - хотя еще больше мнений прямо противоположного свойства. Судить, кто неправ, а кто виноват, автор (референт автора) не берется. Его личный опыт весьма ограничен и специфичен.

Вампир по своей природе отличается куда более тонкой и сильной перцепцией, и хотя это его свойство не передается человеку иначе, как вместе с так называемым «Даром Темной Крови», плоды его, воплотившиеся в изделия народных ремесел, картины в стиле примитивизма, ювелирные украшения и прочие кустарные (в хорошем смысле; иначе - этнические и пр.) поделки, способны доставить ценителю истинное наслаждение. Следует, однако, твердо проводить грань между ремеслом и истинным искусством. На последнее вампиры, существа, как бы «застывшие в одной форме» и по сути своей нетворческие, способны редко.

Кровь человека способна воздействовать на поглощающего ее вампира буквально магически. Как говорит русская народная пословица в лице рекламного ролика, «удержаться невозможно». Остановиться тоже. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев это ведет к гибели самого человека от массивной кровопотери, но не надо забывать, что именно вампир в этом невольном дуэте проявляет слабость воли.

О том, как человек может использовать в своих целях вампирскую мощь, сопоставимую обычно с подъемной тягой высотного крана средних размеров или ударной волной, получаемой от взрыва шести килограммов тринитротолуола (Примечание на полях: цифры не забыть уточнить у Владьки, когда вернется), не стоит упоминать, прежде чем оба разумных вида не найдут способа между собой договориться.

По разделу пятому основной части.

О том, что человек может с некоторым трудом выследить вампира и причинить ему непоправимые телесные повреждения, выставив гроб на открытое солнце, плеснув туда бензина и бросив зажженную спичку, а также пробив сердце или... хм... указанную выше неблагородную часть тела кровопийцы упомянутым выше осиновым колом (в придачу к нему нужна солидная кувалда), известно давно. Спортивность и этичность подобных мер можно, тем не менее, оспорить.

Защититься от вампира священным предметом вполне возможно, убить им одним - практически нельзя. Сбежит раньше. Впрочем, перед тем, как выбрать и употребить любое из этих средств, человеку придется вступить с

вампиrom в небольшую теологическую дискуссию, что в силу всеобщего экуменизма и широты религиозных воззрений весьма чревато.

Насчет прочих традиционных средств уже было сказано ранее. Без пользы, но и без вреда, как и все плацебо.

Кстати. Тот из людей, кто решится преследовать вампира в тот момент, когда последний создает одну из своих любимых иллюзий, рискует поохотиться на Снарка-Буджума из поэмы Льюиса Кэрролла: побежал за относительно безвредной летучей мышкой, а встретился лицом к лицу с Жеводанским Волком.

Отметить особенно. В некоторых случаях конкретный человек способен «подсадить» вампира именно на свою кровь и никакую другую. Но это для автора слишком интимный вопрос.

Что до необходимости нападения на вампиров с целью упреждения (не защиты, это по обстоятельствам может стать попросту неизбежным), можно сказать одно: сначала нужно понять, что именно вы упреждаете.

От работы меня отрывает робкий звонок в бронированную «ново-русскую» дверь. И без смотра в глазок ясно: благоверный притащился. Владислав Андреевич. С боевого поста и аж в четыре утра.

Открываю дверь, впускаю.

Ох! Вместо шикарного МЧСовского спецкостюма (серебристое защитное напыление снаружи, натуральный шелк-сырец внутри, экологичная базальтовая вата между этими двумя слоями, перед глазами щиток из темного поляризованного стекла, по всему по этому муженька на служебном транспорте к самому подъезду привозят) на нем потрепанная синяя куртка явно с чужого плеча. Тем не менее он, не моргнув ресницей, обнимает меня, говорит:

- Привет, моя старушка. Что было вчера вечером на обед?

- Куриные щи, - отвечаю.

- Всё шутить изволите.

- Никак нет. Под этому поводу было давнее разъяснение в «Науке и Жизни». Наши славянские прародители супов не ведали, жидкое мясное или рыбное хлебово было исключительно двух видов: «уха» и «шти». В первом случае сначала варился бульон из малоценного белкового сырья, который потом процеживали и добавляли туда куски хорошей рыбы, мяса или дичи. А шти готовились попросту и без церемоний: вали кулём, потом разберем. Так что для кура попасть во щи было куда менее почетно, чем в уху, хотя и то, и другое нередко становилось его горькой судьбой.

- Ладно, пускай будут щи, у меня вкусы простецкие, - Владик тянется, чтобы запечатлеть на мне поцелуй.

- Э, нет. Давай мойся сначала.

Пока он, кряхтя, перебирается через бортик ванны и становится под контрастный душ, я, забравшись на унитаз, подглядываю в окно между ванной

и туалетом. Он такой стеснительный, что туда кружевную занавесочку привесил, а я такая наглая, что провертела в частом кружеве дырочку.

Ну конечно: чернящий ожог во всю спину.

- Ты что домой не в полной форме явился? - спрашиваю я, когда мужик выходит наружу, уже наряженный в мой любимый махровый халат бордового оттенка. Прямо с ихним братом нельзя: отмолчится или совет в тему.

- Испортил по нечаянности. Там газ вторым разом полыхнул, когда мы обрушенный подъезд расчищали, - неохотно говорит он.

Ну конечно. Не «мы», разумеется, а «я». Кем еще, как не моим дорогим и ненаглядным, все дыры затыкать. И было там, небось, кое-что покрепче бытовой химии. Ладно, в первый раз, что ли?

Мы, тесно обнявшись, идем в его спальню и там опрокидываемся прямо на пожилой плед из клетчатой альпаки: я, как работала, в ночной сорочке с шикарным вырезом, Владик - распахнув халат спереди. Вообще-то спим мы, как аристократы, в разных углах квартиры: я ночью без занавесок, чтобы с первым лучом на пост, он - днем при наглухо закрытых стальных шторах.

М-да. Наслаждение, получаемое от вампирского укуса, сильно преувеличивают; правда, и я уж не молодая вдовушка, очарование новизны давно исчезло. Но вот головная боль - та проходит как не бывало.

- М-м, - бормочет он. - Я из тебя два здоровенных тромба вытащил. Стоило бы почаще заниматься сексом.

Насчет первого он явно привирает, мне не так много лет, чтобы полной развалиной заделаться. А вот что касается второго - тут я обеими руками за.

- Подарочек с тебя, между прочим, - говорю я.

- Какой?

- Обыкновенный. Крупная плитка горького шоколада, чтобы с красным перцем сварить на манер ацтеков. И полкило детского гематогена, только замаскируй под кофейные ириски, чтобы наши вегетарианские оглоеды не пронюхали.

Это у нас обоих рефлекс на первую встречу - тридцать лет тому назад, Нескучный Сад, юная мамаша, которая поздно вечером сбежала от дитяти, пребывающего на руках авторитарных деда с бабкой...

И на одной из скамеек увидела трудно опознаваемое существо, похожее на большой сморщенный апельсин. Разговорила - откуда только смелость взялась! Ни красотой, ни очарованием, ни животным магнетизмом он в те времена не блистал. Умом - это да. Но не хитростью, которая отказала напрочь. И оттого поневоле был искренен.

А я? Пожалела его, что ли? Да нет. Просто почувствовала себя...пастушкой. Пастырем, который жизнь отдаст за любую черную овцу.

И без рассуждений, как говорят в старых любовных романах, позволила ему сделать с собой всё, что он хотел.

А потом и был знаменитый бег через Крымский мост со мною на руках. Час был еще не такой поздний, поэтому я удивляюсь реакции милиционеров -

списали, наверное, на День Всех Влюбленных? И вообще, отчего это Влад побежал не посуху к Октябрьскому метро, а именно через воду - к Парку Культуры? Ближе к дому показалось, наверное.

У себя в подвале он первый раз напичкал меня адской смесью, которой лечились ацтекские императоры, пожертвовав богам кровь из своего священного пениса. Ну, приблизительно такой же. Настоящего горького шоколада почти без сахара тогда днем с огнем было в Москве не достать... И в самом деле - вздернуло за уши так, что я через полчаса с ним заговорила, а через часок-другой встала на ноги.

А Влад тем временем дозвонился до моих предков: будто бы он муж моей подруги и я, чуть захмелев, осталась спать у них. На следующее утро, еще до того, как ему меня привезти, у него уже и паспорт был на руках - самую малость только и фальшивый. А потом он нашел себе работу в горячем цеху (МЧС тогда называлось как-то по-другому и не было особо популярным), и купил квартиру, и предложил мне руку, сердце - и всю кровь из своих жил.

От последнего я отказалась и отказываюсь по сей день.

Вы поняли, в чем соль?

Он сразу на меня подсел.

Кормиться он чем-то там всегда умел, об этих скользких материях я никогда не спрашивала, как и о том, за что именно его бросили в тюремную психушку. Но для того, чтобы сохранять душевное здоровье и обходить стороной депрессию, ему с той ночи стала нужна я - и только я.

А человек в ответе за тех, кого приручил.

- Мог ты тогда, в Нескучном, отказаться от моего дара? - спросила я, уже будучи его законной женой.

- Не смел, это было бы такое неуважение к тебе, - ответил он.

...Наевшись, напившись и едва отойдя от посттравматического шока, Владик засыпает, уткнув длинный нос в ямку между моих тощих грудей. Свободной рукой я подтягиваю к себе здоровущий, полтора на полтора метра, старый пуховый платок, укрываю нас обоих. Под боком у него согреваешься быстро: теплопроводность большая. То есть, я хочу сказать, он, конечно, термос, но еще и вроде аккумулятора в смеси с электрогрелкой. Накапливает, как он выражается, «зряшную кровь», которая льется наземь при авариях, поножовщинах и прочих инцидентах, в урегулировании коих принимает участие, незаметно телепортируя ее в себя, а потом приносит домой и выпускает на меня в виде тепла.

Ну, хорошенького понемножку. Работать надо: печатать и еще поздний завтрак соорудить на всякий случай. Вегетарианский.

По разделу шестому основной части.

Формулировка дается с учетом исследований высокочтимого профессора вавилонских библиотечных наук дона Хорхе Луиса Борхеса, который, хотя и не

исследовал заявленную нами тему напрямую, разделил сакральные образы на две категории: «зеркала» и «маски». Первая категория имеет в виду буквальное отражение истины, вторая - метафорическое, скрытое и в то же время легко угадываемое посвященным. Иначе говоря, маска обычно подразумевает икону.

Первый вопрос, который следует задать себе исследователь, это: откуда есть пошли вампиры? Грязен, так сказать, или чист их источник?

Легенды относят их существование к самому началу возникновения земных цивилизаций: Шумер, Вавилон, Древний Египет. Демоны или, иначе, даймоны, один из которых, Акаша, разделил себя на четыре части по счету основных элементарей, что суть воплощения земных стихий. Можно не сомневаться, что подобные мифы о разумных кровопийцах существовали и в затонувшей Атлантиде, и в исчезнувшей Лемурии, и в далеком Тартессе. Однако нами не найдено никаких достоверных случаев или хотя бы поверий о неваampirских источниках этого явления, помимо гениальной догадки уважаемой г-жи Райс, не лишенной, однако, глубочайшего смысла. Об этом позже.

Наведенный вампиризм подобен року или судьбе. Можно избавиться от него, совершив а) самоубийство (но не будет ли это грехом?) или б) противоестественно доброе дело. Так сказать, горделивый отказ. От обычного способа питания. Последнее сомнительно, описан только один случай. Но в большинстве случаев новый вампир остается один на один с проблемой, которую он для себя представляет, и вынужден искать ее решение.

Стоит также помнить, что все описываемые вампиры произошли (и не всегда по своей воле) от людей, и естественно поэтому ожидать, что им передаются все свойства и качества субстрата, вплоть до нравственных. В одну телегу впрячь не можно вола и трепетную лань; мать Терезу, академика Капицу и маньяка Чикатило никто не пытается выстроить под один ранжир. Отчего же мы пытаемся сделать нечто подобное с вампирами?

Да, среди них неизбежны убийцы, насильники, маньяки, просто безумцы, неудержимые честолубцы, которые хотят весь человеческий род поставить на колени. Но ведь не только они. И сами они не только таковы.

Пока живо человечество, вампиры неистребимы. Кто они: паразиты, как комары, синантропы (т.е. близко живущие), как крысы, или часть природы, в которой есть место всему, даже и человеку? Всё равно: всякой твари есть место под солнцем.

Это относится к проблеме зеркала.

Теперь о проблеме маски, иконы - ложной или истинной.

Отчего человечество делает из вампиров пугало, иначе говоря - отрицательную икону: оттого, что они посягают на людскую жизнь?

Да, конечно, реальные жертвы даже одного вампира могут исчисляться тысячами, однако при их подсчете легко сбиться на подход, высмеянный Фарли Моуэтом в книге «Не кричи: волки!»: якобы все олени-карибу в Америке убиты

этими хищниками. Мы имеем в виду, что, по всей видимости, нередко случаи, когда на вампиров списывают чужие грехи.

Оттого, что они стремятся контролировать человечество? Ну да, самая неприятная в них черта, особенно в их представителях мужского пола, - это стремление верховодить. Только ведь мы все, как говорил поэт Пушкин, глядим в Наполеоны.

Оттого, что они являют собой непонятное и уже по этой причине угрозу? В яблочко!

Ибо корень всех зол - наша ксенофобия. Вампиры иные, чем мы. Проще их выдумать, чем понять.

Вампиры - хищники? Но на всякого волка найдется свой святой Франциск.

Они нас умерщвляют? Мы сами убиваем себя еще чаще.

Ах, всё дело в том, что распоряжаясь нашими жизнями или даже просто нашей волей, они автоматически ставят нас ниже себя. Как мы - животных.

Но мы имеем право, скажут мне.

Посмотрите на человека с точки зрения коровы, ждущей очереди на удар молотом или электрошок. С точки зрения кошек, которых тысячами жгли на кострах в честь восхождения короля на престол. С точки зрения обезьянки, головку которой зажали в тиски и выедают живой мозг десертной ложкой.

Нравится? Вы *такого* права добивались? Вот и нечего на зеркало пенять.

Ну, а если вампиры - не естественное образование, а болезнь человечества или природы?

Ложная проблема. Следует помнить, что ни одна бактерия не возникает у природы без цели. Наши предки, которые считали, что чума и холера - кара Господня, были в чем-то умнее нас.

Человек постоянно стремился расчистить поле для своего безопасного пребывания на Земле. И постоянно попадал в еще худшую беду, в еще худший тупик, стандартно получая по мозгам от «неукротимой планеты» (метафорически описанной Гарри Гаррисоном). По схеме: мы давим на природу - природа постоянно стремится укротить, укоротить нас самих.

Заключение. Каков же сакральный и мифический смысл вампиризма?

Вампиры - не чужаки и не пришлецы с неведомых земель. Это воплощенный гнев Земли. Гонимые Псы Великой Матери. Древние кровавые боги, низвергнутые христианством. Не столь важно, откуда они родом: то, что их породило, было непобедимым. Может быть, это новый виток генезиса, нужный, чтобы усмирить зарвавшегося хомо. Так вот: нам следует бороться не с вампирами, не с инфекциями, не с буйством растений и животных, а со своей алчностью, своей жадностью и своей непроходимой тупостью. Потому что без этого вся история человечества - лишь охота за яйцами ганзеров, птенцы которых охотятся на нас самих. Сказал Роберт Шекли».

Я за своей «машинкой» разгибаюсь и пытаюсь привести разбушевавшиеся мысли в порядок.

Но тут во входную дверь не просто звонят - «дербанят в парадное», как говорил Лев Кассиль. Долбят ногами, руками и головой.

Я распахиваю дверь - и вот они, мои дорогие оболтусы! Гошка и Стёшка. Близнецы. Две решки одной фальшивой монеты. Ряшки во всю ширину плеч, все шестьдесят четыре зуба оскалены в хитренькой улыбочке, одинаковые вязанные шапочки сдвинуты на затылок, куртки распахнуты настежь, ранцы...то есть рюкзаки с наклейками в виде черепов, костей, кинжалов и прочей дряни - вывалены в глубоких уличных снегах.

- Баб, а шнуры в стакане? - спрашивает Гошка.

- Родители на зарубежной научной конференции, - отвечаю, - дома остался только один толстый черный шнурок, из таких, какие султан посылал виноватому паше, чтобы тот на нем повесился. Именно - я.

- А пожрать чего-нибудь? - вступает Стёшка.

- Для предвиденного стихийного бедствия приготовлены суп из красной чечевицы с луком и пряностями и соевый гуляш с картошкой под толстым слоем куркумы.

Восторженные вопли.

- Руки мыть немедленно! Предупреждение: супчик прямо из кастрюли не хавать, стальными вилками в сковородный тефлон не шкрябаться, вдвоем на один компьютер не насаждать. Зря, что ли, я ноут завела?

Всё, моя научная деятельность пришла к концу. Пусть дочка сама переводит мою писанину на суконный язык и вытирает следы моей личности, коли ей надо для отчета.

Пока ребятки оттирают грязные лапы под краном, чинно разливают варево по тарелкам и ковыряются в сковороде деревянными ложками, я осторожно выясняю:

- Вы что так рано и такие растерзанные?

- Сегодня дневники вечерникам пятаки начищали, - деловито объясняет Гошка. - Вот преподы и укоротили учебный день с большого перепугу.

Об этом обычае я наслышана. Не нужно, кстати полагать, что «вечерники» учатся в вечерней школе - и те, и другие в одинаковой мере гимназисты. Ритуальное мордобитие, раз в году спонтанно проводимое обоими отрядами, смертных и не очень, - отражение давней вражды между «синеподкладочниками» и «белоподкладочниками».

- А на какой стороне вы воевали?

- На обеих, - ухмыляется Стёшка. - Разошлись для интереса.

- И что, на завтра родителей вызывают?

- Угу. Дед у себя?

- Спит, так что не очень шумите.

- Да он же днем как мертвяк!

Владик, с его видом вольноопределяющегося студента, не вызывает в них никакого пиетета. Более того, по моему недосмотру ему однажды случилось проснуться в позе йога, то бишь стоя вертикально на голове, среди всяких швабр и щеток. Еще раз близняшки умудрились заволочь его на антресоль «тещиной комнаты» (такой большой двухъярусной кладовки), где Влад отлично выспался в обществе пустых чемоданов, подержанных ковровых дорожек и древнего электрического самовара. Поскольку я отправилась по магазинам, а оглоеды свалили на какую-то школярскую тусовку, пришлось ему планировать на пол ласточкой. Зато когда нужно произвести впечатление на учителей, он им сразу становится миленьким дедусенькой; хорошо, что подобные сборища организуются почти всегда в тёмное время суток. Фигурирует он, всеконечно, как юный дядя двояшек. Для близиру, как я говорю. Надо же соблюдать хоть видимость приличий!

Так вот. Однажды он явился туда прямо с боевого задания, в полном костюме, так что его приняли за второго Гаруна Тазиева, исследователя вулканических недр. Второй раз был в черном фраке с крахмальной манишкой и пластроном, и уж что там насчет него подумали, - не знаю. Что он по совместительству дирижер погребального оркестра? Еще однажды моя дочка смея ради обрядила его метросексуалом: драная джинса и огромный алый шарф до самых ушей... В одном я точно уверена: держит он там всех учителей в страхе и трепете, особенно если учесть, что рабочие зубки у него хоть и небольшие, но выразительные. Как говорят, по когтю узнаешь льва, по клыку вампира.

Григорий и Степанида. Старые русские имена. Тот необъяснимый феномен, что истинные однойцевые близнецы разнополы, приходится скрывать то на один, то на другой манер.

Вот еще и поэтому я не хочу пресловутого Вladoва бессмертия - факт они размножатся, а моих правнуков на меня же и навьют. И праправнуков того же бешеного замеса.

Да уж. Сегодня они ставят на уши нас, завтра - весь мир, как сказал бы о них с похвалой А. Шикльгрубер.

Нет, вы не совсем меня поняли: их мать - просто девочка, которую я в тот эпохальный вечер оставила дома, и муж у нее, в общем-то, вполне человеческий. Просто веяния такие в воздухе, что ли. Сплошных оборотней и дампиренышей рожаем.

И насчет моего отказа от личного бессмертия вы не поняли тоже.

Понимаете, Владьке ведь человеческая кровь нужна, а не драконья какая-нибудь. Немного, ясное дело. Сто грамм в сутки для поднятия боевого духа. Так я и решила продержаться в человеческом виде, пока можно, - а это еще лет по крайней мере сорок. Я старое просоленное корыто, чуток трещиноватое, в щелки мусору понабилося, однако ведь меня поддерживают в очень хорошей форме. Мой лозунг: к шестидесяти пяти годам сохранить если не товарный вид, так хотя бы здоровье. И пусть так продолжится и далее!

Но рано или поздно я умру. Тогда остается надеяться, что моего красавчика-мужа подберет какая-нибудь отчаянная бывшая молодуха - к примеру, из того же министерства всяческих крушений. Хотя не знаю: что-то уж больно часто мне видится во сне, как он стоит над моей скромной могилкой в полном рыцарском снаряжении, такой весь из себя элегантный, и из-под приподнятого забрала на мой гроб сочатся кровавые слёзы...

Нет, постойте. Так не годится. Скорее всего меня отправят не в сырую почву, а в крематорий. Да и он... ну, он же меня любит, если вы не поняли. Вампиры всегда привержены к старине и не умеют изменять своим привычкам. А шанс обратиться в золу или вообще сгореть на работе у них всех ой как велик.

И ведь я в самом деле не знаю, можно ли поднять вампира из пепла хоть чьей-нибудь алой телесной жидкостью. Или смешать нас вместе и капнуть ею уже туда. И не возродятся ли тогда вместо нас - по причине несовершенства ритуальных услуг - два покрывала белых атласных с оборочками по пятьсот рублей каждое, две подушки такой же работы - еще по пятьсот, тапочки белые, две пары - каждая по триста пятьдесят.

А мы сами к тому времени уже прорастем из тучной земли двумя перевитыми плетями тёмно-алых роз.

Волчья брачная песнь

Каждый шаг твой - песня в полнолуние
Пред лицом Владычицы Приливов,
И земля покорно принимает
Царственную поступь лап упругих.

Запахи твои слепят, как солнце
В сердцевине налитого полдня,
И хвоста благое мановенье -
Точно луг цветущий, многотравный.

Очи - житнетворные озера,
Шерсть твоя - вся в звёздах тьма ночная;
Ряд сосцов - молочное сиянье
Каравана, что сквозь небо протянулся.

В темноте таинственного лона -
Бездна предначертанных рождений.
Дай и мне в нём к жизни возродиться,
Ты, сокрытых помыслов ведунья!

Рыжий пес, бегущий краем моря

Август, месяц цезарей. Жарища, смерти подобная. Туман колыхнется вокруг, как ядовитая медуза, подметает щупальцами тротуар. Солнце еле глядит на волю: тусклая дыра в густом мареве, бледная небесная лепешка. Глинистая почва вся пошла трещинами, как такыр, трава иссохла на корню, большой каштан пожух и покорежился. «И лохмотьями бурой бумаги по асфальту листы шелестят», как писала женщина о давней осени. Дым едкий и злючий над всем земным шаром. Зловонный, колючий и пахнет пожаром.

Нет, людям еще ничего, хотя мы чихаем, перхаем и кашляем на весь благословенный город Минск и его окрестности. Вот кооперативному псу чистой дворняжной породы приходится туго: залез под днище одного из местных «бумеров» и носу не кажется, бормочет она еле слышно. Там и ест, там и спит, оттуда и брешет на окружающую действительность. Кормить его наши местные жители еще снисходят, сама видела, но насчет воды не очень-то догадываются, а ведь лужи вокруг - разве что его собственные.

Женщина по мере возможности исправляет положение: наливает воду из-под надетого на кран фильтра в глубокую плошку, выносит на двор и ставит под нос лохмоту чудищу. Женщину зовут Иванна, это имя дали ей в честь хорошо забытого фильма про монахиню, богохульницу и партизанку. Полновата, седовата, малого росточка - глаз не зацепляется. Пес, рыжий, лобастый и большеглазый, ростом почти с нее, когда поднимается на задние лапы, чтоб лизнуть в нос или очки. Кличут его Барбосом, как и следовало ожидать, но Иванна из любви к брату Кадфаэлю зовет его Барбарі: в честь знаменитого коня. Барбоска-Барбариска.

Пес выползает из своего укрытия, пьет. Женщина почесывает его за развесистым ухом: он всегда принимает это снисходительно.

- И весь в репьях. Откуда ты их берешь, интересно? Лопухов на всю округу один-два, а череда и вообще не созрела, - говорит Иванна, пытаясь распутать псиные лохмы. Один плод, из самых зловредных, прицепился к усам, она дергает его, почти уже достала - но тут пес гулко рыкает и мгновенно цокает неумелую радетьельницу за кисть левой руки. Не так уж и больно, однако синяк обеспечен - клык продавил узкую ямку, и мясо в глубине уже темнеет.

- Ой, прости за превышение полномочий, - говорит женщина, слегка отстраняясь. - Лежи спокойно, я поняла. Не буду больше, ходи во всем безобразии. Что это на тебя вообще нашло, а?

«И ты прости, - слышится ей. - Чего не бывает между приятелями? Не удержался, знаешь. В следующий раз ты меня куснешь - и квиты».

- Жара, мозги прямо слипаются, - ворчит женщина. - Вот и слышится невесть чего.

И с тем уходит.

На следующее утро, когда она, еле продрав глаза, идет по магазинам и на рынок, смрад горящих торфяников стоит уже непроницаемой стеной, собирая и пригибая к земле все прочие ароматы: гнилой помойки, пыли, бензинового перегара, прокисших молочных продуктов, обветренного мяса, пивной мочи. Смрадный пот укуранных «Кэмелом» мужиков. Кислый пот баб, сдобренный чужими феромонами.

- И большая вода ведь недалеко, жаль - гниловата; и болот всегда было куда больше, чем надо для счастья, - бормочет она. - Дьявольская ворожба, не иначе.

День проходит ни шатко ни валко, поздно вечером Иванне никак не уснуть - зудит рука, мурашки бегают по спине, уличные фонари розоватым своим светом гонят тьму. Срежь ночи над миром встает луна: огромный нечищенный таз красной меди. И пес гулко лает на него, будоража ночную тишину.

Тишина? Но откуда такая полная - будто сама нынешняя луна: ни рокота самолетов наверху, что заходят неподалеку на аэродром, ни гула моторов по шоссе. И какой странный свет падает с неба... Прохладный, как лепет дождя. Серебро и переливчатый хрусталь.

Пес б́ухает гулко и почти ритмично, как в било ударяет. Словно на пожаре, думает она. Уж совсем, похоже, надывается.

- Барик, помолчи, а то прибьют еще! - тихо кричит в форточку Иванна. Уж она-то знает, как охотятся на таких. Сонная пуля в бок или петля на шею - и в приют поволокли. Там не могильник, там даже неплохо, только вот факт охолостят. Нам это нужно, Бар? погоди, я сейчас!

Напялить холщовый балахон на голое тело, бросить в карман ключи, открыть и захлопнуть за собой дверь квартиры - минутное дело. Домофон внизу выкорчеван год назад, лампа в портале подъезда выбита позавчера: вход нараспашку, точно пустая душа, мрак на пороге удавкой на горле, ночь как беззвездный мешок - в ней стоишь, не дыша.

Гарь не снаружи - комом скопилась у меня внутри. Палит и не дает вздохнуть. Вот и наш дворянин примолк отчего-то, думает Иванна, переминаясь на чем-то хрупком, летучем - оно совсем запорошило босые ноги. Я же вроде босоножки нацепила, думает она мельком. Хорошо, что снаружи не так горячо, как за спиной: будто из плавильной печи черный жар наносит. Из горнила, подвертывается более подходящее, древнее слово...

- Барбарі! Ты где, я снова ничего не вижу!

Зато слышу: стрекот кузнечиков, сонное щебетанье птах в листве, мышшь-полевка уютно сопит в своей кладовке. Обоняю: тонкий аромат фиалок - ночных красавиц, дух примятой травы, мимолетного дождя. Поднимаю вверх ноющую, чуткую руку и ощущаю - не замученную годами и лишайниковой плесенью липу, что растет у подъезда. Платан. Я хотел бы опираться о платан, пел поэт. Широколиственный, чистый - лишь кора вся как в подживших ожогах. Так он меняет плоть.

- Барбарі!

И тут - надежный мохнатый бок притискивается к ноге, чуткое ухо передает свой трепет нагой коже, мокрый носик тычется в ладонь.

- Что развылась не ко времени? Здесь я. Всегда рядом, псица моя.

- Барбарі, ты что, по-человечески говоришь?

- Нет, - он ухмыляется, Иванна чувствует его усмешку, его зубы всеми пальцами. - Это ты по-псиному да по-волчьи понимаешь. Ныне ночь победной луны.

В самом деле - теперь у нее опять прорезается зрение. Луна разлилась на полнеба, серебряная, бубен ее обвешан колокольцами звезд, чекан выбил на ней рисунки: брат убивает родного брата, пастух и пастушка сидят в обнимку, крылатый змей Цмок пьет молоко из хрупких лунных сосцов. Сова, неторопливо помахивая толстыми крыльями, пересекает широкий диск - живой знак мудрости. Свет лукавой Селены рождает истинные и ложные видения: как распознать, как отделить одни от других?

- Идем, псица моя, волчица моя; белая, белорожденная сука моя. Не оглядывайся, а оглянись - только через левое плечо, чтоб не сбылось.

...Там нет дома. Черный обугленный столб, гарь на цепях, скорченная в три погибели хрусткая, хрупкая кукла с вытекшими глазами.

- Это я.

- Это ты.

Когда ее волокли на костер, прицепив к ошейнику железную палку - чтоб не перегрызла, чтобы не смогла укусить палача, - когда накинута на ярость ее три сетки из серебряных нитей, пронзили ее живот семью серебряными ножами и всадили в сердце тринадцать пуль из чистого серебра. Когда в боли и пламени она стала человеком и кричала как человек, потому что ей не захотели забить глотку кляпом. Тогда они смеялись и злорадствовали.

- Я убивала их раньше?

- Да, но не так. Ты перегрызала этим подлечам горло, чтобы возратить их кровь той земле, которую они обездолили. Они сами пили ее кровь и пожирали плоть, а свою забывали ей пожертвовать. Ты была лучшей из нас, эльфийская волчица моя Моруан, рожденная из пламени псица моя. Эх, до чего трудно было им тебя выследить! До чего непросто и мне дотянуться до тебя... Знаешь, за что тебя схватили? За что сожгли?

- Я была, как и ты, дитя от семени Змея Огненного Волка, доброго сына злого Огняника. Оборотень. Вот за это.

- Да, моя прекрасная псица. Нет, моя суженая. Не за чужие смерти. За то лишь, что ты была не такой, как все.

Снова ноет укус - сладко, будто женское лоно рядом с мужской плотью. Я подношу к лицу руку... нет, к узкой морде - когтистую лапу, наполовину скрытую тонким выющим волосом.

- Не подать ли тебе серебряное зеркальце, волчица моя? - смеется Барбарі. - Зеркальце, выплавленное из трех сетей, и семи ножей, и тринадцати

бесполезных пуль? Теперь оно тебе не опасно, жена моя, невеста моя: ты перешагнула порог.

В самом деле: гарь и зола уходят в землю вместе с хрупкими костями, прошлый жар развеялся, забылся, и нынешняя прохлада приносит новые запахи и звуки. Ах, соловьи на кипарисах и над озером луна, как пел расстрелянный поэт, камень белый, камень черный, много выпил я вина, мирт и лавр, мелкие темные розы обвиваются вокруг хвойных пирамид, маслянисто-белая отравка магнолий, розоватые бутоны олеандра, крепкий дух соли и йода, раковин, выложенных кругами на прибрежном песке. Ритмичное дыхание моря, которым управляет божественная Селена. Откуда оно в нашем краю, такое огромное и черное? Черное море мое...

- Что ты со мной сделал, Барбарí?

- Отыскал тебя. Вернул себе самой и мне самому. Ишь чего вздумала - в человеке прятаться!

- А куда теперь?

- Просто побежим, поскачем по краю воды, по кромке соли, по оторочке прибоя, по зову госпожи Луны.

Бок о бок и галопом. Белая сука, ярко-рыжий кобель. Восемь лап ритмично бьют в тугой барабан прибрежного песка. Шёлковая шерсть ниспадает волной, уши колышутся по ветру, точно локоны старинных кавалеров, хвосты как плюмаж на шляпе отважного Сирано, любовника Гекаты. Две лошади - рыжий жеребец и белая кобыла. Два цвета, две природы. Одно сердце.

- Смотри наверх - лицо госпожи наполовину скрыто. Это зреет плод, это она посылает нам плод, чугуно-синюю смокву этой ночи. Тучу, беременную дождем, снегом и градом. Гроном, зарницами и молниями.

- Что мы с ней сделаем?

- Поведём вдоль моря на поводке. Пригоним в твой город. Во все города.

Мы стали куда выше ростом - Псы Белой Наездницы, верховые лошади бога по имени Син. Скачи, всадник, скачи, всадница - мы с вами одно.

- Эй, волчица моя, - смотри! Зарница нисходит вниз, как древо: корни в облаках, ствол в небе, ветки в земной груди. Ибо сказано, что Он приказал тем, кто убил данную Им верблюдицу с малым верблюжонком: выберите себе тучу. Вон ту, сказали они, такую черную. В ней будет больше благодатного дождя. Но они назначили себе не награду - наказание: камни и лед, огонь и пепел, белая сука моя! Выбрали себе, и полям своим, и семен своему - гибель и отмщение за двойную смерть!

Мы почти летим, бок о бок, спина к спине, под звон лунного серебра и плеск живого хрусталя. Рыжий волос льётся точно пламя, белый волос струится как дым.

- Когда придем на ту сторону, я хочу взять тебя, светлой жемчужиной нанизать на кость своего стройного стержня. Жаром твоим его раскалить, водами твоими его омыть, семенем моим тебя наполнить. Тогда ты никогда

более не станешь одномерным человеком. Плоским человеком. Или хочешь снова им быть?

- Нет, Барбарí.

Город. Соборы - пустые безъязычные колокола, лохмотья сажи в поржавелых органных трубах, что давно утратили способность исторгать священные звуки. Дома, подобные стволам мертвых деревьев, окна, похожие на гнилое дупло.

- Танцуй, волчица моя! Пляши, сука моя, - всё пляшет!

Молнии ударяют в крышу, одевают собой стены, гром рушит величавые здания: опадают неслышно, медленно, будто не в здешнем мире...

- Люди ведь погибли там, Барбарí. Как это было в ту войну, что стерла наш город с лица земли. Обратятся в прах. Сгорят, как я горела.

- Тебе жалко их?

- Не знаю, но...

- Оглянись теперь через правое плечо, чтобы не спугнуть их судьбу! Оглянись, священная сука моя Моруан!

... Они стояли позади плотной стеной. Хрупкая девушка с огромной синей птицей, прикованной к ее запястью тонкой цепочкой с обручем: попугайка терлась о щеку хозяйки крючковатым клювом. Еще одна, с виду совсем подросток или фея: вся в черном с белыми рюшечками и оборочками, на голове бант, похожий на стрекозиные крылышки, в руке старомодная парасолька, то бишь зонтик от солнца. К ее бедру привалилась огромная лохматая псина с крошечными ушками, темной мордахой, буквально созданной для поцелуев, и добрейшими темно-карими глазами. Двое пареньков с одинаковыми каштановыми кудрями до плеч - на их скрещенных руках, точно обручальный рушник, лежала кошка с изящным тельцем голубого сфинкса. Другой голый котенок пребывал в горстях своей человеческой мамы; глаза горели яростной лазурью, обоих тесно обступило мамшино семейство - муж, ребяташки, - и огромный уж по имени Шша в золотом царском венце защитным валом обвился вокруг их ног. Молодая женщина стояла рядом с мужем и дочкой: впереди компании, загораживая ее ото всех, стоял в потешной боевой стойке седенький миттельшнауцер. Полная или, как говорили в прежние времена, авантажная дама держала крепким любовным хватом великолепного черного кота с пронзительно-изумрудными глазами. Еще одна дама, присев, успокаивала сразу четверых животных: откормленную кошку, черного чау-чау, рыжего таксеныша и мужа совершенно неопределенного окраса. Дряхлую старушку бережно вел на крепком поводке гигантский ирландец-волкодав. Белокурая девица обняла за мощную шею ручного зубренка. Были тут конники в жокейских шапочках, что держали своих чубарых на мягком недоуздке; парень, которому его пышный котофей наделся на голову вместо шапки; юнец в светлых дредках - двое песчанок сидели рядом с ним в клетке, обнявшись с легкого перепугу. И много еще других блаженных чудаков...

- Животные чуют всякие катаклизмы заранее, вот они и увели своих людей на открытую землю. Под каким-нибудь ерундовым предлогом, - пояснил мне мой жених.

- Вот хорошо! А какой предлог был настоящий?

- Путь, сука моя! Эй, братва, а теперь - потрусили, поскакали, побежали, полетели! Берегом, волной, пеной, облаком, небесами! На суд, на Суд! И берегите как следует своих защитников, своих заступников! Все берегите!

АЙ, БАРБАРИ-И...

Охота Одина

Волчья стая туч бежит вверх,
Дикая Охота - по полям.
Весь татарник нынче в заячем пуху,
Осень близится - ты это видишь сам.

Бьет копытом золото цветов,
Жизни не даёт седым дубам -
Дальше в лес, как говорится, больше дров
Наломает... А ответ ты держишь сам.

Крепкий ветер до того уже суров:
Разбросал холстину неба по лугам -
Грязно-снежный, рваный траурный покров ...
Что умрешь - ты это, верно, знал и сам.

Пресвиной отец

(Pigfather)

I. Дерево

Это была нескладная старая елка, выросшая наперекор разуму и всем ветрам. Мало того, что ее угораздило вырасти на правом берегу реки, чьё быстрое течение постоянно подмывало корни, а весенние паводки усугубляли дело – еще и норд-ост, что неделями задувал в одну и ту же сторону, трепал крону как хотел и не давал как следует сформироваться. От всего этого половина хвои на ветвях, обращенных к воде, побурела, мочковатые корни торчали из песка наподобие грязной метлы, да и сама ель больше всего была похожа на несуразный веник с длинной ручкой ствола. Ствол, кстати, тоже был исхлестан ветром и почернел от брызг, а обрубки сучьев казались скрюченными сухими пальцами.

- Она же упадет с минуты на минуту, - говорил Кай.

- Вот и получится недурная переправа на тот берег, - неизменно отвечала ему Кайя.

Они были муж и жена, вот и не оставалось им ничего, кроме как вести диалоги по разным пустякам.

- Что там такого - на дальнем берегу? - спрашивал ее Кай. - Вот, скажи, если не завалить эту шелудину - того и гляди рыболова какого-нибудь раздавит или матроса-речника на палубе катера.

- А если отпилить верхушку - недурная выйдет новогодняя ёлочка, - смеялась Кайя. - Только до нее еще надобно дотянуться.

На следующее утро после этого разговора супруги, выйдя на прогулку, с удивлением увидели, что ель упала навзничь, вывернув из обрыва лепешку мочковатых корней вместе с землей и дёрном. Игольчатая шевелюра оказалась на противоположном, левом берегу - такое длинное оказалось дерево.

- Смотри, вот тебе и путь на другую территорию, - рассмеялась Кайя.

- Комфортный мостик, - ухмыльнулся Кай. - Задиристый и сучковатый, как дорога в рай из популярного анекдота. Ты, случаем, не хочешь им воспользоваться?

- Отчего же нет, - вдруг отозвалась женщина.

- А я вот не стал бы, - вдруг проворчал Кай. - Вода внизу какая-то странноватая: мутного вида и почти чёрная. Ствол так отражается, что ли. И тень падает широкая не по понятиям. Эй, а ведь солнце за тучи зашло - как же это, а?

Только его жена уже подхватила подол, ловко поднялась на комель и зашагала по стволу, изящно обходя огрызки ветвей.

Кай остался на безопасном месте.

Но, очевидно, ему был от рождения придан немалый запас мужского куража. Оттого он, только чуть помедлив, взобрался вслед за женщиной. Правда, его природная храбрость значительно уступала гордыне - оттого шагать, по примеру супруги, он не рискнул и решил продвигаться над темной водой более надежным методом: сев задом на кору и перебирая перед собой руками. Уж очень его тянуло вниз, в воду; а вдобавок после того, как его Кайя прошла середину елового моста, оттуда натянуло туману. Марево было пестрое, как сшитое из лоскутьев, и все цвета в нем непрерывно колыхались.

Нет, Кай трусом не был и самоубийцей - тоже. Это ведь только суицидникам начхать и на высоту, и на глубину, а нормальные люди - они всего такого опасаются.

В общем, муж Кайи всё-таки наплевал на бездну под ногами и постарался не обращать никакого внимания на сомнительную хмарь. Это при всём при том, что внизу что-то не переставая колыхалось, как гигантские червяки или... ну да, это же было, как он себя убедил, простое отражение еловых корней. Постепенно Кай входил в ритм шлепков, кои производила его хилая задница при поступательном движении, и даже рискнул несколько увеличить скорость продвижения вперед.

Всё было чудесно - даже непроницаемая радужная пелена впереди...
Даже...

Звонкое эхо, которое слегка отставало от его собственных звуков.

Будто в лад каждому его движению цокало тонкое копытце.

Раз.

Кай осторожно приподнял тыловую часть и так же аккуратно опустил.

Два.

Теперь резче, смелее.

Три.

Почти без звука провёз тренировочными штанами по коре.

Четыре.

Мужчина не выдержал, ойкнул, встал на четвереньки, помогая себе руками, и почти побежал.

Цок-цок-цок. Уже внаглую.

Нечто вовсю звенело и стучало бубенцами, звуки которых слагались в не очень стройный аккорд.

Почти на грани обморока муж Кайи преодолел границу с туманом и упал вдоль древа на живот.

Стало очевидно, что радужный занавес имеет толщину от силы в две-три молекулы. Или вообще ее не имеет.

Тот же час - именно минуты через две - из-под него вынырнул курьёзный двойной силуэт.

На крошечном минипиге угольно-черного цвета с кельтскими орнаментами поперек каждого копытца, в богатом мексиканском седле восседал еще более крошечный скелет.

Мыши.

В лапке скелетик держал миниатюрную косу́ дамасской стали, насаженную на древко, которое, в свою очередь, упиралось в стремя декоративного кабанчика.

И пропищал Великий Мыш, отцепляя свою стальную косицу:

- ВОТ ОБЪЯСНИ ТЫ МНЕ, РАДИ БОГА: КУДА ТЫ ТАК ТОРОПИЛСЯ, ДРУГ СЕРДЕЧНЫЙ? И БЕЗ ТОГО В УРОЧНЫЙ СРОК НА МЕСТО БЫ ПОПАЛ.

В этот самый миг Мировое Древо, воскреснув из небытия, торжественно наклонилось и рухнуло прямо на Кая, величественно помавая роскошными ветками -

...и из самой еловой гущи появилась женщина.

- Да полно тебе, Поросычья Смерть, моего муженька пугать, - сказала она. - Пусть уж без церемоний входит.

- Где я? - наполовину в беспамятстве произнес Кай. - В раю, что ли?

- Во всяком случае, в новой земле, - ответила Кайя. - Вернее, в Земле Нового Года.

-

II. Человек

Отец в кой-то веки раз проснулся в своей маленькой спальне от жаркого солнечного света, бьющего в лицо, а не оттого, что Софья деликатно теребит его за одеяло. Впервые за девяносто лет его сознательной жизни не ныли кости во всем теле, кровь бурлила, как молодое вино, постоянное и нудное желание помочиться обратилось в свою противоположность, хотя каким образом следует сие понимать, он не сумел бы объяснить себе и сам. К тому же глаза - как четко и ярко они вбирали в себя образы, будто и не было никогда этой паршивой глаукомы. Он снова закрыл их, потом враз открыл, будто испытывая на прочность, и с наслаждением потянулся под пышным одеялом. Встал. Интересно, кто меня вздумал уложить одетым? Причем не в тот черный костюм с орденами, который я просил у моей нескладехи дочери, а в сорочку, да еще бабскую, с оборочкой на горловине. И в тапочки обул - тьфу и еще раз тьфу!

Из кухни доносился великолепный мясной аромат: явно не пельмени и даже не сосиски, которыми его пичкала Софи, а натуральное, кусковое.

Он заторопился проверить.

Три больших кастрюли, в которых дочь обыкновенно кипятит его грязные пеленки, и во всех не то что кипит - бурлит, что твой паровой котел, и дребезжит, как жестянка на хвосте собаки. Что за растяпа Сонька - сама делась куда-то, а крышки хоть бы подвинула немного в сторону.

Открыл первую. Нет, не то: мясом и не пахнет, зато какие-то кругляши. Постучал ложкой - лежала наготове. Натуральные бульжники, иного слова не подберешь, и еще в густом травяном бульоне. Хотя варево довольно-таки аппетитное...

Закрою-ка и еще посмотрю.

Вторая посуда. Ох, ну что за шуточки? Суп... натуральный суп из топора, да еще кривого какого-то. Лезвие будто полумесяц. В жиже плавают унылые ошмётки, пятна жира, еще и пшеном заправлено. Однако негусто: как шутили во времена его солдатской юности, пшенина за пшениной гоняется с дубиной. Зачерпнул, отхлебнул для пробы: хм, не так уж дурно. Собаку, что ли, она решила покормить? Ну да, верно, вот с ней и пошла на улицу, тем более что денек отличный.

Третий **лагун**, как называла большие кастрюли жена лет эдак пять назад, когда еще могла кой-как готовить. Заглянул внутрь...

Вот это и есть, наконец, то самое!

Ну да, роскошные куски и такой обалденный запах - селезенка ёкает. Отец запустил в бульон большую вилку о двух зубцах. Кто-то выложил ее рядом с ложкой - испытывать пищу на готовность. Уварилось - не уварилось, а ему хватит. Зубы... он провёл языком по их ровному ряду. Надо сказать, классный протез поставили, причем сразу - вот от чего ему, наверное, так хорошо спалось. От общего наркоза.

Вытянул большой кус, шмякнул на тарелку, где до того находился прибор: вилка, нож и еще та самая ложка с дырками - снимать пену. Это правильно дочка придумала: с прибора же капает.

Кое-как разрезал, сунул в рот.

Какое нежное мясо, прямо тает во рту. Наверное, молочная поросятинка, незадолго до Рождества этого полно на рынке. Единственное благо проклятой капсистемы. Восковой бледности тела, умильно прижмуренные глазки, а за каждым правым ухом - алый рубец от ножа. Он уговаривал Соньку купить хоть одного - ну, атеист он, чего уж там, однако Новый Год всё равно для всех, - а она ни в какую: убийство живого существа, да еще маленького. Снизошла, однако, в последний момент. Уважила.

Отец наелся, отвалился от стола. Вот теперь и кофе можно с куском чего-нибудь сладкого - торта, замороженных персиков или слив.

Рванул дверцу старого ЗИЛа - черт, как заедала ручка, так и заедает, никак починить не может, лахудра безрукая. И это на седьмом десятке совместной жизни.

В «салоне» пусто. В ящике для картошки - пусто, одни земляные комки перекатываются.

В морозилке...

Целлофан. Красновато-бурые, страшные куски. А на переднем плане, заботливо укутанная в пленку, - голова его маленькой, двухлетней еще Сонюшки.

Он выронил сверток из рук - тот покатился с грохотом. В ответ на шум из большой комнаты вышла покойная жена: в таком же, как у него, саване с рюшечками, только не в белых похоронных тапках, а в ее обычных шаркающих башмаках, сбитых на сторону из-за неизлечимого плоскостопия.

Укоризненно покачала головой, подняла детскую головку с земли, бережно распаковала. С гордостью произнесла:

- Дочка и после смерти о нас заботится.

И воткнула вилку прямо в улыбочатый серый глаз.

«И понял я, что я в аду».

... Серебристое существо наподобие кальмара, что зависло под потолком симулякра, который казался квартирой, и над симулякром, изображающим человеческое тело, наблюдало эту душераздирающую сцену с неким ироническим трепетом.

«Вот идиот, - подумало оно - не словами, от этой дурной привычки оно уже отучилось,- а всей полупрозрачной, как студень, плотью. - На полном серьёзе воспринял. Ну ничего: лет через двести-триста поймёт, что это всего-навсего морок его больной совести. Когда он кардинально пересмотрит...хмм... (тут оно перешло на человеческий язык) *свою жизненную концепцию*, тогда я с ним и поработаю. А пока...»

Существо изящно сложило щупальца и воспарило в верхние слои, где в тумане, похожем одновременно на жидкий жемчуг и текучую радугу, играли миллиарды ему подобных.

III. Зверь

Матерый одинец с седой гривой по всему хребту втянул в себя воздух чутким носом, прижмурил крохотные подслеповатые глазки и на мгновение замер, пробуя разделить плотно заплетенную струю запахов на отдельные прядки.

Обильно пахну́ло молодым снегом - почти как в тот день, когда он впервые отвоевал себе и взял молодую самку, самую лучшую из гурта. Ее никто еще не крыл, от него она принесла дюжину поросят с полосатой, как у бурундука, спинкой, со смешно закрученными хвостиками. Выжило и стало подсвинками целых восемь, хорошая была тогда зима, не многоснежная, как нынче, эх...

Из нижнего, жесткого слоя пробился дух прелого листа, гнилых желудей, давленной брусники. Мало-мальски свежее и целое уже съели братья и сестры, причем давно, теперь остается корни рылом выкапывать. Уж такие они стали сладкие после недавних морозов, да мало их. Сегодня старшие вершки и корешки потравят, завтра младшим еще хуже теперешнего с голоду тощать. Желуди да яблоки с рябиной - другое дело. Они хоть на ветках остаются. Не

кабанье это дело - наземь их сбивать. Тогда уж лучше мышковать, будто ты лиса, или всяких жучишек с червяками жрать. А ведь и приходится же - не то ноги носить не будут. На ноги - вся его надежда. И еще на калкан - мощную броню из шкуры и тугого жира, что прикрывает спину и шею. В хорошие времена эту защиту не пробивали даже трехгранные, как боевой кинжал Стоячих, клыки боевых соперников, только этой зимой всё не так. И сала нет почти, да и к весеннему гону оно уж не отрастет. Не успеет. Он признанный во-жак, это верно. Только сколько кругов он прошел вместе со стадом - и не сосчитать, даже если б и умел.

Гурт ушел, он остался. Нарочно отбился в сторону, почти никому не подавая знака. Запах родного навоза ослаб настолько, что ни один из младших самцов с их не таким пока опытным нюхом не почует ушлеца.

Одинокий вепрь ждал, снова и снова пропуская колючий декабрьский воздух через нежные ноздри.

Лисовин. Едкий запах зверя мешается с духом дряхлости и болезни.

Лисица, его самка. Эта пахнет пободрее, видно, и сама подкормилась, и детей соблюла.

Барсучья струя. Не сама жидкость - желёзка под хвостом. Далеко. В норе спит, голодные сны видит.

Мыши-полевки. У этих пока силы есть играть и под снегом ходы пролагать - на́большим зверям на радость.

Хрупкие землеройки - вот тоже потешные твари: сколь живут, столь и кормятся, так и кишат под снегом или под сухим листом. Когда спят и детей плодят, никому не известно, а уж мрут - и летом, и осенью, и зимой, но особенно такой злой зимой, как эта.

Секач насторожил крошечные ушки и внюхался еще вдумчивей.

Вот оно.

Волчья стая, самая голодная, самая лютая изо всех в этом лесу. Бока ввалились, хвосты бьют по ребрам, глаза вспыхивают в молодом лунном свете - уже ночь настала.

Встопорщил гриву, пригнул тяжелую голову к передним копытам - поскакал тяжко. Уводя от гурта, от младших секачей, от подсвинков. от нежных самок, от детенышей.

Тощие тела пластаются по истемна-белому, ожившие тени, бесплотные острозубые тени.

Ноги кабани коротки, снег глубок и пушист, тропа не пробита - но стая убийц еще далеко, а впереди - он рассчитал, он знает! Впереди из земли торчит нагой каменный клык, похожий на те, что во рту. В самый раз упереться задом и не дать себя обойти с тыла. Лоб вожака сам как каменный, трехгранные клыки бьют получше любого ножа, по бокам щетинится броня. Не пробить, не ухватить кривым зубом.

Стал, покрепче упёрся.

Вот они. Тусклое серебро шкур, ярый опал глаз.

Сели четким полукругом, ждут.

Впереди у них тоже старик, здешние Стоячие зовут его Акела, «Седой Орел». Водит стаю от зимы до зимы - даже не вспомнить, сколько кругов.

Секач выбил передним копытом снег. Знак, что хочет драться один на один. Так всяко почетнее, чем когда все скопом набросятся рвать шкуру вместе с мясом. Тогда хотя не хотя - на копытах не устоишь.

Акела пригнулся для броска. Значит, согласен. Принял вызов.

Бросился почти в тот же миг - и попал под удар узкого крутого лба, на выставленные вперед живые острия. Но недалеко отлетел с распоротым брюхом - под острые кабаньи копыта.

Секач не удержался от своего же удара, рухнул наземь - и подмял под себя Акелу, подставляя еще живой и яростной судороге волчьих зубов набухшие кровяные жилы под челюстью, орошая снег обильной черной кровью и копытами взбивая порошу вокруг полумертвых тел.

Поединок закончился в один краткий миг - победой обоих.

Стая Серых Шкур не ждала утреннего часа ради поминального пира по вожакам. Сгрудилась над поверженным бойцом и погрузила узкие морды в его жилистую плоть.

Когда насытились все - и загонщики, и их жены, и малые дети - настал черед Нелюдима и обоих Пышнохвостов. Они тоже рвали мясо так, будто не кормились с самого начала зимы, поспешно заглатывали снег, пропитанный кровью, и Серые не смели их трогать во имя Голодного Перемирия.

Прискакали по ветвям местные Угольные, Чернокрылы и семейство Яркопестрых: муж, жена и семеро взъерошенных сорочьих детишек. Эти тоже водили знакомство со Стоячими Оглоблями - к неудовольствию последних. Таскали у них: кто вяленое Им мясо, кто крашенные бусы и полоски коры для Ее рукоделья.

Затем пришел черед безымянной мелочи: снегирей, синиц, плотоядных землероек, кротких полевок (эти грызли скудное содержимое кабаньего желудка), а также Бурых Домушниц. Этих, как всегда, пытались отогнать и поставить на законное место, но больше того ради порядка. Они были негласно приписаны к Жилью, но Вставшим на Дыбки, как и всем прочим, ни к чему была суета вокруг их личного хозяйства.

Великое Кормление продолжалось всю ночь. Так гласил Закон Леса.

А ранним утром, когда еще не сошел с бледного неба месяц, пришли сами Прямоходы. Мужчина и женщина в пушистой одежде из шкур и войлочных пимах.

- Смотри, ни клочка кожи, ни шматка мяса на ребрах, - произнесла Она сокрушенно.

- Брось. Что одно, что другое - жесткое и вонючее. Не угрызешь и ни в какое ремесло не пустишь. Зато кости все наши. Иголок тебе наточу, остов для

малой корзинки выйдет или даже небольшого ларца. Из черепа - чаша. А из клыков - рогатина. Или знаешь что? Начну себе мастерить шлем.

- Какой такой шлем?

- Я же тебе рисовал. Из пластин, вырезанных продольно - по три штуки на клык - и просверленных на обоих концах. Соединяется всё это колечками. Получается вроде шапки. Очень гибкой и прочной. Я такие у жителей Крита видел.

- На войну собрался, что ли?

- А то! Перед другими жёнками весной повыставляться.

- Дождись их сначала.

- Так и украсы делать - много времени займет.

- Ой, ты посмотри, - Она почти перебила Его. - Шкура Акелы Белого почти не повредилась. И в голове Секаши мозг остался, а ворон даже глаза ему не выклевал.

- Это нам почет оказали, - ответил Он с торжеством. - Приняли в Дубовое Братство. Мозг - чтобы думали, как Лес, глаза - чтобы видели, как он, а мех - чтобы ходить невредимо его зимними тропами. Летними-то мы в одной крапивной одежонке бегали. Слушай, ты помолись за обоих, поблаговари, а я шкуру сниму, пока совсем не застыла. После уж выскоблим и выделаем, как должно. Медный ножик в работе хорош, да орудовать пока тяжело, а всякая звериная малышня уже, наверное, слюни в кустах пускает. Говорится ведь: лесных сколь ни корми, а всё место в курсаке отыщется. В желудке то есть.

Пока они работали, лес молчал. Потом оба поднялись с колен и двинулись домой.

В благостной печали и размышлениях шли люди через деревья: Он тащил волчью шкуру, обернутую вокруг чужих ребер, Она - голову вместе с клыками.

Хижина была упрятана посреди скал - чтобы супругам не так страдать от непогоды. Стены поверх ивовой плетенки были обмазаны глиной и для защиты от сырости обожжены горящим смоляным факелом, дверь представляла собой обтянутую кожей раму, сзади нее висело двойное покрывало из шкур: мех наружу - мех внутрь. Такое же было постлано на пол поверх земляного пола; шкуры поменьше были брошены на спальную скамью. Стены были украшены хитро сплетенными циновками, на полках, весьма изящно вырезанных из липы, расположилась выгнутая из дубленой кожи посуда. Были тут и глиняные чашки и кувшины, не знавшие гончарного круга, но довольно выразительных форм. Ложки и вилки были костяные, ножи - по большей части кремневые, с аккуратными сколами на лезвии. Масляные и жировые светильники в виде кувшинчика или плошки, большие кувшины и ведра для воды, лари для одежды - все было сделано тщательно и даже с любовью, украшено нехитрым орнаментом - для оберега.

Очаг у одной из стен еле тлел. Она вынула заглушку из трубы, отодвинула в сторону влажный торф и стала дуть.

- Знаешь, младшие Серые Братья донесли, что в дне пути завелся медведь-шатун. Бродит по округе - ни умереть не может, ни жить никому не дает. Собираются правильную облаву устроить. Ты ведь хотела еще одну большую шкуру?

- Для чехла на Софийкину зыбку и еще на комбинезончик с прорезью между ножек, - усмехнулась Она. - Мы ведь так ее назовем, если и впрямь девчонка родится? Софией Премудрой? Только, боюсь, вместо одной медвежьей шкуры нам достанется пяток волчьих, причем таких, что еле держатся на своих обладателях.

- Не беда: в доме положишь, раны травками да мазями вылечишь. На них же как на собаке...

- Ой. А если они обидятся, что тут у нас их прародитель?

Он рассмеялся.

- Не забывай про Закон. Всё, что может приносить пользу Живущим, - ее приносит.

- Я помню... Помню, кем мы стали - должны были стать - под конец нашего людского века. Кай, а ты не жалеешь, что мы начали Новый Год и с ним - новое исполнение времени?

- Нет, Кайя. Не жалею нисколько. И когда будет надо рассчитывать под самый конец, как Белому, - тоже не передумаю.

Жанровая сценка

Черная кошка внаклонку пьет из замерзшей лужи -
Обе лопатки горбом и по грязи расстеленный хвост.
Тут же, свернувшись в клубок на подстилке из листьев подгнивших,
Дремлет пес-побродяга. То осень золотая пришла.

Сукино отродье

В начале был ПИСК. Тихий и назойливый, как застарелая зубная боль, визгливый, точно сверло ультразвуковой бормашины, которая набрала обороты.

Библиодевички, которые вышли покурить у служебного выхода, в темноте не сразу обнаружили источник звука: крошечного щенка, что лежал посередине осенней лужи и как мог возмущался жизнью. Сначала девицы побросали сигаретные бычки в воду рядом с собачонкой, очевидно, желая ее согреть. Но тотчас в раскаянии подхватили на руки, кой-как обтерли и затащили внутрь - замдиректора, Виктория Игнатьевна, дама в годах и в теле, слыла закоренелой кошатницей и собачницей.

- А тварь-то мамкина, - деловито вынесла она вердикт. - Животик толстый, кормленный, оттого и лапки подгибаются.

- Неужели выбросили?

- Кто выбросил, а кто и подобрал, - хмуро ответила Виктория. - Или сама родительница подкинула.

- Кто это - мальчик или девочка? - с трепетом в душе спросила Инга, ответственная за щенячий принос.

- Девка, - ответила Виктория, - еще и месяца нет. Хочешь для себя?

- Нельзя, - вздохнула та, - мама кошек не любит.

- Я зато очень, - хмыкнула Виктория, - два сямца, норовом типичные красные кхмеры, и еще один голимый санкт-петербургский сфинкс. Мигом пустят на закусь. Чётко не хочешь собаку, значит?

И никто не хотел чётко - по всяким разным причинам. Мама, папа, муж, котяра, бультерьер...

А конец рабочей смены уже близился.

Поэтому решили покормить псинку мягким творогом, сунуть вместо конуры в картонный ящик и поставить перед носом блюдо с водой. Вдруг утром блудная мать объявится или отыщется кто-нибудь еще.

И чтоб уборщица, которая приходит на час раньше всех, не испугалась визга, оставили ей записку с изложением обстоятельств дела.

Только эта уборщица, молодая женщина по имени Тошка, испугалась не щенка, а того, что его не нашла, хотя честно отдраила все полы и туалеты. Это ведь для книгохранилищ очень актуально, влажная уборка: книжная пыль всегда считалась особо вредной, свинец там и прочее.

Так вот, цепочка горестных щенячьих лужиц обнаружена была Тошкой сразу. Но не сама щенявка.

Тут за дело взялись все прибывшие сотрудницы. Перетрясли все библиотечные вавилоны снизу доверху. До самых пачек Марксова и Энгельсова

«Капитала» на немецком языке в количестве ста штук - дар руководству института от бывшей ГДР.

Не отыскиали, пока...

В общем, когда Тошка покончила с делами и стала нехотя обуваться, оказалось, что собачий детеныш в поисках сугрева тихо заполз ей в низкий меховой сапожок и проспал всю уборочно-поисковую страду. Наверное, мама в детстве читала ему книжку Леонида Пантелеева «Сапоги-собаки».

А стало быть, отыскал себе новую мамочку явочным порядком.

- Ты подумай, Антонина, - втолковывала ей замдиректриса. - Когда у тебя твой эрдель помер - год назад? Соскучиться, наверное, уже успела. Говорят, собака - это навсегда.

- Виктория Игнатьевна, у меня денег нету - человеческую жизнь ей устраивать. За каждое полугодие сорок тысяч вноси как одну копейку, сами знаете.

- Собака же бесплатная. Ну и что - беспородная? Такие самые лучшие друзья. Вечная благодарность тебе обеспечена. С кормом на первых порах поможем. Насчет прививок тоже - вся наша семья потомственные медики.

Возражать Виктории всегда было очень трудно. Особенно кроткой Тошке.

Так что пришла она на работу порожняя, ушла с прибавкой в подоле.

Ну, насчет общественного корма собачке - это решение действовало ровным счетом первые два дня. Дальше Антонине пришлось управляться самой, не полагаясь ни на кого. Даже на Александра.

Александр, в просторечии - Аля, Алька (как персонаж гайдаровской «Военной тайны», наверное) был молодой человек родом из небогатой студенческой семьи. Типа вечные студенты, знаете? На партнера не тянул, да и бойфрендом его можно было назвать лишь с некоторой натяжкой.

Но парень остроумный, ничего не скажешь. Впервые узрев Тошкино приобретение и узнав его родословную, ухватил обеими руками, поднял в воздух и стал вертеть, приговаривая:

- Я - что медная полушка, моя мамка - поблядушка....

- Алька, не обижай ее и не выражайся при детях, - выговорила ему девушка и отняла собаку.

- Да ладно, переживет. Назовешь-то как?

- М-м... Инга?

Но это имя напомнило обоим знаменитую овчарку пограничника Карацупы по кличке Ингус, а точнее - Ингуш.

- Нет. Давай лучше Кинули, как того львенка из книжки.

- Ее не кидали, - серьезно ответила Тоша. - Она сама нашлась. Вот пусть и будет Найда или Найдена.

- Уж очень простая кличка. Даже вслух произнести скучно.

Вот потому-то и звала, и кормила, и на прививки носила Найденку Тошка одна. В сумке, чтобы ножки не касались грязной и заразной земли. Ибо в

два-три месяца собачка на богатых харчах так выросла, что конкретно оттягивала руку.

Ну конечно, опыт вскармливания собачьих детей у Тошки имелся богатый.

Кстати, откуда имя такое для женщины - Тошка? Не Тоня, не Тося...

Да под стать внешности.

Нет, уродиной Антонина не была - это у женщин вообще редко встречается. Но явно уступала всем другим девушкам из библиотеки - тем более Найденке, которая как-то сразу научилась высоко себя ценить. Волос у той был исчерна-каштановый, курчавый и по всему телу, а у Тоши гладкий, невыразимо бледного цвета и лишь на половинке головы - той самой, где нет жизненно необходимых чувствилищ. Глаза у собаки как были в младенчестве голубые, так и остались всем на удивление; а девушка была сероглазая, как большинство заурядных человек. Найдины бровки выделялись на лице двумя прелестными желтыми пятнышками; что же касалось Антонины, их, похоже, было не отыскать даже с лупой. Голый покатый лоб, смеялся Александр. Как в эпоху кватроченто или даже чинквеченто. Или как у японки по имени Оно-Но-Комати, которая заменила свое природное достояние двумя меховыми полосками, что лежали куда его выше и придавали ее личику удивленное выражение...

И носик у Тоши, по его мнению, подгулял, горбатенький такой, и фигура была - не Венеры Милосской, а скорее Персея работы Бенвенуто Челлини. Ну, вы понимаете, о чем я. Гибкий стан, мальчишеская худоба, отрубленная голова Горгоны Медузы в устремленной ввысь руке...

Зато квартира была трехкомнатная и старорежимная.

Только не подумайте, что Алька такой непроходимый гад - чалится к дурнушке из-за квартиры: он с самого начала разузнал про приватизацию и ввод в наследство после троюродной бабушки. С такой собственности ему бы ничего не обломилось.

Так что бедняга увлекся Антониной почти задаром. Исключительно ради проживания и обогрева.

Он не учел одного: собаки бывают мстительны и ревнивы.

Найда медленно и упорно превращала уютную квартиру в некое подобие конуры. Старинный дубовый паркет вставал шатром от едкой собачьей влаги. Обои свисали со стен клочьями. Гардины, подвешенные едва ли под самый трехметровый потолок, были располосованы по всей длине, мебельные ножки погрызены как мышами, а провода - перехвачены пополам. Телефонная связь прекратилась с самого начала: общаться с Антониной можно было только по мобильнику, тратя уйму бабок. Телевизионный кабель пришел в негодность как раз в канун Нового Года, когда Александр предвкушал роскошные посиделки перед экраном - с кружкой глинтвейна в одной руке и Тошкиным ледащим бедрышком в другой. «Это тебе за покойницу маман», - должно быть, думала Найда не без некоего злорадства. Как любой нагулыш, она любила воображать

себе, что оба ее родителя героически погибли в результате жёсткого приземления на поверхность планеты. В особо тяжкие минуты она даже придумывала название их десантному кораблю: «Великая Каникула».

Алька и Тошка пробовали запирать щенка в самой маленькой из комнат, но это оказалось себе дороже: соседи, что проживали за полуметровой каменной стеной, два раза вызывали на попытку зверского убийства с изнасилованием милицию и однажды - спецназ.

Да, как-то в самом начале собачьих времен Алик, придя в гости и отперев входную дверь своим ключом, застал умилительную картину: собачка, сиротливо понунив головку, играла дохлым сушеным глистом - накануне их ей выводили. Это зрелище он не смог забыть до конца своих недолгих дней, как ни старался...

Но последней каплей в чаше его скорбей оказалось совсем пустяковое событие. Именно - вставая из постели и торопясь в общежитие к друзьям, он обнаружил, что его носки как собака жевала, а в промежности любимых трусов зияет огромная влажная прореха.

- Всё, - сказал он. - Или эта шавка, или я.

- Она, - ответила Тошка, ни минуты не задумываясь. Когда ты всю жизнь тренируешься на родителях с их дурацкими антипсовыми запретами, такое срывается с губ рефлексивно. Родителям, положим, деваться было некуда.

Зато Александр решил то ли проучить ее хорошенько, то ли уйти всерьез и надолго. Он судорожно напялил плавки и носки из запаса, майку, брюки, свитер, обулся, влез куртке в рукава...

И отбыл в глухую и темную ночь. Вернее, в совершенно офонаревший городской вечер.

Тошка спохватилась, когда щелкнул входной замок.

- А ключ-то на тумбочке забыл, дурень, - вздохнула она.

Что Алька сделал это специально, ей не пришло в голову. Никакого расчета за ним не водилось отродясь. Ну, целился на жилплощадь, так что - разве шаги предпринимал? О загсе и не заикался даже, за купленные шмотки ей не платил - ничего Алкина в квартире как не было, так и не осталось.

С такими мыслями Тошка прошла на кухню, как была босиком и в пижаме, зажгла ночник, плеснула в толстый хрустальный стакан яблочного сока - к вину ее Алик так и не приучил - и хорошо задумалась. На душе было мутно, как говаривала мама, хотя плакать не хотелось нисколько. Из окна тянуло ненатуральным розовым светом, То и дело к тротуарной обочине приставали машины, обдавая фасад дома каскадом белых огней, потом фары глохли, урчание моторов сходило на нет. Черные ветви змеились почти перед самым лицом, вдали с чего-то разбрехались дворовые псы.

- Жить надо, однако, - подумала она. - Опять-таки ответственность за другого...

И в этот момент ее голой щиколотки коснулось нечто мягкое, щекочущее, и незлобивые голубые глаза уставились на нее снизу вверх.

Это была Найда.

- Что, гулять? Есть ты кушала, выводить я тебя на ночь выводила.

«Утро, между прочим, - деликатно намекнула собака, трогая ее лапой за штаны. - Раннее, ну да, только я как-то необычно себя чувствую. Давай, а?»

- Ну ладно, давай, что ли. Все равно теперь поздно ложиться.

Тошка оделась, взяла собаку на поводок, и они отправились.

Во дворе собака присела раз-другой и потянула куда-то в сторону от обычной трассы.

- Что там, детка? Унюхала...

Но не успела Тоша закончить фразу, как сзади в ее милую Найденку врезалось нечто огромное, темное, пыхтящее. И запустило морду ей под живот, так что задние лапки Найды растопырились вверх, будто у лягушки.

- Фу, Ротбарт, фу!

Мужчина перехватил волочащийся повод и слегка потянул к себе. Пес отступил на шаг и сел задом на снег.

- Простите, пожалуйста. Я как раз его повод с руки сбросил, вообще-то Ротти у меня такой - воды не замутит, - чуть нервно проговорил он. - У вас кто?

- Девочка.

- Хм, - мужчина пригнулся и понюхал взбитый лапами снег. - Вообще-то неприлично говорить о щенке «девочка». Слащаво и приторно. В паспорте ведь стоит «сука» или «кобель», так?

- У нее паспорта нет.

- Что, и прививок тоже?

Он выпрямился и поглядел на Тошку с грустью. Такой же, как она, сероглазый платиновый блондин, высокий и поджарый, как борзая. И совсем молодой на вид. Едва ли старше ее самой.

- Прививки есть. Книжечка такая с печатями.

- Сколько ей?

- Полгода примерно.

- Ну что же, поздравляю. Она у вас уже *девушка*. Хорошего замеса - лапы какие, а грудь! Метис лайки и терьера - вся курчавая и вон усищи какие отрастают. Сейчас, правда, мелковата - потому что самочка. Ну, дайте ей еще с годик нормальной жизни...

- А у вас кто? Здоровущий какой.

- Подмосковный лайка, - ответил он с гордостью. - Классический темно-рыжий окрас.

- Такой породы нет.

- Как же нет, если вот он! Пока в единственном экземпляре.

- Да уж, впечатляет. Сильный, наверное?

- Угу. Весь дом разнес подчистую. Всеобщий кумир. Послушайте, ведь он от вашей дочки теперь не отстанет - врезался, будто КАМАЗ в легковушку. Я, кстати, Леонид, он, как вы слышали, Ротбарт. Сын Льва и король Барбаросса.

- Антонина и Найда.

- Хорошие русские имена. Так что - давайте гулять вместе, раз уж так и так равно приходится?

И они пошли гулять вместе. Этим утром... Этим вечером... Завтра... Послезавтра...

Логическим завершением гуляний было то, что километров через двести-триста оба подошли вплотную к загсу. К тому времени Антонина давно уже завязала с уборкой - денег стало побольше - и перешла с вечернего отделения Высшей Школы Культурологии на дневное.

А Александр? Что же - он так и не дал о себе знать?

Как нам сказали, единственное, что известно, - это то, что, выйдя во двор дома, он заметил, что местный четверолапый сторож повернул свою башку в его сторону и неторопливо поднимается с земли. Алик был робок в отношении собак и оттого повернул с тротуара на газон. Пес следовал за ним, не выказывая, однако, никаких враждебных намерений.

Ибо в любом городском дворе имеется свой псиный хозяин - они делят между собой подведомственную территорию. И вот оттого, что их территорию пересекал меченый человек, каждый из их стражей поступал так, как первый. Поднимал голову с лап и трусил следом, по пути добродушно обгавкивая тех, кто двигался в арьергарде.

Когда Аля, наконец, достиг тихой пристани в лице автобусной остановки, за ним тянулся целый шлейф сексуально озабоченных кобелей.

Дело в том, что на прощание Найда как следует обтерлась нежным задиком о ботинки противника.

В тот день у нее произошла первая в жизни течка...

Остается сообщить, что наши влюбленные в конце концов благополучно поженились.

Ровно через девять месяцев после свадьбы Найда произвела на свет дюжину прелестных крепеньких лайкоидов.

Дальнейшее - молчание...

Моей белой даме

Ты, чья родина - сон, приходи наяву,
Невесомой стопой пригибая траву,
Пролетая сквозь мрак, превращаясь во свет...
Ты, которой во времени нет.

Как клинок в темных ножнах сиянье твоё,
И встаешь ты, пронзая собой бытие -
И мой разум рассечен тобой пополам:
Я безумье мое, словно выкуп, отдам

За покров из твоих златотканых одежд,
Что собой отделяет глупцов от невежд;
И горит, словно рана, осколок луча
Там, где хмурую ночь облекает парча.

Твоя тьма точно бархат, твой свет как шелка,
Что скользят, извиваясь, по кромке клинка.
Коль умру от него - ты меня оживи:
Лишь отпетый глупец не боится любви!

Варвара — Света - Константин

Великолепный собор в стиле барокко перекрывает выход с самой большой - шире и длиннее даже самой Красной - площади бывшего СССР. Советское правительство несколько раз порывалось его снести, но останавливалось перед невероятной крепостью толстых стен, сложенных по тайным старинным рецептам. Гитлеровцы во время оккупации города, по всей видимости, были заняты куда более животрепещущими делами, поэтому, когда их выбили из обезлюдевшей, истерзанной, взорванной столицы, собор оставался невредим. Он возвышался над стенаниями, руинами и пеплом как гигантский перст, указующий на небеса.

Однако пребывание в самом горниле беды не прошло для Дома бесследно. Он впитал, подобно гигантской губке, всё, что его окружало, как вбирал предыдущие и последующие годы. Страдание, скорбь, мольбы, ненависть.

...Они в полном составе уходят с площади, своей чистотой и безмятежностью похожей на океан, мимо стены Красного Собора, который закупоривает площадь собой, точно пробка бутылки. Будто замок - вернее, сложенный из кирпича замок. Как и правительство, молодые супруги не видят в соборе никакой исторической и культурной ценности - скорее помеху. Жена - тонкая, как горностаи, белокожая и белозубая блондинка. Крестили ее Варварой, но она не любит уменьшительного от своего имени - Варя похожа на «варить», - так что, пожалуйста, называйте меня Барб. Муж, Константин, высокий шатен спортивного вида, также имеет претензии к своей «родовой кликухе»: Костя слишком напоминает о деревне и скелете. Жена зовет его Кон.

Между ними, цепко держась за руки обоих, шагает необычно рослая девочка в тупоносых башмачках, летнем платье и с расшитой торбой через плечо. Лет ей, по первому впечатлению, пять-шесть, хотя на самом деле она старше. Зовут ее Светлана, Света. Это слово подходит к ней и в то же время подчеркивает ее непохожесть. Она не то что белокурая, как мать, а прямо-таки белая, полненькая, на круглом личике со вздернутым носиком - чуть полуоткрытый рот. Из узкого разреза татаро-монгольских глазок проглядывает не карее сияние, как у обоих родителей, а мутноватое васильковое стекло.

Ежедневная утренняя прогулка закончена. Трио углубляется в переулки: матери нужно в один офис, отцу в другой, дочери в спецсадик. Оба родителя слегка досадуют: нет минуты лишней, а тут еще садовский психолог предупредил: не хотите, чтобы ребенок истерил по ночам, - делайте по его хотению. И вот обоим теперь достается: каждое утро гулять, каждое воскресенье эта долбаная школа внутри краснокирпичных стен... Да еще на

вопросы и замечания эти дебилские, как сказал наш псих, реагируйте как можете спокойно.

Но ведь какие вопросы!

- Мама, а мальчики мертвого кота за подмышки повесили. Ты почему не дала хоронить?

- Трупный яд, Светочка. Отравись и помрешь.

- Отец Стефан говорит, что мы должны погреб... хоронить успешных...успешных в земле. Передавать земле, ага.

Девочка говорит почти хорошо, только «р» раскатывает слишком мягко и на кой-каких еще согласных язык заплетается: длинноват, видно.

- Много он чего говорит, твой дядя Степа, - вступает в беседу отец.

- Много. Он говорит - иди собачек покорми, они смирные. Так и есть.

- Как же. В холке с тебя и все в лохмах. Вот покусает - узнаешь. Хоть бы перестреляли их всех - как бомжей...

Он спохватывается, тем более что жена трогает его за руку:

- Кон, ты чего, забыл? Она не такая...

- С ней мы сами скоро «не такими» будем.

- А отец Стефан говорит, что зверики кормящую руку не трогают.

- Слушай его больше.

- Я и так слушаю, пап. Я послушная девочка, правда?

- Ой, - невесело смеется Барб. - Кому я говорила - не вытряхивай кошелек на колени этой вонючей нищенке. Все твои детские деньги за неделю: на мороженое было, на книжки про черепашек, на мячик.

- Это мои!

- Нет, наши, раз мы их тебе дали, - едва не кричит Кон.

Он почти тащит Светланку за «свою» руку.

- Она не воняет, она вчера в приемнике мылась! И я у нее куколок купила! - кричит та. - Я у вас просила Кена и Барби.

- Деточка, - Барб останавливается, смотрит на мужа с укором. - Это же запад. Пошлятина. А мы хотели тебе нашу соломенную девушку подарить. Плетеную и в народном костюме. Это стильно.

- Отец Стефан говорит - язычество. Их делали, чтобы весной сжечь вместе со всеми прошлогодними грехами.

На это им ответить нечего.

Девочка отнимает у отца руку, лезет в свою суму.

- Вот. Папа и мама.

Куколки и в самом деле неплохие: на первый взгляд стандартная «сладкая парочка», но уже второй, более внимательный, определяет их принадлежность к тому выпуску, что предназначался вовсе не для детей, а для моряков «US Navy», пребывающих в многомесячном автономном плавании. Прорисовка лиц тщательная, потрепанные и слегка немодные одежки сшиты вручную, но в особенности хорош пластик тел: гибкий и как будто теплый.

- Грязноваты на вид. Хотя добротно сделано. Латекс? - спрашивает женщина мужа.

- Скорее такая вещь, которую америкосы использовали для всяких имитаций. Резина.

Светлана прямо с ходу подхватывает:

Резиновую Зину купили в магазине,
Резиновую Зину в корзине принесли.
Резиновая Зина упала из корзины,
Резиновая Зина измазалась в грязи.
Резиновую Зину мы вымоем в бензине,
Мы вымоем в бензине и пальцем погрозим:
Не надо быть разиней, резиновая Зина,
Не то заправим Зину обратно в магазин.

Молодые супруги не обращают внимания на искажение текстового канона, их куда больше радует, что стихи, которым их девочку выучил логопед, прямо отлетают от зубок.

Правда, отец смеется:

- Этот мужик явно не знал, что в бензине его Зина растворится на хрен.

- Кон, перестань. Светка огорчится.

Дома девочка с торжеством размещает маленькие подобия родителей посреди кукольной комнаты, не розовой, как принято в мире Барби, а коричнево-красной: натуральное дерево и стекло, немного поблекшие, во весь пол - кусочек ярко-бордового ковролина. Ковролин она стащила от ремонта - совсем чуточку, и то мама ругала: всю полосу изгадила. Зато мебель антикварная... Старая, еще от маминого дедушки, которого куда-то сослали. Пришлось собирать и клеить. Не так трудно: руки у Светы умнее головки.

Следующее утро - воскресное, и она снова тащит родителей к собору. На сей раз нищих особенно много, все они получают от девочки по мелкой монетке. Внутри собора, тем более в ризницу, где обычно собирается небольшая группа детей, родители не заходят: день хорош, можно пока прогуляться.

Под сводом портала Света, подражая взрослым, преклоняет коленку, крестится открытой ладонью, чтобы не зажимать Бога в щепоти, по дороге косится в угол, где продают свечи. Ей давно хочется купить вон эти: грубоватые, вылепленные вручную. На них как будто пальцы отпечатаны. Стил, сказала бы мама. Гламур.

Она хочет уже зайти в комнату, но дорогу ей перегораживает отец Стефан, викарий, детский учитель, а по совместительству еще и органист - пока не найдут уж действительно хорошего. Он до неприличия молод, длинен, глаза

юморные, тонзуру - это бритая лысинка такая, объясняет себе дитя, - прикрывает шапочка, тощую фигуру - черная сутана.

- Свет мой ненаглядный, ты что пришла - спутала, верно? Не будет уроков, все, кроме меня, ушли в поход. В паломничество.

Она чуть не плачет.

- Ничего, зато я тебе орган как следует покажу.

Стефан уже говорил ученикам, что стены таких старых соборов - это и есть основное органное тело. В них еще во время возведения замуровали звучные трубы, поющие как ветер, и гром, и море, и человеческий голос. Та серебряная Панова свирель, что на фасаде, - сплошная декорация. Обманка, называет это отец Стефан.

Священник садится за пульт, девочка мигом прилаживается лезть к нему на колени, но он ее отстраняет:

- Постой лучше рядом, крупна стала больно. Мешаться будешь.

Его руки простерты над пультом, как крылья. Наступает Музыка. Эту музыку слушает девочка, ей внимают стены здания: так же точно, как в былые времена - музыке и скрежету войны.

- Красиво? Хорошо?

- Ага. Внутри меня. Снаружи - тоже она. Я - музыка. Собор - тоже. Это кто - Бух?

- Нет, это Бах. Иоганн Себастьян Бах.

- Бух! Бах! Тарарах!

- Какое у тебя «Р» сегодня красивое. Ты растешь прямо на глазах.

Света прислоняет к ним ладошки:

- Так?

- Не так. Просто быстро. Очень. Вот погоди, разрешат твои папа с мамой, я тебя еще и музыке поучу. Слух у тебя превыше всех похвал, только что телу немного подрасти надо. Орган - не пианино: там регистры всякие и еще ногой меха качать.

- Когда подрасту, он меня послушается?

- Когда ты станешь большой, тебе впору будет со всем миром совладать, музыкантша ты моя. Если удержишься от грехов.

- Тогда дай я тебе их скажу. Мне уже три года как семь, а для тебя я будто вчера родилась.

- Ничего подобного. И не спеши. Раз я говорю рано, значит, так и есть.

- У-у, снова то же.... А когда я еще подрасту, ты мои сегодняшние грехи тоже слушать будешь?

- Да какие там у тебя грехи - не больше воробышка в луже!

Когда девочка уже спускается по лесенке, ведущей с хор, отец Стефан дает ей горсть мелочи:

- Вот, свечек себе купи. Я видел, как ты на нищих порастратилась, а потом на лавочку глазела. Они у Марыси храмовой сегодня особенно пахучие.

...Две свечи, толстые, настоящего белого воска, вылепленные неровно - девочке они напоминают ту картинку, что висит в передевалке отцов: Суд художника Греки, а настоящее имя длинное, не запомнить. Девочка вытаскивает одну из пары, зажигает огонь от огня, ставит на поднос под статуей Пресвятой Девы:

- Мама Христова, грации плена, попроси твоего Сына. Сделайте, чтоб они меня любили, как ты Его и Он тебя. Чтобы папа не смеялся. Чтобы мама стала совсем-совсем доброй!

Внутри нее глухо взрывается орган - и все свечные огоньки разом пригибает нездешний ветер.

Исполнено.

Две недели спустя сильно озабоченный Кон ловит отца Стефана на выходе с храмового крыльца. Говорит бессвязно:

- Не спит ночами. Бредит о каких-то черных детях с культяпками, у которых такое от ржанных булок со спорыньей. Трупы животных с людьми вперемешку. Сибирка или чума, что ли? Дым из трубы, рвы с угольями, проволока зубастая - прям средневековые на дворе. И будто она сама собой должна все черные дырки заткнуть. Днем шляется непонятно где, что из дому стащит - всё раздает до капли. Искала по деревням тех бродяг, которых там расселили. Опустошила оба счета: мой по фальшивой доверенности и наш общий. Его уж честно от своего имени. А начиналось с пустяка: весь стол в большой в комнате завалила какими-то черствыми булками: говорит, сегодня кто у меня попросит, того должна этим хлебом кормить.

- Как святой Франциск, - священник кивает.

- К черту... Ох, извините. Задрало. Ведь почти не встает сейчас - а всё куда-то рвется. Плачет от жалости к ним всем. Психиатр дал направление в больницу, только не очень-то надеется. Надорвала себя вконец. И, простите, если не так, но.... Знахарка сказала - симпатическая порча.

- Симпатическая магия. Нет, не думаю. Сейчас в такое никто не верит, опять же ни в одном из огарков не было черного воска. И быть не могло.

- Тогда отчего это с моей Варькой?

- Знаете, Константин, современные души ведь не просто отвыкли от доброго - они разучились творить его, так сказать, в установленном порядке. И когда они понимают, что это такое на самом деле, каковы их обязанности и поле действий в ближнем мире - это знание повергает их разум и душу в хаос. Обрушивается как шквал. То, что должно было быть раем, становится логовищем огня.

Гумилева Кон не узнает, но что-то из школьной науки шевелится в отуманенном мозгу.

- Так вы не верите?

- Чему - малефиции, то бишь наведению зла? Или инвольтации острыми иглоками? Я не суеверен. К тому же, по правилам, воску имя надо наречь. Иглы

еще исхитриться воткнуть. Нет. Вообще мы, клирики, ныне мало такому поддаемся. Хотя, знаете...

Священник медлит.

- Когда-то я считал себя хорошим теоретическим экзорцистом. Специалист по всякой бесовщине, понимаете. Не такой уж практик. Так вот: в стародавние времена, чтобы изгнать дьявола из тела, надо было слепить из глины или воска фигурку больного и бросить в огонь с особенными словами. Тогда враг понимал, что ему тут не рады.

...Снова орган. Заупокойная служба. Вверху - переплетение темных ветвей и круглых белых плодов или бутонов: светильники. Гроб посреди скамей - лицо покойницы спокойное, ясное, нежное. Как стеариновое, думает чуть хмельной Константин, держа за руку серьезную Светлану, обряженную в черное с головы до ног: косынка, платье в пол, туфельки. Мамка-то - истаяла как свеча, говорят откуда-то со спины.

- Я не знал, что она католичка.

- Крещена в униатстве, - поправляет Стефан. - Покойной родительницей.

Он слегка печален - но и только.

- Ваша дочь нам сказала. Знаете, она хоть и ограниченно способная, как выражаются, но очень многое понимает. Душа у нее настроена в одном ритме с мирозданием.

...Дома Костыка приканчивает самогон, что остался на донце плетеной домашней бутылки, и валится на застеленную супружескую кровать как есть, одетым и в обуви. Хрена всем им: как оженился на горожанке, так враз велели с голяцкими привычками завязать. Дочку взяли какие-то дальние знакомые: не стоит ей видеть поминки, да и пьяного, злого отца не стоит.

Перед тем, как явиться всяким теткам с кутьей и блинами, он осматривает захламленные вконец комнаты - хоть и не положено в доме с покойником, может, хоть немного тут поразгрести.

В большой коробке, где Света устроила нарядную копию их квартиры, он видит:

...Всё красное. Посреди лужи расплавленного розовато-желтого вещества - торжествующая и почти светоносная улыбка на личике Барби, что вместе со всем блондинистым кудрявым скальпом отделено от погибшего тела. А рядом - глупая, растерянная ухмылка Кена, который пока стоит невридим.

Что-то проникает в отупевший от вина и таблеток мозг. Мужчина начинает искать ту свечу, вторую из набора. Перерывает игрушки, вначале стараясь не устраивать беспорядка, потом всё яростнее, неистовей. С грохотом валятся на пол книги, одежда, обувь, компьютерные диски, слесарный инструмент.

Свечи нет нигде.

Тут звонит телефон - долго, настойчиво. Кон бросает всё, берет трубку. Приятный, вежливый голос одного из тех самых знакомых говорит вдовцу, что Светочку удаётся, наконец, пристроить в подходящий специнтернат, очень хороший. Ее могут туда отвезти вот прямо сейчас, если отец даёт согласие. Хотя бы на девять дней или на все сорок. Развивающие игры, танцы, гимнастика, иностранные языки, математика и нумерология, музыка. Опытные врачи-кардиологи и психиатры. Самое главное - стоять это будет ни копейки. Ни «зайчика», смеется голос, в котором слышатся устрашающе мягкие ноты.

Кон бросает трубку на место. Двойное подобие, говорит что-то у него внутри. Свеча похожа на восковую куклу, кукла носит имя человека. Назвать - почти что окрестить, особенно если это делает невинный ребенок.

...Маленькая белокурая даунесса с глазами, что сияют изнутри глубокой предутренней синевой, преклоняет колено, отпускает ласковую руку чужака, идет к статуе Матери зажечь огонь от огня.

- Санкта Мариа, Матер Деи, ора про нобис нунк и хора мортуй нашей, - старательно проговаривает она тонким голосом, истово крестясь от плеча к плечу. - Сделай так, чтобы папочка не пил и не стучал по мне кулаком, и не скучал по маме никогда больше. И чтобы стал совсем-совсем хорошим и добрым.

Все свечи в храме трепещут от дыхания иных миров. Звучит неслышимый орган, сотрясая стены, вдосталь напитанные древней болью, - и купол невидимо низвергается, раздвигая их подобно лепесткам и обрушивая вниз.

Когда добро падает на незрелую душу - это как молот, говорил отец Стефан.

...Глубокой ночью Константин, лежа ничком на постели, бормочет что-то в хмельном забытии - гости пришли и ушли, беда осталась - и слышит во сне, как ниспадают тяжкие покровы, рвутся оковы, распахиваются двери внутреннего храма.

Пленник выходит из затвора.

Завтра его поглотит ненасытная пасть милосердия.

Молитва сухой колючки

Ты свет земли, сияние небес, земли отрада,
Души моей неугасимая лампада,
Наполненная маслом, столь летучим...

Ты выблеск молнии в нагроможденной туче,
Я - сидры терпкий, благовонный дым.
Терновник тот когтями впился в кручу...
Молю, одень его своим огнём святым...

Эпифиты

В молодой женщине, которая шла по тротуару, раздвигая узкими плечиками встречный поток людей, всякий мог ощутить нечто особенное. Не в лице - худощавом и большеглазом, каких в столице тысячи. Не в коротко стриженных волосах неопределенно-серого цвета, под платину. Не в тонкой фигуре без особых признаков пола и даже не в одежде: длинная черная безрукавка под горло и такие же шаровары. Тяжелые стальные браслеты на запястьях и щиколотках, широкий наборный пояс на бедрах, надетый вперехват блузы, высокие «ликторские» сандалии на платформе - подобие высоких башмаков с вырезами на пятке, подъёме и пальцах - они еще могли слегка привлечь внимание, но в эту сумасбродную весну не удивляли никого.

И всё-таки...

Два цвета прохожих: черное и белое. Оба - траур и оба - торжество. Два металла: светлое серебро и тёмное железо. Платья с плёрёзами девятнадцатого и жениховские костюмы середины двадцатого века. Можно подумать - специально переодеваются ради променада, размышлял человек во всём тёмном, что шел за девушкой по пятам. Два ряда помпезного столичного ампира среди бывших больничных садов, а за ними - высоченная волна стеклянных небоскрёбов с острыми белыми верхушками. Здравницы и Хранилища. И бесконечный поток в стиле нуар перехлёстывает с тротуара на проезжую часть: по одной стороне - от Архивов до Монастыря, по другой - от Монастыря до Архивов.

Прошвырнуться по Броду - так это раньше называлось. Хотя истинный Брод, полностью Бродвей, а по-настоящему Большая Бехтеревская, проходил параллельно этой улице и был намного ўже.

Проспект Вечности, или Вешка, всегда соединялся с Бехтеревкой переулками и проходными дворами, по которым бродники, гуляки и снятые ими девчонки могли без проблем ускользнуть от полиции нравов. Вообще-то прежние дворовые бобики были не чета теперешним бобтейлам, размышлял седовласый мужчина, поправляя на носу очки. Поймают, угостят парочкой-другой зуботычин, может быть, слегка попользуются обоими на даровщинку - и никаких тебе неприятностей.

Вроде тех, что ожидают в будущем прикольную детку. Нет, приколы бывают вполне безобидные. Его старомодные очки без стекол, с гибкими проушинами, например. Все знают, что это вовсе не указывает ни на плохое зрение, которое ничем вообще не скорректируешь, ни на плавающие перед зрачками линзы. Просто демонстрация или реклама винтажа. Сейчас многие им

подторговывают вполне легально. Так же, как штамповскими браслетами и снаряжением.

Только девчонка и в самом деле качается. Нагоняет себе мускулатуру. Мало ей гарантированного здоровья. Железно гарантированного, усмехается он про себя.

По бесконечному дефиле между Бумагами и Новодевичкой имеют право расхаживать лишь члены семьи Вечников и всякая прочая родня. Право скорее моральное, документа никто не спросит - бобы пытаются отрегулировать поток людей. Место неожиданно стало популярным, теперь уже Брод принимает в себя Вешкины излишки. А по Вечному Проспекту приходится ведь еще сопровождать и препровождать.

Как ему сейчас. Девчонка неоднократно замечена в нарушении законов о неприкосновенности личной жизни: детская гиперактивность, адреналиносодержащие наркотики, всякие там стипльчезы и паркуры, попытка возродить экстремальные виды спорта. После лечения и неоднократных предупреждений - вот это. В толпе и на виду у всех.

Сергей - так его имя - вспоминает предысторию. Как после окончания Греко-Латинского колледжа был потрясён открытием стациса, препарата из стволовых клеток, подвергнутых особого рода модификации и ферментации, Препарат позволял кардинально замедлить старение и добиться очень быстрой регенерации тканей. Так его рекламировали вначале, до того, как Сергей решил поступать в Высшую Медицинскую Школу. Когда он пробился-таки в это заведение, которое уже становилось жутко престижным, и учился на первом курсе, торжествующей массе разъяснили всё. Что стацис успешно сохраняет организм, перестающий расти и обновлять свои клетки. Что инъекции позволяют запустить процесс тотальной стабилизации через пять лет после наступления геронтопаузы, а дорогие таблетки, где стацис находится в смеси с веществами, составляющими секрет фирмы, - практически на любом этапе до и после неё. Что в непосредственной связи с грядущим бессмертием человеческая жизнь объявляется ценностью номер один, смертная казнь и аборты категорически воспрещаются, попытки суицида и эвтаназии караются пожизненным заключением в активную форму и принудительными работами на весь этот срок, ориентировочно определяемый в сто лет со дня рождения. Пребывание на военной службе или в рядах спасателей будет расцениваться как попытка самоубийства, если оно совершается по идеологическим соображениям. Оттого армия и слитые с ней государственные и общественные организации отныне должны будут пополняться лишь контрактниками, а также совершившими преступление против святынь.

Такими, как эта девочка.

Сергей слегка улыбается. Все люди прямо сходу кинулись в тёплые объятия интернациональной медицины, и для него и ему подобных настали

жирные годы. Пятидесятилетние бедняки, дряхлые олигархи и те, кто промеж них. Жизнь до пятидесяти казалась им полной угроз, но потом обнаружилось, что вожделенный препарат прекрасно защищает и редкое потомство «стационариев» - тогда у них слегка отлегло от души. Определились три вида существования «под стацисом»: быстрая, или активная жизнь - собственно, то, что называлось жизнью и раньше, - замедленная, или пассивная жизнь и пассивная жизнь в грёзах.

Первое означало те годы, которые человек должен был прожить и так - плюс-минус десяток лет. Стацисные не очень поддавались терапии, но всё-таки она была возможна. Когда же наступало время естественного ухода, такой человек одномоментно превращался в неподвижную куклу, которая слегка моргала и совершала еле заметные вдохи и выдохи. Пищи и питья помимо того, что приносил воздух, ему не требовалось, выделение шло через кожу. Род летаргического сна, могущий продолжаться сколь угодно долго - и из которого практически невозможно вывести.

А жизнь в грёзах? Да просто поддерживаемое специальными аппаратами состояние быстрого сна, в который добавляли чужие энцефалограммы, позже - специально сконструированные нейрофильмы. За вполне доступные деньги. Этого блага были напрочь лишены нераскаявшиеся преступники.

Нет, перебил он сам себя. Куда это она идёт? Кто бы мог поверить...

То-то зашла с противоположной стороны потока. И торопилась - квартиру снимает напротив громады Архивов, гулять было бы проще по другой стороне проспекта, а уж потом, возвращаясь...

Зайти прямо в это почти кубическое здание с широким стеклянным фасадом и решётками на двух нижних этажах. Когда-то по лестницам, видимым с улицы, взад-вперед сквозили осанистые граждане в кителях, брюках с лампасами и фуражках. Академия Генштаба, теперь пониженная в ранге до столичного военкомата. Постоянно действующая приемная комиссия. Именно сюда приводят нарушителей Закона.

А эта женщина пришла по собственному желанию. И еще торопилась, чтобы не показалось, что ее загнали насильно.

- Человек доброй воли, - говорит она.

- Железяки-то снимай, детектор не пропустит, - отвечает дежурный. Даже не очень удивлённо. - Пройдешь дугу - верну.

- Портал в иную реальность, - сдержанно хихикает женщина. - А если у меня пластик, как у ОАСовцев?

Сгребает браслеты и пояс и удаляется внутрь здания, четко ставя ногу.

Спустя пять минут Сергей отворяет тяжелую дверь с латунными заклёпками, козыряет солдату корочками и лихо ныряет под турникет.

- Не нужно, чтобы меня лишний раз посчитали, - тихо говорит он.

- Мы знаем, Сергей Семенович, - так же отвечает дежурный.

В дверь приёмной комиссии стучат - резко, деловито, будто азбукой Морзе выводят пароль.

Девушка входит.

Трёхголовый дракон: офицер, военный врач, священник. Сидят за столом, занимая все три стороны, от нечего делать пьют кофе. Главный улов прибывает вечерами.

- Почему без сопровождающего? - спрашивает первый.

- Вольноопределяющийся, - слышится ответ. Слишком звонкий и уверенный в себе голос - таким прикрывают страх. Или ненависть.

Недоуменные взгляды. Хотя - да: вольнопер, как говорили в старину, - не доброволец. Также как люди доброй воли - это Библия, не военный устав. Лазейки необходимы, иначе армия совсем захиреет.

Приказ офицера:

- Документы.

Тонкий пакет полупрозрачных пластин появляется из поясного кармана.

- Так. Анна Яковлевна Фрай. Тридцать один год. Образование высшее гуманитарное плюс высшее медицинское, классическая латынь, английский, французский, хинди... психически здорова, стрессоустойчива, лабильна, свидетельство о спортивной подготовке, курсы самообороны, владение оружием... Это же всё запрещено! У нас разрешено только гармоничное телесное развитие!

- Я намерена подняться на ступеньку выше рядового контрактника, которого еще надо всему обучать. Если вам это не нужно, - что же, вы меня получите и так и так, только что на гораздо худших основаниях. И больше сил потратите в результате.

- Как вы получили эти бумаги?

- Заслуженно, хоть и не вполне официально. Как понимаю, я далеко не первая в таком роде, потому что вы не хотите работать с безнадёжно сырым материалом.

- Первая женщина. Не лгите - уж это вам известно.

- Да, известно, разумеется.

Теперь говорит врач:

- Вы обеспечили свою вменяемость весьма солидными документами. Мы можем очень просто объявить ненормальным человека с подавленным инстинктом самосохранения. Но, я так полагаю, у вас атрофирована другая часть психики. Ибо первейший долг женщины - беречь себя для ребенка.

- Это мне, увы, не грозит, - Анна иронически кланяется собранию.

- Перевязывать трубы - это грех. Изгнание плода - грех смертный, - вспыхивает священник. Он молод - гораздо моложе остальных - и довольно хорош собой.

- Отец, вы гораздо лучше меня изучили медицину... в определенных аспектах. Я всего лишь имею в виду, что не способна к безудержной влюбчивости. Быть монахиней в миру - тоже грех? - парирует женщина.

- Монахини не убивают.
  - Пожалуй, и мне придется лишь спасти жизни, а не отнимать.
  - Дочь моя, твои устремления граничат с самоубийством.
  - Если отдать живот за други своя - всего лишь суицид, то кто же тогда... Священник испуганным жестом обрывает эту фразу.
- Все потрясённо молчат.

- Господа, - говорит Анна. - Единожды войдя, мне уже не выйти отсюда иначе, как в полной военной форме. Спор может быть лишь о знаках различия. Итак?

И всем уже ясно, что ей удалось настоять на своём. И победить.

Поэтому первое, что видит Сергей, зайдя к начальству, - это молоденького сержанта спасательной службы, который с юмором отдаёт честь его штатскому маскараду.

Несколько позже он задумался, что когда-то заставило его потеснить свои хлебные медицинские занятия ради пошлейшего сыска: желание устранить помехи на пути лучшего будущего? Вечное стремление человека играть и менять маски? Или заурадная тоска по острым ощущениям? Ведь не деньги же. В этом он проиграл.

И лишь одну причину, истинную, он закрыл в подсознании.

То, как его, уже преуспевающего нейрохирурга, привели в зал, где вкушали заслуженный покой Вечники. Экскурсия была, кстати, не самой рядовой: для чиновников высокого ранга.

Шестигранные соты от пола до потолка. Прозрачные створки, что позволяют видеть лица любимых - пусть и в перевернутом состоянии. Система зеркал, отчасти исправляющая этот огрех. Шелковистые покровы. Открытые окна и свежий воздух, что несёт морось, пыль и пылцу.

- Им нужны еда и вода, - благоговейно шепчет экскурсовод, - однако наши Спящие получают их прямо из воздуха. Питаются нектаром и медвяной росой.

Бледная кожа, прикрытые веками глаза, что кажутся по-азиатски раскосыми, костяной нос, полуоткрытый рот, искривлённый в подобии улыбки. Приглаженные волосы неясного цвета. Руки лежат по обе стороны тела - скрещивать их на груди, будто у мертвого, непристойно, хотя и так напоминает похороны самоубийцы. Иногда по маске точно пробегает легкий ветер - это какой-нибудь приятный сон вырывается наружу. Поистине отдых от трудов.

- Они в раю, - это снова служитель. - Ждут Великого Суда, уже обладая насыщенной жизнью внутри себя самих. И, как последнее время считают, могут возвратиться на землю, чтобы погостить на ней краткое время. Утешить близких.

- Это вполне надежное хранилище? - спрашивает один из гостей попроще. - Такие высоченные небоскрёбы.

- Они сооружаются в удалении от горных и приморских районов и к тому же предельно сейсмоустойчивы. Опасность терроризма сведена к нулю - кто захочет всерьёз покуситься на своё будущее? К тому же мы всё время думаем над тем, какие опасности еще можно предусмотреть.

- Как называется такой способ существования? - Спросивший это далеко не такой простец, как первый. - Сапрофиты я знаю.

Что толкнуло тогда Сергея под бок - он до сих пор не понимает.

- Сапрофиты питаются за счет других растений, - отвечает он вместо чуть опешившего экскурсовода. - Вечные ведут самостоятельное существование, не считая того, что общество оказывает им поддержку. Уместно, пожалуй, сравнение их с эпифитами, пожалуй даже аэрофитами - курьёзными растениями, извлекающими всё необходимое из трёх стихий: воды, воздуха и земли.

Это слишком верный ответ, провоцирующий одновременно своей философичностью и своей охранительной интонацией. Поэтому звонок на работу Сергея, последовавший на другой день, не был для него сюрпризом - ни приятным, ни неприятным.

Сначала предлагалось быть тайным референтом, писать от чужого имени научные статьи для вполне респектабельных изданий. На темы, которые укажут, - но ведь они сами по себе для него интересны? И выгодны, так как способствуют притоку пациентов. Да и денег, помимо прочего.

Потом - собирать сами материалы и публиковать уже от своего имени, что приобрело известность. О прямой необходимости поголовных прививок стагиса-ультра. О пагубности абортот для будущей матери; естественно, подобный вред возрастал благодаря кардинальному изменению генома. О благих изменениях в психике преступников, получивших дополнительный укол и реабилитировавших себя благодаря ему. О настоятельной необходимости вечного мира и о непреходящей ценности человеческого существования.

Позже - извлекать информацию из уст, владеющих ею непосредственно.

И уж много позже Сергеем определили и утвердили то, что он имеет на сегодняшний день. Костюм, уничижающий фигуру. Насквозь фальшивые очки, что изумительным образом меняют лицо. Новую профессию и любимое старое хобби - отыскание и продажу винтажных предметов.

... волк, что загоняет овец в овчарню. Не сторожевой пёс, нет.

Седой волк, однажды обломавший себе зубы на упрямой и хитрой овце.

Удивительно ли, что судьба вновь сводит их вместе?

В офицерской столовой небольшого приморского городка Сергей Семенович Русанов, старший лейтенант резерва, неожиданно видит знакомое лицо напротив единственного свободного места в зале. Майор спасательной медицины, женщина, скажем так, средних лет, но сохранилась прекрасно.

- Идите сюда, старлей, регламент остался за порогом. Кажется, вообще за границами Нью-Мессины?

Он послушался, поставил свой поднос рядом с ее тарелками.

- Вы сделали неплохую карьеру, сэн майор.

- Вы, пожалуй, тоже, сэн старший лейтенант, уж если вас отпустили сюда волонтером, - говорит Анна. - Ведь резервистов пока не призывали...А что до меня, всё вышло по причине Гавайки. На одном из райских островов архипелага возник новый вулкан Кракатау. Благодаря нашим стараниям удалось сохранить половину Предвечников и всех детей, которые наслаждались тамошними красотами.

- Об этом почти не было в Инете. Однако я слышал, что руководителя спасательных работ представили к генеральскому званию.

- Так бы оно и вышло, если бы пропорция спасённых была обратной. Все кандидаты на скорую вечность и половина их отпрысков. На пороге блаженства как-то обидно гаснуть, не правда ли?

- Природа сошла с ума.

- Возможно, и нет. Она ведь никогда не стремилась соблюдать приличия. Это люди решили, что на таком расстоянии от соли можно устроить Вечный Дом в одной из пещер. Ее и в самом деле не затопило морем - обрушились своды. А дальше в ход пошли те реки, что текут из сердца Земли. И пока люди наверху сводили счёты с землетрясением...

Сергей кивнул. Ему показали не съёмку, а натуральный вид: герметические стеклянные пеналы с трупами внутри плавают на маслянистой поверхности. Ибо даже Вечные портят свой воздух. Груды базальта, под которым погребены разможенные тела - у них еще есть надежда на регенерацию, если успеть вовремя. И далеко вверх, еле видные под лучами мощных ручных прожекторов - складки и нервюры камня, блески слюды, вкрапления металла. Красота, бесконечно чуждая человеку. Чудовищная.

Хорошая приправа к ужину, чтобы не сказать большего, - он опомнился и встряхнул головой.

- А вы чем заплатили за вольный выпас, сэн старший?

Сергей не ответил сразу - делал вид, что его интересуют те жилы, прожилки и клочья, что были у него в миске вместо мяса. Неприлично не отвечать женщине сразу, но Анна безусловно понимает, что он старше по званию. Оттого и намёк.

- Участвовал в операции против дендротов, - неохотно говорит он, наконец. - Знаете, такая секта, что утверждает, будто героическая гибель возрождает человека в древесной форме. Сражаются они, словно безумцы или асасины. Мы сумели захватить только алтарь и их священные книги.

- Королеву Урсулу, которая Ле Гуин, с ее «Старшими», «Хлорофилию» и «Живое семя» Рубена, «Дерево Сферу» Заболоцкого - «Блаженно древенеют вены» и прочая.

- Можно подумать, вы из них, сэн майор. Так начитанны.

- Или так же, как и вы, стояла неподалёку от карателей, когда эту литературу жгли, - Анна смеётся. Что за беспечный, ясный у нее смех - как раз тогда, когда ожидаешь сардонической гримасы.

- Сэн майор, - наконец решается Сергей именно из-за такой ее реакции. - Вам тоже пришло в голову, что армия в нашем случае - единственный способ умереть с честью?

И окончательно. Ибо наложить на себя руки с недавних пор вообще не удаётся. Только разве - начисто снести себе голову сорок пятым калибром, пущенным в основание шеи, самовоспламениться и развеять свой прах по ветру. Такое не под силу одиночке.

- Тсс, - Анна прижимает к чуть подкрашенным губам палец: ноготь подстрижен коротко, зато лак - почти пурпурный. - О таком лучше не говорить в публичном месте. И даже не помышлять... мой генерал.

Благодаря этому обмену репликами они оказываются вдвоём на квартире, что снимает Сергей у одной из недавних вдов. От ее супруга остались жирные кровавые мазки на краю свежего провала, только зачем говорить об этом случайной любовнице!

Когда высвобождаешься от формы, дальше всё случается легко.

Когда понимаешь, что лишь это гибкое, широкобёдрое тело, лишь эти волосы, что щекотно касаются подключичной ямки и сгиба локтя, эти губы и глаза зелёные, глаза и губы небесной девы... лишь эта седая поросль на чуть впалой груди и лобке, щетина на подбородке, которая любовно колет твою нежную плоть, жёсткие мышцы, неожиданно сильная хватка рук - лишь это может подарить тебе наслаждение. Тогда всё становится крайнѐ сложным. До невероятия.

Найти - чтобы расстаться.

И под конец, когда улеглась буря:

- Сколько тебе лет, Сержи?

- Девяносто пять. Самый порог трупного окоченения. А тебе, Ани?

- Шестьдесят один. Вовремя с армией спохватилась.

- Ты сможешь? Мы поможем друг другу?

- Конечно. Но не так, как ты помыслил. Потому что теперь я знаю - мы способны стать деревьями. Как пели в старых песнях.

Вернее, одним деревом.

Стройным хмурым кипарисом, шевелюра которого вся заплетена мелкими алыми розами.

Молитва предстояния

Вот я пред тобой, любимый, вот я пред тобой,
Нет тебе товарища, но вот я пред тобой,
По пути горящему я иду вослед
За тобой, которого больше в мире нет.
Хоть непозволительно мне тебя познать,
Хоть неисчерпаем ты - я тебе под стать;
В капле и в колодезе плещет всё одно
Океана вечного багряное вино.

Черный ворон, белый снег...

Сначала вовсе не об этих двух. Отнюдь.

Как ткут неширокий деревенский холст?

Красны девицы - долгими зимними вечерами. При воткнутой в светец лучине. Под тихое пенье о кошурке и печурке, о гаданьях и красованьях, о злых свекровях и добрых женихах.

Женки верные - урывочкой. Стоит стан у стены, на нем новина, улучит времени чуток - ряд соткет-набьет. А то и весь десяток.

Вдовушки бездетные да стары девки печальные...

Чего уж об них скажешь? Всю жизнь свою незадачливую, пустоцветную ночью в прядево сплетают, днем вбивают в полотно - с узелками и махорками, где тонина, а где и толщина.

Это в идеале, правнучек.

Как белят готовые холсты?

Статные голоногие крестьянки смачивают их в утренней росе и с песнями расстилают на ясном утреннем солнышке. А к вечеру собирают, чтобы на время темной ночи отнести домой.

Это тоже в идеале, как в толстом одеяле.

Однако бывает и так, что кто-то из девушек замешкается и не сможет прийти собрать свои холсты, а другие поленятся - им ведь надо успеть вволю с парнями нагуляться и наплясаться, прежде чем по лавкам себя покласть, - и оставят чужую работу до следующего утра. Ино и вовсе выйдет негораздо: несчастье какое случится в деревне, тогда уже всем не до полотен, кои под небом распластались. А там либо уцелевшие крестьянки их подберут, либо недруг-вражина польстится.

Потому что дорогого такие ткани сто́ят. Особливо те, что смочены горючей полуночной росой да обласканы полной луной на второй день ее небесного стояния.

Ибо, как втайне верят все сельские, в такую ночь - да и в ночь, позади нее идущую, и ту, что впереди нее бежит, - приходят по холодной росе на свет лунных холстов белые водяницы, вилы-самовилы, по-иноземному виллисы. И танцуют прямо на них своими босыми, на просвет прозрачными ступнями.

Вилы ведь не простые русалки. И хвоста у них, конешное дело, нету - это лишь у морских бывает. И чешуй, и жабров, да почитай что и самого тела.

Это всё оттого, что самовилы те вовсе не рыбам сродни, а тусклым лесным морокам да блестящим тинным болотницам: тех еще светлячками обзывают или гнилушами, а то и свечой мертвеца. Одними словами - родня они с нежитью всякой влажной, хотя не в пример иным прочим добрые.

И еще одно их от прочих нежитей отличает: наряды баские на себе носят. Сорочки панбатистовые, воротники-ожерелки, добрым цветным камнем низанные, венцы-ленты зубчатые, рясы жемчужные от края венечного до самых плеч. А башмаки не изрядно любят. Тяжелы им гораздо. Хотя нежные у них ступни, прям точно детские ладошки. Даже трава, ежели сухая, до синей крови порезать может.

А откуда берутся самовилы?

Кто говорит - невесты то обманутые или у кого жених на войне погиб. Потопленницы, значит.

Кто бает - от мыслей мужских грешных из чистого ключа или бездонного колодца на мировом краю рождаются, чтобы за похабель эту сполна отплатить.

Только не так всё это.

Вот как у всякого живого дерева была в позапрошлые времена душа и у всякого чистого ручейка или речки, так и сейчас, в унылое наше время, скитаются эти бесприютные души и ищут себе новую плоть и кровь.

Бывает, что и находят....

Муж и жена побросали в свой потертый внедорожник кое-какие гламурные шмотки, семьдесят семь пакетов сухого супа от курочки Галины, банку топленого масла и бутыль вареного льняного, холсты и батисты, подкладки и подрамники, набор пудры и теней, коробку масляных красок, карандаши: для глаз и серебряный, - румяна и темпера, бумагу ватманскую ручного отлива и экологическую туалетную...

Много чего еще.

А теперь - задача: о чем из списка позаботился супруг и о чем - супруга.

Вы говорите, что они оба могли быть живописцами? Строгановское закончить или там иконописную школу Ильи Глазунова...

Ну, не знаю. Могли, конечно.

И опять - речь вовсе не о том.

Речь о том, что оба собрались на отдых в деревню, где им досталась в наследство добротная деревенская изба. Вернее, супругу досталась.

Оттого и внедорожник. Повышенная проходимость, хоть по глинистой вертикали, надежный комфорт, полнейшее зверообразие - воры боятся даже подойти. Жаль только - бензина жрет немеряно.

Это снова присказка. Сказка будет впереди.

Когда Антошка выпотрошила в котелок последний пакетик с сухой курицей, а Серик дожег в печи-голландке завалявшееся в сусеке осиновое полено, кстати выяснилось, что в доме не осталось ни хлеба, ни мяса, ни вина, а что самое огорчительное - все холсты и краски Сергей повывел на окрестные пейзажи. В основном наброски, хотя он собирался увезти и выставить пару готовых и полностью прописанных картин - тоже всяких там осин и трясин практически в натуральную величину.

А еще и внедорожник был не совсем на ходу.

Ну, кое-что из еды можно было запросто купить в сельмаге, за горючим для «Тойоты» сходить на бензозаправку с двумя канистрами, только муж уперся, что называется, рогом:

- Антонида, я только-только к вселенским ритмам подключился. Успею еще машину как следует заправить, а за хлебом и прочими съедобностями и сама попозже прогуляешься.

- У тебя же ни красок, ни на чем рисовать не осталось. А на чистом вдохновении далеко не уедешь, писака.

Как можно было понять, гламурная супруга не любила деревенского имени, что досталось ей прямиком от предков - то есть от папы с мамой. Антошкой соглашалась именовать себя только в шутку, а на самом деле была Антонí или даже Аní. С ударением на последнем слог. Как многие чуточку вздорные женщины, была она чернявой, худой и верткой, и загар к ее коже почти не прилипал - только с помощью специального крема на ореховом масле.

- Вот и неправда, - мягко возразил ей Сергей. - Смотри, чего я в прабабкиных закромах нашел. Там таких штук еще много.

И он поднял над головой, как флаг, не очень большой кусок белой холстины, какие обыкновенно шли на утирки.

- Груба, - сморщила носик Ани. - Дерюга, а не холст под масло.

Деся художникову постель надвое примерно с год, она считала себя крутым специалистом во всем, что касается живописного мастерства.

- Вовсе нет. И вовсе не дерюга. Эксклюзивное ручное ткачество. Смотри - край неровный, как у настоящего старого ватмана, то есть бумаги ручной вычерпки. И сам матерьял такой плотный, что почти и не понадобится грунтовать. У меня ведь мало ее осталось, грунтовок. И достаточно гибкий, чтобы впитать льняное масло.

- Потому что сам из льна? - спросила юная специалистка.

- Нет, это конопля, по-моему.

- Я думала, конопля - это для кайфа.

- Глупая. Самое лучшее волокно было для рогож и канатного дела. На крестьянскую одежду крапива шла.

- Правда? Как у Андерсена в «Лебедях»?

- Правда. Но тут перед нами нечто особенное. Это как же полотно отбелить ухитрились - и обмять тоже! Словно персидский ковер. Про такие

старая бабка говорила - на полной луне разостланы, белыми ножками потоптаны да слезою горючей окроплены.

- У тебя же подрамников больше нету.

- Зато пяльцы старинные нашлись. На подставке и с четырехугольной раме с винтами - то, что доктор прописал. Раньше-то все крестьянки себе приданое вышивали. Утиральники, запаски, срачицы, простыни, наволоки, занавески - сады наоконные, праздничные налавошники.

Исходя из обстоятельности и спокойного тона Сергеевых ответов можно заключить, что был он темно-русый и сероглазым, довольно крепкого, хотя вовсе не громоздкого сложения. Ничего ровным счетом от порывистой романтической и артистической натуры.

- Чего калякать-то намылился? - добродушно спросила Ани. Когда живешь с типом без царя в голове, поневоле терпению обучишься, подумала она про себя.

- Твой портрет.

- Ты же по пейзажам работаешь.

- Надо ведь когда-нибудь и отваги набраться.

Он усадил жену на табуретку, сноровисто натянул холст на «пялы» и взял в руки мягкий эскизный уголь в оправке.

- Я скоренько. Надо же - холстина, хоть без грунта, прямо сама под руку подстилается!

- Интересно, как я у тебя выхожу, - через небольшое время проговорила Ани.

- Да никак. Сама должна понимать. Отчего я тебя просил через плечо не заглядывать и мои зарисовки с неживой натурой не сличать?

- Колдовство.

- Ага. Оно самое.

Сергей замолчал, едва слышно мурлыча под нос какой-то странный мотив.

- Точно - колдуешь. Что за песенка?

- Ох, вертится с чего-то в голове. Быличка старая, прабабка мне вместо колыбельной напевала.

- Словами это оформить не пробовал?

- А хочется? Слушай.

И он завел негромкий то ли речитатив, то ли что еще:

«А и брови твои - темна соболя,
А и косы - черна ворона,
Очи ясны - дремной ноченьки,
Светло личко-то - белы снега.
На белых снегах-то да заря лежит,
Заря ясна разгорается».

И почти сразу замолчал.

- Ты чего?

- Сеанс временно окончен, - нарочито бодрым голосом отозвался Сергей.

- Ты иди - ведь вроде как по магазинам хотела?

- Скажешь тоже - магазины! - фыркнула девушка. - Лавка одна заюзанная. И та на колесах.

Однако поднялась с места и почти выбежала за дверь.

Муж поглядел ей вслед и тотчас начал лихорадочно водить углем по белизне. Отыскал в живописном развале «клячку», большой ластик для правки и растушевки, и ухватил в свободную руку.

Когда тяжелогруженная Ани вернулась из похода, муж навзничь лежал на одной из лавок и задумчиво курил в потолок.

- Как, теперь можно смотреть?

- Любуйся. Написал, но еще не наладил, так что осторожнее с руками. Попусту в полотно не лезь.

...С белого, как бы фосфоресцирующего зеркала на женщину глядели невероятные глаза: зрачки на радужке - двойная луна посреди тьмы двойного неба. Изогнутые персидским луком брови сливаются в нить на переносице и широким крылом распахнуты к вискам. Поток распущенных волос, блистающих всеми оттенками черноты, стремится выплеснуть себя за расчисленный мастером предел. И - шрамом поперек лица - губы, чей густой багряный оттенок не прописан мастером, но уже безошибочно угадывается.

- Ты... ты хочешь сказать, что это я?

Муж приподнимается на локте.

- А кто же ...

- Сволочь. Галка это, одно к одному. Сестрица моя родненькая. Которая тебя у меня, считай, отбила. А потом с твоим дитятком внутри...

Сергей хочет сказать, что всё было как раз наоборот, что он поначалу и знать не знал насчет старшей дочки будущего тестя, от совсем другой женщины, да и про ребенка Галинкина узнал, лишь когда невесту из-под моста вытащили: от патанатома. Ныряя, сказал, длинной своей косой в опоре запуталась.

Так бы он попробовал оправдаться.

Но момент для любых речей упущен.

Антонида бросается на холст с тем, что первое попало под руку. С узким, хорошо заточенным мастихином.

Что-то на миг помешало ей полоснуть по лицу картины - разрез прошел с правого боку. Муж вскакивает, перехватывая оружие убийства, оно, вырвавшись из слепых от ненависти пальцев, кувыркается в воздухе...

И его острый конец вонзается прямо в яремную жилу.

Сергей падает вперед, поток яростной венозной крови, ринувшись, заливает лунную белизну холста.

Женщина вскрикивает - но мигом зажимает рот ладонью. Наобум хватает мастихин, бросается к выходу из дома, потом к «Тойоте», которая

притулилась к хилому плетню. Зажигание схватывается с полоборота, машина рвет напрямик через кусты, прутья, колдобины - на простор лесной дороги.

Месяц или полтора спустя. Частная картинная галерея в огромном городе, почти что центре культурного мира.

- Задолго до того, как всем стало известно о несчастном случае, - негромко говорит юная владелица, - художник написал и нотариально заверил некое распоряжение, по которому исключительное право на экспозицию и продажу картин предоставляется нам.

- Не думаю, что он когда-либо сумеет это оспорить, - отвечает юрист. - Тем более что состояние его никак не назовешь ни благополучным, ни стабильным. Когда Сергея Николаевича, наконец, обнаружили, уже наступило состояние клинической смерти, а пока из него вывели - прошло минут шесть. Медики сказали...

- Через три - умирает мозг, через пять - останавливается сердце, - четко произносит молодая женщина. - Я знаю. Спасло нашего гения чудо, но сколько это чудо продлится и чем закончится - не скажет никто. Он ведь по-прежнему в коме? В прошлый раз...

- Конечно, госпожа Айдан. И вся подключенная аппаратура работает в экстремальном режиме. Простите, в терминах я не спец...

- Вы, Юрий Савельевич, спец кое в чем другом. Скажите, если жена отыщется... я специально не рассматриваю вопроса насчет ее вины, поскольку она не доказана... Может ли она претендовать на ту часть денег, что галерея отчисляет медцентру, или вообще на все - за вычетом, естественно, комиссионного процента?

- Может, - кивает правовед. - И, возможно, станет. Интеллектуальное имущество в случае развода, даже одностороннего, по воле супруги, считается нажитым совместно.

- А что, разве она...

- Незадолго до отъезда обратилась ко мне, - кивает юрист. - Я отговаривал, я предупредил, что она обязана поставить мужа в известность о своих намерениях, однако госпожа Антония только рассмеялась и заявила, что это шутка. Чтобы «его» слегка приструнить. «Он», дескать, знает, но пока не принял всерьез.

- Что за ересь. Однако она сама...

- Считается без вести пропавшей. Автомобиль исхитрился пройти на остатках топлива километров двадцать, пока мотор не заглох в трясине. По всей видимости, хозяйка оттуда кое-как выбралась, а вот куда стопы направила, в чащу или в топь, - неясно.

- Ладно, - говорит Айдан. - Отыщется - тогда авось решим. Меня другое куда больше волнует. Его последнюю картину, с той самой колдуньей, хочу для себя. За любую цену. Рука не поднимается торговать подобной красотой, понимаете?

- Понимаю. То есть в живописи я полный профан и дурак, простите. Вот в красавицах... Это да, это мы в юности соображали недурно.

Юркий карий глаз чуть касается смуглого личика собеседницы, замирает на небольшой точеной фигурке. Однако тотчас переходит на полотно, что по-прежнему натянуто на пальцы - из них сотворили некое подобие мольберта.

- Даже не понимаю, как Сергей этого добился - маляр он был вроде так себе. Всё - белизна. Белизна перламутровая, белизна чайной розы, белизна старинной слоновой кости, белизна непроницаемо черная... Ничего, что у меня вышел парадокс?

- И яркие, будто спелая вишня, губы. Неподдельно яркие. И нежный румянец на щеках. Вам никогда не хотелось ее поцеловать?

- Ее - нет.

Оба смеются: юрист - с некоторой тоской, художница - с еле заметным чувством собственного превосходства.

- Ох, всё спросить забываю, - продолжает он. - Такое совершенство - и жесткий рубец на изнанке.

- Да, Юрий Савельич. Но здесь ведь ручное ткачество, не для живописи вовсе. И узелки на таком холсте бывают, и неровности, и затяжки... Только разве это портит впечатление?

- Никак, дорогая моя Айдан Салаховна. Красоту ничем не проймешь - если уж это поистине красота.

Дули нам четыре ветра
С четырех сторон...

Первый ветер. Северный.

...Туфли давно без каблука и сбились на сторону, чулок как и не было, платье порвалось в хлам. Лицо без воды и кремов загрубело и всё в коросте. Хорошо еще - пока стоит лето. Есть ей с самого начала не особо хотелось. «Я пьяна прошлой кровью, я сыта грядущей мстью», как говорила героиня одного бульварного дамского романа - так вот это про меня, - думает Тонька. По мне. Да и питье - вон оно, в этих... бочагах пузырится. В колдобинах дорожных. И светляки над ним кружат или стоят, как им вздумалось. Разговаривают со мной. Нашептывают всякое. А сколько мне времени нужно, чтобы до города добраться, - вроде не так уж много осталось? Дело доделать. Всех как есть порешить: и мужа-изменщика, и новую разлучницу, черномазину эту, и стряпчего - конопляное семя ...

А первым-наперво - тварь поганую, белесую. Стервищу нарисованную. С которой началось.

Второй ветер. Закатный.

... В старинной избе открываются двусторчатые шкапы, раззявливают пасть сундуки с высокой, горбом, расписной крышкой. Вытекают на волю

белые, чистые холсты, тонкие, крестом расшитые полотна, легчайшие невесомые кисеи. Тянутся долгим облаком по небу, туманом в лесных распадках, искрасна-алой, исчерна-темной троецветной радугой над речной водой, пеленальной лентой-свивальником, тугим вервием, смертной пётлею-удавкой над дремучим лесом. Защитить. Покарать. Спасти.

Третий ветер. Восходный.

...Самовила отворяет изнутри слепые глаза, нарисованные свои глаза, растворяет алые губы - чужой, родимой кровью полные губы, - невидимой для смертных рукой проводит по долгим вороным волосам, по белоснежной венчальной рубаше. Лишь до пояса она проявлена, да ладно, всё равно есть. Делает первый шаг с малого холста на великую землю. Жестка необутым ножкам беломраморная земля, деревянная земля, стылой каменной смолой крытая земля. Только вот за дареную кровь, за теплую плоть, за черноту и белизну от Бога заповедано платить. За любое добро, пускай и нечаянное, давать надобно полную цену.

Четвертый ветер. Южный.

...В полутемной палате Сергей чуть поворачивает голову, языком отстраняет в угол рта кислородный рожок. Перед глазами туман - а кто это белый в радужном ореоле? Невиданно расцветшее дерево за окном? Сестричка милосердная? Или та, что здесь всегда... он мается, вспоминая имя. Не Галина. Не Антоша. Не... не Радичка. Хотя вроде как-то так...

Милая. Распрекрасная.

И его застывшие до полусмерти губы сами собой выговаривают конец древней былички:

«Ночь глуха и неукладиста,
Не сноровиста, не ласкова.
Как моя-то лада в ней во гроб легла,
А моя забавушка - в осинов гроб,
Белой ризою укутана:
Во главах ее да чёрен плат,
А в ногах ее да светел нож,
Алый цвет-то да на сладких устах,
На устах-то да на сахарных».

Антонида вздрагивает от жестокого озноба. Распрямляется.

Ржавый, весь в засохшей крови и тине, мастихин летит в болотную осоку.

«Что я делаю... Что я здесь делаю? Я ведь утонула тогда. Я должна спать под этой самой осокой, в самом глубоком омуте, на самом мягком мху -

кукушкином льне, и прясть его вместе с другими русалками... моими посестрами-самовилами... И в невиданной красы бабкины наряды рядиться...»

«Мир-покой тебе, зазнобушке,

Сладкий сон тебе, голубушке

И свиданьице бессмертное,

Любованьице во веки веков»,

до самого конца прошептывает Сергей и говорит уже во весь свой новый, молодой голос:

- Айдан. Это ведь *ты* рядом?

Древние краски

Золотой тоски шафраном
Я окрашу полотно,
Чтоб бойцовским старым ранам
Ныне было всё равно.

Губ твоих кармин печальный
Я в себя вберу, Кармен,
Чтобы моря рокот дальный
Слышать у твоих колен.

В индиго небес я споро
Утром отворю окно,
Чтобы по земным просторам
Расплескать моё вино.

А из пурпура - над пеплом
Водружу победный стяг,
Чтоб душа моя окрепла
И небесный дрогнул враг.

Паут

Своды храма с узлами нервюр³ напоминали Охриде прожилки листа или сосуды натруженной, распаренной руки. В плохую минуту - крыло нетопыря. Всё это ей нравилось, в общем и целом: обратная сторона дачного лопуха, мамочка после недельной стирки, - заодно с прохладой, что гнездилась под готическими сводами в самый душный денёк. И даже летучая муска - разве это не самое таинственное из животных, созданных Господином Игором? Можно их не любить, можно, пожалуй, испугаться, когда такая фыркнет тебе в лицо или запутается в причёске, но и всё.

Тем более плохое настроение посещало девушку редко, а уж в последний день месяца талого снега - никогда.

- И взмолился тогда святой Гоберман, и возопил к небу: «Господи наш! Многие из народа Твоего по причине болести, тобой ниспосланной, стали вовсе незрячими. И если такова кара твоя людям, чтобы не видеть им ни истинного Света Твоего, ни верного Лика Твоего, - распредели ее поровну между всеми. Чтобы не рождалось никого вовсе без зрения, но с неким небольшим ущербом».

Звучный, хорошо поставленный голос отца Мантодея взлетел к центральному узлу сводов, туда, где, по преданию, был вставлен камень-замок, окропленный кров...

Фу, и вспомнится же некстати!

- И внял Пророку Господь Сил, и дал по праведности Гобермановой, и покарал народ Странствующих и Путешествующих лишь самой малостью: отнял у иных дар верно различать цвета и краски мира Своего. Никто с тех пор не рождается без знания Света Господня, лишь одним дано сего знания больше прочих, а иным - менее.

Священник сцепил, стиснул руки перед собой и довершил проповедь не на таких пафосных тонах:

- Однако сказано было еще святому, чтобы страшились девы Радужные выходить за полуслепых, чтобы не породить таких же числом более, чем хотел сам Господь. И чтобы не соблазнялись такие мужчины жёнами из числа зорких. Ибо и так тяжко бремя, возложенное Им на народ свой, и велик ущерб - не ведать истинных цветов неба и земли, радуги и звёзд. Оттого не следует его умножать. А если нарушат они - будет судить Бог по делам их.

Закончив, отец Мантодей перекрестил паству, пробормотав слова общего отпущения, и направился к выходу, по-прежнему сложив руки в жесте мольбы и торжественно шелестя по полу зелёным, в честь праздника, облачением. Все потянулись за ним к выходу из церкви - нарядные, многоцветные одежды, крепкие благовония.

---

3 Нервюра (*фр.* nervure — жилка, прожилка) — выступающее ребро готического каркасного крестового свода.

- Ох, боюсь, нарываётся наш богомолец, - шепнул девушке жених, ласково беря ее под руку. - На булавку, в эфир и в ботанизируку.

- Не шути. Он же не растение...

И осеклась.

- А ты прикинь, малышка. Его не одни мы, Радужные, сегодня услышали. Вон там в тенистом уголку паутинник спрятался, они же солнца не любят, считают, оно слишком громко звучит. Факт принял к сведению, что его племя честили на все корки. Нынче слепуны в большой силе.

На последних словах Камарго девушка оглянулась. Уж и в самом деле немудрено не увидеть слепня. Ходят в сером или коричневом, будто в коконе, пахнут тоскливо, держатся тихо, как сама земля. В детстве Охрида удивлялась и всё спрашивала маму: неужели не найдется никого им одежду красивую подобрать и разобрать по цветам, чтобы подходили один к другому?

- Думаешь, слепыши так себя держат, чтобы им было проще? - сказала однажды мамочка. - Скрывают, как их много. Мы же в них вот-вот растворимся. Капля мёду в чёрной-пречёрной бочке дёгтя.

Тогда Охрида не поверила. Потом убедилась.

После того, как паутинники сокрушительно победили на выборах в кантоне Фарм. Добились для себя разрешения управлять скороколесными экипажами - в специальных очках или с особым напылением на ветровом стекле. Владеть высокоцифровой техникой - с такими же оговорками, благо тут уже никто не проверял на дому, отличает хозяин красное от зеленого или нет. А кто владеет скоростью, знанием или обоими вместе - владеет миром.

- Но... ты ведь не думаешь, что вот этот сразу побежит доносить? - робко спросила она. И заодно полюбовалась добычей: клан Камарго, итальянские Кулициды, тоже не любит яркого, особенно мужчины, чёрное с небольшой дозой белого, очень строго. Но в этой черноте все цвета мира, особенно для Охриды. Сегодня их оглашали во второй раз, а это не шутка! Художницу-недоучку с ведущим флейтистом оперно-балетного оркестра.

- Да вроде бы не должен, - Камарго изобразил улыбку всеми чертами смуглого точеного лица. - Я его мельком знал. Ходили в училище: я по классу пикколо, он - скрипки. Но недолго. Не заладилось, видимо, учение. Возраст у него - и тот неподходящий.

- А что, среди слепней и скрипачи есть? Я думала...

- На профи не тянет ни один. **Школы** не выдерживают. Любители есть у них неплохие, правда.

Спрашивать о таком пустяке не стоило. Все Радужные знают, что вместе с пониманием цвета от паутинников отлетела вся способность к настоящему творчеству. Сплошная логика, цифирь, чёткость. Стремление быть незаметным - чтобы не мешали раз-мыслить. И понимать куда больше, чем нужно для счастья других.

А они, Радужники, - художники, музыканты, священники, даже простые держательницы дома, как мама Антофила, - избранные для несения креста. Малое стадо.

- Камарго, а куда мы сейчас пойдем? Давай - к маме.

И сразу в голове картинка: посреди стола бокастый, круглый, точно солнце сияющий «мамовар», как она говорила года в четыре. Увенчан белым с позолотой чайничком, как короной, окутан царственной мантией фруктовых и ягодных ароматов, а вокруг облачками полуденными чашки, тарелочки, блюда с пирожками и плюшками, мёдом, вареньями и пастилой. И мама, тоже вся душистая, пышная - рука на кране, вот-вот польётся кипяток в чашку с заваркой. Радость!

- Ты забыла, - жених погрозил пальцем. - Сегодня мы с тобой званы на концерт. Сестра одна держит весь свой творческий вечер. Билетные цены взлетели до небес, а у нас с тобой контрамарки на хорошие места. Камарга хочет тебя поближе разглядеть, может быть, и в уборную к себе пригласит.

Ну как можно быть такой дурёхой, спохватывается девушка. Камарга, сестра-близнец ее милого, - наверное, лучшая из балерин во всём Фарме. Это она первая стала танцевать без жёстких «пачек», в развевающихся, прорезных шелках. Впервые отказалась от тупоносых «балеток» и надела на большие пальцы ног стальные, с пробкой внутри, напёрстки, которые соединяла с пяткой этой удивительной обуви гибкая стальная полоса. Какие она делала батманы и фуэте, какие прыжки - все зрители млели от восторга и сладкого ужаса одновременно!

- Ох, я и забыла от огорчения. Пустяки. Хорошо, если так - я рада. Очень рада. Твоя сестра - явление. На всех первых полосах лайф-журналов. Как и ты с твоим блистательным именем. И за что ты меня выбрал – такую простушку? Ни писать пером и маслом, ни готовить, ни играть...

- Вот за это и выбрал. За то, что ты такая как есть. Блондинка и прекрасна без извилин. Помнишь, как я тебе свою флейту в руки дал?

Охрида помнит. Полированный посох длиной с руку до локтя, весь в перламутровых инкрустациях. Извлечь из него хотя бы простенькую мелодию для нее всё равно как дождю на водосточных трубах играть: сплошной хаос, грохот и свист.

- И я так тебе благодарна, милый...За всё, что было и будет.

Паутинник слышал спиной это щебетание и чуть усмехался - темный плащ, блеклые волосы, бледные глаза, непонятный возраст.

В следующий выходной, отсидев службу как настоящая пай-девочка, Охрида подхватила складной мольберт - он дожидался у портала церкви в общей куче подобного хлама - и отправилась «на этюды». Нет, хорошо, что старый общепалочка Манти на этот раз много читал из св. Гобермана, в том числе самое, на её взгляд, лучшее:

«Именно поэты и шуты
В рублище цветастом и убогом -
те слоны, атланты и киты,
что палитру держат перед Богом».

В парке под стеной монастыря Святых Дев юных художников - Камарго называет их подмалёвщиками - больше, чем травы и деревьев. Причём с обеих сторон мощной кладки. Все как один пытаются что-то изобразить в самых ярких тонах - кряжистые дубы и ландыши у их корней, надгробья и памятники, золочёные шпили храмов и саму стену. В поисках клочка земли для этюдника Охрида обходит девичью крепость по периметру. И вот, наконец. На берегу узкого тинистого пруда, который когда-то был рвом, - один-единственный мольберт. Даже без работника за ним. Девушка поспешно вытаскивает свою коробку на ножках, раскрывает, достает краски и кисти...

Глаз неожиданно упирается в оставленный набросок.

Нет, это вовсе не набросок. Далеко не.

Серебряным карандашом, тончайшими линиями и набело (или тут более подходит слово «начерно»? Линии же тёмные) изображена вода, густая, неподвижная, с еле заметной рябью, а за ней купы деревьев, блики на острых иглах шпилей, светлый известняк замковых стен, грубый камень фундамента. Яркая нежность цветов и листвы.

Отчего-то никто из художников не осмеливался оживить руины королевской резиденции, а этот смог. С той первой попытки, которую лишь и дает отточенное серебро. И недавно, если не на глазах: серая паутина штрихов еще не стала коричневой.

Ведь картина не коричневая. **В ней есть все краски.** Или они - только в глазах смотрящего?

- Простите, не люблю, когда мне заглядывают через плечо, - хрипловатый голос так неожидан, что девушка вздрагивает.

И встречается глазами с одним из **этих**.

- Но... вас же не было, - лепечет она. - И вокруг вас.

- Понятно, почему. И я им неприятен, и они мне. Где я - там вакуум.

- Я... мне тоже уйти.

- Меня тоже ушло, - передразнивает он. - Да ладно уж, оставайтесь. Располагайтесь с удобством, наследуйте мне, ради Бога. Нужный свет уже изменился напрочь.

- Свет?

- Вы что, основ своего ремесла не знаете? Замок видно под строго определенным углом падения лучей.

Она хочет было возразить, что дворца вообще нет, да и откуда этот чудаки знает, что там было до орбитальной бомбежки: замок или дворец, романтика, цветущая готика или вообще барокко.

Но осекается.

- Мы, кажется, знакомы, - знаком руки предупреждает вопрос паутинник. - Вместе храмовые службы посещаем. Барышня Охрида Лепид из медитерранских Лепидов?

Она молча кивает: в горле завяз комок.

- Хэмлок Шерл из колумбанских Шерлов, - лаконичный солдатский кивок. - Рад, что вы интересуетесь не одними церковными поучениями на моральные темы.

Точно - намекает на тот недавний *прискорбный инцидент*, - возникает поперёк ее мыслей. Гнусная лексика, вполне в духе слепышей. Тут бы Охриде и попросить о священнике, но невозможно: чуждые слова путаются на языке, стреноживают речь.

Наконец, она выдавливает из себя:

- Отец Мантопте..рий...

- Ах, отче Мантодей. Изобретательно. Мы, школяры, его только Мантикорой и умели дразнить. Ну и лют же был на драку лет тридцать назад! Куда всё подевалось. Он меня конфирмовал, между прочим. Промеж прочих таких же старых чудищ. Так что не бойтесь меня, девушка, никто из нас, паутов, вашего любимого пастыря не тронет. Пускай тешится вволю своей политнекорректностью.

На этих словах он хватает своё творчество, она - своё недотворчество. И удаляются в разные стороны.

Что называется, разошлись с миром....

Через неделю - третье, последнее оглашение в церкви отца Мантодея. После него, по не одобряемому церковью и вполне законному праву обручённые могут спать вместе. Не в одной кровати, разумеется, но под одной кровлей. А домик у матери Охриды небольшой и плотно набитый жильцами, точно улей, но хотя бы отдельный: не то что современные многоквартирники.

Среди ночи Охрида слышит, как неподалеку чья-то скрипка рыдает Брамса. Рыдает ее любимым «Венгерским танцем», тем самым, где в самом начале тягучая, нескончаемая, будто плач, мелодия. Она затягивает в себя, точно липкая паутина, да еще и самодеятельный артист играет так, будто руки у него не в ту сторону коленками повернуты. И сил нет дожидаться, пока мелодия сорвется в бурные каскады, пенные пороги, возгорится пламенем цыганского костра...

Она вскакивает с постели, кричит в окно:

- Эй там, прекратите - мы спим!

- Правда? - сквозь наставшее молчание слышится до надрыва знакомый голос. - Как опрометчиво с вашей стороны. Я имею - спать в такую чудственную ночь, единственную в своём роде. Багряная луна, зеленчатое небо - или как там полагается? Ладно, удаляюсь. Хотел поздравить с будущим медовым месяцем, серенаду исполнить... вот...

Из соседней комнатки появляется Камарго, обнимает невесту за дрожащие плечики.

- Милый, он меня преследует. Каждый день околачивается неподалёку. И вот теперь...

- Перестань, - отвечает он. - В сущности, этот Хэм - безобидный чудик преклонных лет. Вообразил своим расчетливым мозгом, что ты ему нравишься.

- И что он меня ревнует, наверное? - фыркает Охрида. - Нет, ты представляешь? Он меня...

- Не надо так кричать, - говорит жених каким-то странным голосом. - Услышат.

Следующий день начинается с хлопот. По старинному - еще до Красной Оспы - обычаю молодожёны совершают брачный облёт всего кантона или, по крайней мере, обширной поляны, где под открытым небом и за узенькими свадебными столами ликут свадебные гости. Генетическая предрасположенность к этому, к счастью, сохранилась, поэтому любые крыловидные импланты приживляются легко. Вот только грудобрюшные и икроножные мышцы потеряли закалку, и теперь их в самом деле хватает только на один круг. Но это касается одних обывателей: такие таланты, как прекрасная Камарга, могут прыгать в высоту и выделять прямо в воздухе невероятные пируэты и антраша.

А ещё среди Радужников ходят упорные сплетни о том, что среди их народа иногда на свет появляются *вейро*. На официальном языке - *виаторы*. От природы владеющие талантом свободного парения и полёта, которому любые мышцы и крылья - всего лишь подспорье.

Сплетням никто не верит, но они упорны.

Итак, нареченные рука об руку шествуют в спецмагазин-мастерскую и выбирают обнови. Охриде - широкие лопасти с роскошной черной каймой и большими лазурными «глазами» на бархатно-красном фоне. Камарго - как бы пластины из хрупкой слюды с ее прозрачностью и слоистым блеском, в тон его изысканно-серому жениховскому костюму. Заказы вживляют тут же на месте: к завтрашнему дню малые крылатые семена прорастут в плоти, к венчанию набрякшие почки развернутся во всю ширь.

В ночь перед тем, как молодой чете встать на крыло, девушка просыпается оттого, что зудят на спине тугие, готовые разорваться бутоны. И оттого, что где-то вдалеке кружит, петляет, окольцовывает их с женихом вертлявая мелодия дудочки. Незатейливая пастушья сопелка, какой в деревнях созывают скот на луг или леваду, и звенит она слишком рано.

- Камарго, опять *он*.

- Потерпи, милая. Завтра уедем в путешествие, а потом - в любое другое место, хоть к чёрту. Авось найду себе дело: меня все оркестры наперебой приглашают.

Он мнётся.

- Только не сердись. Хэмлок напросился на приглашение. Чистая формальность, ты знаешь: по факту зовём всех горожан. Отказать было неудобно. Ну что с тобой - он же тебя не сглазит. Вот так слёту паутинное дитяtko не заделает.

Она сдержалась и даже не всплакнула. Суженый прав: дотерпеть до завтрашнего вечера - просто ерунда. Труднее было свадебные наряды портить на спине вертикальными прорезами. Палевого оттенка платье с лифом из старинных бабушкиных кружев и небольшим кринолином - истинное чудо портновского мастерства.

...После торжественных слов отца Мантодея и такой же музыки, что извлекает из органа его помощник, умелый брат Теттигон, молодожены выходят на широкую папёрть в обнимку и прямо с этой стартовой площадки пускаются в брачный танец. В разбег. В парение. В низкий полёт на уровне крыш.

Молодые супруги уже завершают церемонию, когда из толпы гостей, кружась, выпархивает сама Камарга и летит навстречу на свежих, радужно-белых крыльях, то и дело выбрасывая стройную, загорелую ножку в одном из своих знаменитых па. Охрида в восторге: как догадлива милая золовка! Лучше подарка, чем ее танец, не придумать.

Она придерживается такого мнения ровно до тех пор, пока муж не сжимает ее ручку как тисками и не рвёт книзу живой парашют. Пока Хэмлок из рода Шерлов не взмывает вертикально ввысь темной ракетой. **Вейро**, мелькает в русой головке Охриды.

Тут ей загордило обзор, с силой пихнуло в сторону...

Последнее, что видит новобрачная до того, как плавно приземлиться, - кривой стальной коготь, что прорастает между пальцев, из стиснутого кулака слепня. Белое, как саван, лицо Камарги и темно-красный пион, что распускается в основании шеи и неторопливо стекает вниз по шикарному балетному платью. Последнее, что слышит, - истошный вопль мужа:

- Сердце моё, не хотел я того, Игором клянусь!

Охрида приходит в себя в чистой комнатке, что похожа одновременно на больничную палату и на камеру с решетками на окнах. Шевелится, привстаёт на койке - и тут же в дверь стучат. Явно наблюдали в скважину.

- Входите.

Паут в облегающем панцире цвета тусклого серебра. Молод, хорош собой, кареглаз, черная голова непокрыта.

- Разрешите представиться. Лестред Мармидон, из рода африйских Мармидонов. Начальник сигурансы кантона Фарм.

Полицейский.

- Да, я понимаю.

- Нет, я думаю. Насчет покушения на убийство и другого убийства всё ясно. Ваш бывший супруг постоянно боялся ревности своей...хм... внутриутробной пары и хотел освободиться из-под ее власти. Но не хотел выводить скандал на чистую воду. Оттого и не обратился к нам прямо. Хэм, вообще-то, мой старший приятель, одно время работал в сигурансе, потом в частном розыске, пока не отошёл от дел совсем. Вот Камарго и решил его к вам приманить. Вы вообще-то знаете, что клан Паутов, или, по-вашему, Слепней, не может оставить без ответа любую просьбу о защите, прямую или косвенную?

- Н-нет... Слышала. Но я не из ваших!

- Мы, в отличие от Радужников, не делим народ Фарм на элиту и быдло,
- ответил Лестер.

- Кто после этого выходит элита и кто...

- Перестаньте. Я по этой теме четко выразился. Но если вам по-прежнему интересно... Знаете, что в старину звали Паутиной с большой буквы? В школе вас обучали?

- Каждое живое создание излучает, а каждое неживое принимает и отдаёт волны знания, то же самое - информации, - проговорила Охрида, будто читая по учебнику. - Эти нити перекрещиваются и спутываются, отзываются на малейшее содрогание извне, влияют друг на друга, и оттого невозможно...

- Для гениев - **возможно**. Видите ли, когда наши женщины выходили за паутинников, они не боялись наказания за свою любовь к изгою и отчетливо понимали, что рецессивный ген обернется доминантным. Чувствовали, что вопреки обществу поступают верно. А за такую отвагу полагается небольшое возмещение от судьбы, не правда ли? В виде другого доминантного гена, что сцеплен с геном частичной слепоты. Вот. Хэм оказался вдвойне одарён: как виатор и как чтец невидимых текстов.

- Он сразу понял, что не священник, а я в беде.

- Конечно. И стал на страже. Смертей он не желал ничьих и постоянно напоминал Камарге о своём присутствии, особенно...хм... в критические для ее психики дни. Кстати, даже без большого ума легко было прочитать башмачки нашей прима-балерины как ножной кастет. И узнать, в чем соль ее сценической виртуозности. Но вот об инцесте между сестрой и братом... Неслыханно.

- Она умерла?

Лестред кивнул.

- Великая утрата для театрально-концертного общества. Двойная. Ваш супруг тоже покончил с собой. Взмыл высоко в небеса, пока крылья не отпали, и рухнул. Вы уж простите, что мы, полиция, не сумели помешать.

- Не захотели. Прощаю, что уж там.

Охрида чувствовала себя так, будто на нее разом навалилась мудрость всех предыдущих поколений.

- А Хэмлок. Жив?

- Если так можно выразиться. Нехилый щелчок в середину лба, что должен был как минимум сделать вас кретинкой, целиком достался ему.

Практически за миг до того удара кинжалом. Так что он нынче в полном смысле слова слепень. Радар, восприятие цвета и цвета... Да с какой стати я распинаясь! Наши сигурантские врачи говорят, всё может кое-как наладиться. Штука в том, что он пожелал с вами говорить.

- Где он? Я хоть сейчас.

- Да рядом, в одной из соседних палат.

Охрида кое-как сползла с мягкой кровати, влезла в пижаму и тапки.

- Пойдемте.

Хэм сидел в кресле: повязка пеленала лоб и козырьком стояла над глазами. На звук шагов и падения на колени повернулся.

Охрида проговорила - и снова: что за каша во рту некстати.

- Я...б-благодарна и сожалею. И - я поняла. Я вас люблю.

- Чего же боле, что я могу еще сказать... такого же идиотского? - рассмеялся он. И снова - на удивление мягко и добродушно. - Дурёха белобрысая. Не понимает, до чего собой хороша, насколько редка такая слитная красота лица, души и тела - и пробрасывается собой по пустякам. Даже в голову ей не придёт, что я могу быть женат на прекрасной женщине. У нас, собственно, двое вполне взрослых сыновей, а потому вы мне даже в снохи не годитесь. Нет, подождите, вот вырастете еще чуть-чуть, выйдете за одного из своих в доску, детишек ему славных нарожаете, *дары* в вас проклянутся. И все наладится, будьте уверены.

- Вы за этим меня позвали - отповедь прочитать.

- Нет, вообще-то. Просветить насчёт одной штуковины, пока время есть. Вон тот ваш любимый стих, о поэтах и фиглярах, - его нужно читать иначе. Опечатка в тексте - и пошло-поехало. Не «палнету»⁴, естественно, не палету, то есть дощечку для растирания красок, но уж точно не палитру. А вот так:

«Именно поэты и шуты

В рубище цветастом и убогом -

те слоны, атланты и киты,

что *планету* держат перед Богом».

- Как тебе? Логично, по-моему.

Охрида всхлипнула.

- Чего? На́ платочек, дитя. Утрись. Ангельские крылышки-то не чешутся, отпавши? Иди восвояси и будь умничкой. Всё, я сказал!

Через несколько лет уважаемая госпожа Лестред Мармидон, урожденная Охрида Лепид, вместе с мужем присутствует на торжественных служебных похоронах. И впервые видит жену погибшего, теперь вдову, царственно прекрасную леди Ара`нну: на той узкое пурпурное платье, священный траур по

---

⁴ В рассказе использованы «Иерусалимские гарики» Игоря Губермана в издании, где допущена именно такая опечатка: «палнету» вместо «планету».

пауту, завершившему земной путь лучшим своим деянием, с боков двое широкоплечих богатырей в рыцарских доспехах - сыновья.

Госпожа Ара`нна кивком подзывает свою молодую сослуживицу:

- Как хорошо, наконец, увидеть вас воочию. Ну да, я понимаю, не надо лишних слов. Хэмлок тоже этого не любил - напыщенности, театральности, плетения словес. Всего связанного с радужными мотыльками. Нет-нет, истинных детей Радуги он умел ценить.

- Кому, как не мне, знать это, - печально произносит Охрида.

- Я одно время после той истории с вами всерьёз полагала отпустить его от себя. Женщинам нашего клана мужа необходимы только до рождения детей. Но он сам не захотел: из развитого чувства долга, я полагаю. Он вам завещал одну небольшую игрушку...

Леди касается тугого корсажа, в ее руке сама собой появляется короткая флейта. Ошкуренная веточка ивы с отверстиями по всему телу и простым мундштуком, ровная и гладкая.

- Хэмлок просил также передать, что с этим инструментом даже ребенок справится. Вот, берите же. И будьте отныне благословенны.

Дудочка ловца греет пазуху, скрытно напевает священные, крамольные стихи:

«По счастью, я не муж наук,
а сын того блажного племени,
что слышит цвет и видит звук
и осязает запах времени».

В экипаже, которым управляет сам Лест, Охрида впервые за долгое время ревёт взахлёб, сладко, как малолетняя девчушка. И в первый раз за годы супружества возвращается не в дом, а домой.

***ПУСКАЙ ДАЖЕ ДОМ ЭТОТ И ЭТОТ ПРИЧУДЛИВЫЙ МИРОК
НАХОДЯТСЯ В ПОЛУРАЗРУШЕННОЙ, ОТРАВЛЕННОЙ
ИНСЕКТИЦИДАМИ И ВКОНЕЦ ЗАБРОШЕННОЙ ОРАНЖЕРЕЕ
ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-РЕПРОДУКТИВНОЙ ГЕНЕТИКИ...***

Газель

Возьми ручей в свою ладонь - и пей!
Сними оружие ты и бронь - и пей!

Грозит безумием широкий путь:
Пускай нетерпелив твой конь - ты пей.

И цвет, и плод - всё в мире сем гниёт:
Отринь красы его, и чад, и вонь, - и пей.

Все прелести точат и мёд, и яд:
Отрав земных и яств не тронь - и пей.

Небесный аромат и шип - мой сад.
Терновник - не для кротких сонь! (Ты пей...)

Мир вяжет, Та-Тиан, но конь - крылат.
Ты руку окуни в огонь - и пей!

Старая мебель

Люблю шастать по свалкам и помойкам! Как говорится, помойка - клад археолога, свалка - сокровищница коллекционера. Сколько стекается на эти пажити того, что осталось от прежних времен - уму непостижимо. Пожелтевшие простыни с кружевным подзором ручной работы, дряхлые наволочки с прошивой, занавесочки на пол-окна, плотно вышитые петухами и розанами. Однажды я обнаружила неподалёку старинную швейную машинку на буковой станине и, поднатужившись, притаранила домой. Саму машинку, благо не Зингер, сразу отвинтила за ненадобностью и отволокла назад, дерево же перебрала, отполировала, покрыла аквалаком и законопатила образовавшуюся после удаления техники выемку дощечкой с ярким ситцевым рисунком в мелкий цветочек. Поставила на ситец настольную лампу - бронзовый бык чешет спину о дерево с пышной, в оборочках, зеленой кроной в виде абажура. Через некоторое время судьба в лице дачной приятельницы подарила мне венский стул с продавленным сиденьем; пару к нему я нашла прямо на лестничной площадке как раз накануне визита в булгаковскую «нехорошую квартирку», где похожий раритет венчал кухонную то ли пирамиду, то ли баррикаду. Снова покрыла глубоким лаком, вырезала лобзиком новые сиденья и обтянула бывшей панбархатной юбкой.

Некто загадочный продолжал подавать мне знаки: на одном из стульев угнездился плюшевый львёнок со скорбным выражением на лице, изъятый из контейнера с объедками, через спинку другого перекинулась изысканно драная кашемировая шаль в мелкий огурец. Критическая масса находок была перейдена в тот момент, когда я водрузила на столик винтажную фарфоровую статуэтку советских времен, только самую малость облупленную: босоногая девушка, сидя на табурете, читает книгу.

И вот в один из ближайших вечеров я, войдя в комнату, удивилась, кто это без меня зажжёт лампу. Впрочем, свет был какой-то необыкновенный: точно... раскаленный добела факел, бело-огненный с призрачным зеленоватым отливом, наподобие того серебристого сияния, которое излучают подернутые рябью волны тропического моря, когда луна стоит высоко в безоблачном небе.

- Да, вы прекрасно помните эту странную цитату из мистера Клеменса, - раздался женский голос приятного тембра. - Надо же - рябь не вместо, а прямо на волнах.

Это говорила девушка с открытой книгой на коленях - только и книга, и сама девушка стали совсем другими. Ледериновый переплёт был явно старой, даже заграничной работы, а читательница оказалась обряжена в длинную, до пола, юбку из тёмного сукна с глубокими складками, белую блузку с оборками и стойкой и мягкие прюнелевые башмачки. Руки, поддерживающие книгу, были в лайковых перчатках, что сидели без единой складочки. Небольшой

шиньон на макушке расплелся, и мягкий каштановый локон выпал из него на шею.

А в довершение всего - эта прелестница ростом в полвершка сидела на том из моих стульев, что был свободен, и накрывалась по плечам моей шалью!

- Не думайте, что я в самом деле карлица, - улыбнулась она. - Ведь и вас я вижу совсем маленькой, и вашу комнату. Это пространственно-временная перспектива так озорничает. Но так чётко видно - сама удивляюсь.

В самом деле, это было на грани фола: тем более что абажурный ясень стал настоящим деревом. Бык, на счастье, спал на границе ситцевого луга и даже слегка похрапывал. Моя гостья тем временем продолжала совсем обычным голосом - ни малейшей писклявости и напряжения, которых можно было ожидать от крошечных связок или на таком расстоянии:

- Знаете, милостивая сударыня, нас всегда привлекали и, можно сказать, магнетически притягивали к себе вещи из нашей эпохи. Они создают ауру времени, когда всё было так невинно и так дерзновенно - особенно те из них, что реставрируются с небольшим умением, но с великим тщанием и любовью. Видя такое, мы и сами надеемся на радушный прием и на то, что нас захотят выслушать.

- С кем ...э... имею честь? - промямлила я наконец. Как ни странно, никакого особенного смятения не ощущалось - скорее любопытство. - Вроде как вы мне снится, только очень уж выпукло.

- Но это вас нимало не удивляет и не пугает.

- Пожалуй. Я всегда придерживаюсь мнения, что пугаться в таких случаях, когда от тебя нужно действие, невыгодно. Зато вот удивление - штука хорошая.

- Держу пари на горсточку радиоактивных светляков, что вы так и существуете - в радостном изумлении перед всем сущим, - улыбнулась она.

- А коли ты уже глубоко внутри, надо принимать сущее таким, как оно есть. Первое правило Алисы в Стране Чудес.

- О, я вижу, вы так же восхищены парадоксами мистера Доджсона...да, мистера Кэрролла, как были и мы в своё время. Так же как, полагаю, и парадоксами мистера Клеменса, - моя собеседница похлопала затянутой в кожу ладошкой по странице открытой книги.

- Вы читаете именно его.

- Да. Видимо, оттого я и оказалась тут, что захотелось поделиться некими его мыслями со своего рода коллегой.

- Филологом?

- Если только самозванным. Я, собственно, физик, в точности как моя добрая учительница мадам Кюри. Кстати, можете звать меня Марией, как и ее саму.

- Очень приятно. Татьяна, - поклонилась я. Мне сразу захотелось сесть, но оставшийся стул был по-прежнему занят львёнком.

- Так вот, милая Татьяна, слушайте. «Девятнадцатый век был чудесным веком, но чудеса его покажутся детской выдумкой по сравнению с тем, что несёт двадцатый». В самом деле, мы, физики, и все люди доброй воли предрекали век радия. Век практически бесплатной энергии и неизмеримо возросшей мощи объединенного человечества, которое высвободит из ядра огромные, до того скрытые силы. Двадцатый век мнился нам веком благоденствия.

- Угу, - сказала я. - Две войны невиданного прежде размаха, атомная бомба, водородная бомба, постоянная угроза от мирного атома. И в придачу государственные перевороты самого дурного толка.

- Мы полагали, что нащупали практически неиссякаемый источник благодати, и забыли, что за всё приходится платить, - Мария повела перед собой затянутой в перчатку кистью.

- Язвы от лучевой болезни? - спросила я.

- Нет, только шрамы. На ногах, кстати, тоже, оттого и туфли мягкие. Собственно, никто из нас не обязан носить на теле эти наполовину зажившие стигматы. Мы просто не хотим забывать, понимаете? Того, что дали вам опасную игрушку, не вооружив защитой от нее - ни духовной, ни даже материальной. Мы думали, что получив из урана полоний, радий и актиний, а затем отделив полоний от висмута, вооружим наших потомков куда лучшей броней, чем теперешние пластины из свинца и тому подобных вещей, которые все равно до ужаса проницаемы. Броней из чистого полония.

Она снова пригнулась к книге и произнесла:

- Это о многолетних трудах мадам Мари. «Она еще более укрепит могущество человека, перед ним откроются величайшие возможности».

- Безнаказанно благоденствовать и безудержно убивать, - добавила я.

- «Да, так все они работают, эти одержимые, эти люди науки, - копаются, пыhtят, бьются. Вот бы мне для моего хозяйства партию таких старателей», - говорит мистер Клеменс устами своего героя.

- А сам герой...

- Вспомнили, откуда цитата? Нет-нет, я вовсе не там, отнюдь. И другие мои коллеги... Нам была оказана милость, хотя кое-кто по недомыслию создал...

- То, что ярче тысячи солнц.

- Именно. Мистер Сэмюэл предсказал это в тысяча девятьсот четвертом, когда я... когда госпожа Кюри была еще жива и полна замыслов. И продолжила цитату очень тихо: - «Внутренности мои пожирает огонь, я страдаю невыносимо и обречен страдать вечно... Если я сброшу с себя верхний покров, Земля, охваченная дымом и пламенем, обратится в пепел, а от Луны останутся только хлопья, которые рассеются по всей Вселенной».

Я в самом деле увидела то, о чем прочла Мария. На моих глазах крона дерева чудовищно распухла и образовала сначала характерный гриб, состоящий из огня, пара и каких-то лохмотьев, а затем угольно-черную трещиноватую сферу. Сфера колыхалась и, наконец лопнула по всем разломам сразу. Кипящая

лава выплеснулась оттуда, как желток драконьего яйца, и накрыла всё то, что осталось от нашего мира...

А потом всё вмиг погасло.

- Вы стоите в начале нового тысячелетия, нового века. Чего вы ждете от вашего времени - того же, что мы от своего? - спросила Мария.

- Лично я не жду ничего и с готовностью принимаю всё - такой уж у меня характер.

Я улыбнулась ей, хотя сделать это оказалось трудновато после такого - не знаю, как сказать, эксцесса или вскрытого абсцесса. Впрочем, ядерной катастрофой мы, земляне, были и до того в избытке пуганы. Нас, как говорится, пугают, а нам не страшно. - Я, Мари, ведь по складу ума вроде самурая: знаете, как он перед поединком стоит в расслабленной позе, но на самом деле готов к любому повороту дел.

- И ничем не обольщаетесь: ни плохим, ни хорошим, - Мария улыбнулась мне в ответ. - Ни апокалипсисом, ни блеском цивилизации. Вы одна из нас, право слово. Из будущих вестников. А теперь скажите вслух название рассказа.

- «Сделка с Сатаной» Марка Твена. Верно?

- Верно. Все эти похвалы науке, мощи и силе человека, победам над природой и стихиями он вложил в уста Сатаны. Цивилизация - вечная сделка с ним и наработка на Страшный Суд. Люди покупают благоденствие, покой и власть, а получают...

Она развела руками.

- Как-то звучит безнадежно, - ответила я. - Мы что, все погибнем?

- Вы лично при любом раскладе должны уйти раньше, чем начнется самое главное. Ведь вы, Татьяна, никогда не хотели того, что мой приятель Марк называет «бессмысленным надругательством, имя которому - старость». И я надеюсь, что сбудется по вашим словам.

- В этом смысле спасибо, - пробурчала я. - Хотя недурно было бы глянуть на лихой перформанс.

- Глянуть на круто сваренную кашу - не в самой этой каше вариться, - возразила она. - Остальное человечество... Ах, не бойтесь, никуда оно не денется. Выживет в общем и целом. Просто вы ныне стоите в точке выбора, откуда ведут многие пути, но ни один не похож на ваш теперешний. Если вы это примете и согласитесь с утратой всех командных постов, то, пожалуй, вернете былое уважение к себе.

- Точка бифуркации, - подтвердила я. - Синергетика. Сингулярность. Аттракторы. Ласло, Фукуяма, Назаретян. Слыхали мы, как же. Так что, наша мебель будет выброшена на свалку? Или всего-навсего убрана в дальнюю кладовую?

- Не знаю, моё дело предупредить, - донеслось откуда-то с другой стороны света.

- Нет уж. Цивилизация - нечто большее, чем этот мой любимый хлам, - пробормотала я. Окружающее тем временем спешно принимало истинные размеры и окраску: похищенный стул вновь оказался на полу, шаль свисала со спинки до самого линолеума, дивная фосфоресценция потускнела ватт до сорока, бык по-прежнему твердо стоял на ногах, упираясь рогом в кривой ствол. - Нечто куда большее.

- И м-много, много более м-моторное, - промычал бык и мотнул в подтверждение слов рогатой башкой. - Верно ведь, брат мой сим-мба?

La bagatelle⁵

«Ставил я твоё лицо на пюпитры городов,
Рисовал его мелком на тенистых площадях;
Сколько трепетных ладов вьюгой я свивал в кольцо,
На скольких седых ветрах водружал наш общий дом!»

«Поднялась бы на крыльцо, отперла бы дверь ключом,
Но мелодии моей не сумел ты угадать;
Шёлк не сделаешь холстом, хоть прошей заподлицо,
Многоцветная печать мела твоего прочней».

Обратиться в серый прах - коли красок не сыскать,
Коли нет ни нот, ни дней - был уж я совсем готов,
Но сказала: «Полно ждать: ведь и я тону в слезах.
Сеть сплела я из шелков, чтоб тебя поймать верней».

---

5 Безделица (*фр.*)

Раковина и зеркало

Каждый солдат несет в своем ранце маршальский жезл. Любая ракушка, что живет на речном или морском дне, даже на плоской литорали, мечтает вырастить в себе жемчуг, равного которому нет на земле, да и на небе, пожалуй, тоже!

Вот и заглатывают, затягивают в себя всякую дрянь из воды - это я о самых жадных и наглых. Скромницы тоже, хоть и нечаянно, а получают-таки свою занозу, свою язву в плоть; результат в обоих случаях практически один и тот же. И больно, и противно, и мочи нет обволакивать своей слизью - так долой ее, эту соринку со всеми на нее надеждами! Если получится, конечно: но вопреки тому, что знают о раковинах люди, получается такое на удивление часто и просто.

Есть еще один разряд - хамок, которые сами напрашиваются к человеку на операцию под наркозом и послеоперационный уход. Жемчуг из таких получается, но, выращенный в холе и неге, он дешев: внедрённое - не добытое, сделанное - не природное!

И только самые терпеливые творят в себе настоящий жемчуг. Оттого и случается это весьма редко. Реже, чем догадываются люди...

Случилось так, что раковина совсем иной породы и касты, чем так называемые жемчужницы, возжелала себе невозможного. В их среде и разговоров таких никогда не было, а она осмелилась... Ну, моллюск в ней, разумеется, жил и на отдыхе небольшой дверочкой прикрывался, но сама она была не двустворчатая, а извитая, как рог, в который дует Тритон. И не могло его подвижное, самостоятельное тело по самой природе своей зацепиться ни за какой клочок материи. А где ж это видано, чтобы кто-то выходил из границ, самой натурой поставленных всякой твари?

Моллюск такой ракушки, как уже мы говорили, склонен, по сравнению с прочими, к относительному бродяжничеству. Пока ему хорошо в своем домике, он хоть и отходит от него, но совсем недалеко, но вырастая - покидает свое пристанище и ищет нового. В юной раковине жил хорошо уже поживший слизняк, поговаривали, что именно он заразил ее сумасбродными идеями...

Пока моллюск терся мягким животом о песок и камни, оставалась еще надежда, что он принесет в себе зародыш жемчуга и поселит в своей напарнице. Но он в конце концов удалился на вечные всеокеанские просторы, и наша раковина осталась безнадежно одинокой. Себя она, правда, не очень жалела - успела привыкнуть к целомудренной судьбе. И тогда прониклось к ней сочувствием всё широкое море и сказала:

- Ни жилья в тебе, ни сора, ни драгоценности - одна пустота. Хочешь, я наполню пустоту самим собой?

- Но ведь тогда никому другому не удастся войти в меня, чтобы найти приют, - огорчилась раковина. - А давать приют - истинное моё предназначение. Ты вытеснишь из меня - меня саму.

И всё-таки она не сумела воспротивиться, когда море, прихлынув, наполнило ее своим шумом.

- Ты всегда останешься собой и будешь равна самой себе, - тихо пророкотало море. - Это меня будет прибывать в тебе день за днем, год за годом, с каждой струей, приходящей и уходящей, пока ты не станешь равной - всему мне.

Так, с морем внутри, жила раковина еще долго, почти вечно; и носили ее течения, перекатывая по дну, чтобы познала она все чудеса влажного мира. Все воды морские протекли через нее, ибо она не умела закрываться от них. А когда самая большая волна подстерегла ее на мелководье и выбросила на берег, она решила, что вот, наконец, и пришла ее смерть.

Но то был ребенок, который играл на песке под ярким небом и тотчас же подбежал, накрыв раковину своей любопытной тенью. Он схватил тяжелую, отполированную водой и песком трубу - розово-бежевая внутренность просвечивала сквозь коричневатую кожу с перламутровым отливом и чуть выглядывала через вытянутое в длину отверстие - и обеими ручками поднес к уху. От взрослых он слышал о звучащих раковинах: и все-таки многоголосый орган приливов и отливов оглушил его, протек через него насквозь, ничтожа его нежное тельце и хрупкую душу. Мальчик испугался и бросил раковину назад, в песок.

Он выжил, конечно, и поборол свой страх - когда он вырос, не было на свете более отважного мореплавателя и поэта водных странствий.

Второй мальчуган, который заинтересовался раковиной, был постарше: этот не испугался морского органа и долго его слушал. Потом заметил он, что самый кончик раковины то ли обломился, то ли проколот, и подул в него...

Звук чудовищного рога был так величествен и страшен, что едва не сокрушил ему кости. И хорошо, что на линии этого звука не оказалось ни одной живой души: там, где пал он на песок, - поднялся смерч, на камни - пропахалась глубокая борозда.

«Второго раза мне не выдержать, - подумал мальчик и аккуратно положил раковину в расщелину скалы. - Может быть, кто-нибудь из взрослых подберет это чудо и найдет ему достойное применение».

Этот мальчик, выросши, стал несравненным композитором и певцом, потому что не боялся тех созвучий, порою диких, порою - неземных, которые чудились ему во всем мире и приходили во снах.

Но третьим, кто нашел раковину, по иронии случая оказалась девочка, вовсе не взрослая, а, наоборот, куда меньше каждого из прежних ребяташек. Чтобы унести роскошную находку к себе домой, ей пришлось снять платьишко и скатить ее туда, как в мешок. Она не смогла нести мешок в руках и волокла по земле следом за собой, без особого почтения, но аккуратно и бережно.

Девочка не испытывала раковину. Она была незатейлива и не мечтала ни о славе, ни о богатстве; поэтому она даже не попробовала извлечь из раковины новое чудо - просто полюбила за то, что раковина была такая красивая. Про себя-то девочка уже знала, что нехороша собой - ей не постеснялись сказать о том другие. А поскольку трудно причесываться, уж совсем не глядя на себя, девочка с трудом водрузила свою находку на туалетном столике своей матери. Над ним было повешено красивое большое зеркало, самая ценная вещь в доме. «Теперь я смогу иметь и под стеклом, и в стекле кое-что куда более красивое, чем я и чем ветхая скорлупа нашей лачуги», - подумала девочка. Ну, может быть, не так сложно и не так связно - она ведь даже в школу еще не ходила.

В самом деле, и мебель, и стены их старой квартиры были неприглядные: обивка засалилась и потёрлась, краска и белила облупились, потёки грязи почти невозможно было смыть, а протечки и плесень множились от весны к весне. Все они стеснялись этого и старались глядеться в зеркало пореже. Мало отражались в нем и родители девочки, но уже по другой причине: им приходилось много работать. Вот и жили по ту сторону стекла только двое: двойник девочки и копия раковины.

Девочка выросла, набиралась опыта - раковина оставалась всё такой же. Девочка - потом девушка, потом женщина или, точнее, старая дева, потому что она так и не вышла замуж, стыдясь своей некрасоты, - щедро расточала себя и свое небольшое достояние, которое оказалось неожиданно крупным. Сколько ни отдавала она нищим, сиротам, бездомным псам и кошкам - для того, кто приходил вслед за ними, всегда находилось и доброе слово, и вкусный кусок, и даже блестящая, недавно отчеканенная и заработанная монетка.

От раковины не убавлялось ни пылинки, ни звучания - сама по себе она не умела делать того, что делала женщина. Даже напротив: отверстие, которое образовалось в остром конце, заделали особой пастой, и звуки обречены были без конца копиться и наслаиваться друг на друга внутри.

Женщина и ее потусторонняя соседка старели, раковина и ее отражение пребывали неизменно. Наконец, женщина стала совсем дряхлой. Она почти не покидала кресла, что было поставлено прямо напротив блестящего стекла, но глядела не в него, а на раковину с нежной розовой плотью, которая казалась ей чем-то вроде ребенка, которому сама она так и не сумела подарить жизнь. В доме снова стало полно народу - молодых людей, друзей старухи и детей ее друзей и родичей. Они хлопотали вокруг, изредка и вскользь бросая взгляд в зеркало - так оно увидело, как хороши бывают человеческие лица, и это как бы окольным путем отложилось в раковине.

И вот как-то ночью старуха проснулась оттого, что из зеркала бил свет. Он не резал глаз, не тревожил души, но спать при нем было невозможно. Старуха подняла глаза. Из глубины на нее смотрела красавица, которая точно так же, как она, сидела в кресле - но кресле, обтянутом золотистой парчой; и анфилада чудесных комнат, похожих на залы императорского дворца, простиралась за ее спиной в дальнюю даль.

- Что же - ты так и не попросила у меня никакого подарка? - сказала прекрасная женщина, и та, что глядела на нее из темноты, вдруг поняла, что сие лучезарное существо - отражение ее любимой раковины, но одновременно и сама раковина, и та, кто на нее сейчас смотрит.

- Я ничего не хотела, потому что мне ничего не было надо, - ответила старуха.

- А почему так? - улыбнулась красавица.

- Потому что когда любишь, не хочешь брать - хочется лишь хвалить и восхищаться, - ответила бывшая девочка. - И раздавать повсюду любовь: ведь она почему-то никогда не кончается.

- В том-то и состоит чудо любви, - сказала юная женщина, - что отдаешь луч, а получаешь десять сияющих стрел, которые, отражаясь в поставленных друг против друга зеркалах, обращаются в целый сноп пламени.

- Значит, вот почему моя любовь к тебе так дивно умножалась и простиралась на всё живущее, - радостно сказала старуха. - Я всегда чувствовала и понимала это!

- Да, ты стала умной, сестра моя, очень умной, - ответила раковина. - Может быть, ты догадаешься, о чем тебе все-таки стоит попросить меня? Ведь иначе я не смогу подарить тебе то, что нужней всего.

- А что нужно мне сейчас, на склоне жизни? - ответила ее собеседница. - Еще год или столько-то там сидеть сиднем? Нет уж, увольте. Ах, еще здоровья, ума и бодрости в придачу? Знаешь, бодрой суетой я накушалась досыта в то время, когда положено суетиться. Но по-настоящему мудрой сделалась только тогда, когда смогла усесться и хорошенько рассудить насчет того, какие из моих хлопот пошли людям впрок, а какие - не очень. Ведь в молодости хочется облагодетельствовать весь мир, а потом догадываешься, что кое-кто в нем вовсе не желает получить такое безбрежное, беспредельное и безраздельное счастье.

- Это ты про своих нищенских или про саму себя? - с хитрецей спросила та, что восседала напротив.

- И про тебя тоже. Бог троицу любит. Скажи, чего ты хотела в детстве больше всего? Ну, не стесняйся. Это было так давно, я думаю - много давней, чем у черепахи Тортилы.

- Жемчужину, - прошептала красавица, чуть краснея. - Несравненную жемчужину, которой можно гордиться перед целым светом. Увы, всё мое тщеславие осталось в прошлом.

- Так вот ее-то мне и подари, слышишь? - задорно крикнула старуха. - Представляешь, как я буду на склоне дней своих ей любоваться, я, которая и с одной тебя глаз не сводила... и одевала тебя своим восхищением слой за слоем... и ласкала словом и взглядом... и...

- Что «и»? - спросила красавица старуху.

- И в мечтах становилась тобой, дарила тебе душу, - запнувшись, проговорила та.

- Как несравненную и чистейшую жемчужину, которая живет не для себя, а для целого мира, - продолжила красавица. - Смотри, я обладаю тобой настоящей и я - я возвращаю тебя тебе!

Сквозь зеркало она протянула руки к старухе, подняла ее с места и ввела во дворец из многих комнат. Две там оказалось женщины - или одна, чья сила и красота многократно умножились? Никто уже не знает и не сумеет узнать.

Ибо в дряхлом кресле осталось лишь крошечное, иссохшее тельце, в котором давно уж не теплилось ни искры настоящей жизни.

Finis⁶

С жизни опадает внешний лоск,
Лишь скорлупки оставляет людям быль:
Костяной фарфор, оплывший воск,
Выпит кофе, и погас давно фитиль.

Лишь листок бумаги на столе
Сохраняется, хоть весь исчерчен сплошь;
Лишь окно с рисунком на стекле
Ждет, что ты его откроешь - и войдёшь.

---

6 Конец (*лат.*)

Если Вам понравилась эта книга, Вы можете выразить свою благодарность автору в материальной форме, перечислив любую сумму, соразмерно полученному удовольствию, на электронный кошелек

WMR <не предоставлен>

WMZ <не предоставлен>

Спасибо!

***   ***   ***

NORD VIND

Издано по инициативе и на средства библиотеки сайта «Nord Vind»
<http://nordvind.ucoz.net>

Авторство: Мудрая Т.А. © 2011

Компоновка: Мудрая Т.А. © 2011

Оформление: Мудрая Т.А. © 2011

Верстка: Nord Vind © 2011

Формат: PDF

Сверстано при помощи свободного программного обеспечения LibreOffice, ScribusNG, GIMP.

UBBN 1E0005CE0M002F1-0B80E